

ВИХРЬ ПЕРЕПРАВ

Ольга Ярмакова

Ольга Ярмакова

Вихрь переправ

«Автор»

2023

Ярмакова О. В.

Вихрь переправ / О. В. Ярмакова — «Автор», 2023

В день своего двадцатидвухлетия Матфею Катуню открывается: он - «Проснувшийся». Подобных ему мало, и у каждого свой прислужник, с которым можно говорить. Это узнает он от ворона, который «будит» его, и отныне парню предстоит жить в новой реальности. Ко всему прочему, Матфей способен понимать речь чужих прислужников, а это очень редкий и опасный дар. Ведь за такими, как он, веками охотятся две влиятельные организации. Вот только одна жаждет использовать дар в корыстных целях, а другая – уничтожить его носителя.

© Ярмакова О. В., 2023

© Автор, 2023

Ольга Ярмакова

Вихрь переправ

I. Когда в окно постучится ворон

Фей

Мальчик не желает кричать, ведь тогда отец решит, что он трусишка, но страх сильно пронимает до нутра, морозит кончики пальцев и льдом опалает живот изнутри. Только мама не считает сынишку трусом, всегда с готовностью летит на его призыв, подставляя тонкие, но сильные руки для спасительных объятий. А их, ох, как не достаёт Матфею в трудную минуту.

– Мама! – детский испуг прорывает ночную тишину дома, нависающую тончайшей вуалью.

Конечно, ему тут же стыдно – такой большой, шесть лет, а всё маму зовёт. Скоро в школу идти, а он едва в кровать не напрудил с испугу. Но теперь уже поздно, выкрикнутое не воротишь. И вот уже через несколько долгих минут за дверью, в коридоре, доносится знакомое шуршание маминых тапочек. Дверца открывается, из коридорного сгустка тьмы выныривает мама и мягко проскальзывает в комнату сынишки, который дрожит, сжавшись в комочек под вихрем из одеяла и подушек.

– Фей, что такое? Снова кошмар? – её сонный, но заботливо-тревожный голос тут же действует лучше всяких внушений, пусть в спальне и темно.

Мама усаживается подле, на краешек кровати, напротив незанавешенного окна. Этой ночью чернильное небо чистое, словно его усердно тёрли, счищая пятнавшие его облака и звёзды. Только луну оставили, полную, бронзовую. Её мягкий, медовый свет золотистым ореолом оседает на маминых волосах, отчего профиль лица в темноте кажется чутко призрачным, как во сне.

– Это не кошмар, мам. – Мальчик силится придать голосу уверенности, но дрожь, словно вирусная зараза, прокрадывается в горло. – За дверью снова кто-то скрёбся. Так противно, как твой хорёк.

Мать ласково обнимает кучу-малу из смятого постельного белья с сыном в сердцевине, её дыхание долетает до детского личика, обдаёт теплом с запахом молока и крема, которым мама смазывает кожу лица перед сном.

– Т-ш-ш-ш, – выдают её губы совсем близко, – это сон, сына, только сон.

Она немного отстраняется и смотрит в упор. Светло-зелёные днём её глаза в темноте поблёскивают ночным небом, только в отличие от пустого небосвода, в её взгляде искрятся звёзды. Недавний страх тут же тускнеет, теряет яркость и формы, мальчику уже начинает казаться, что мама права: ему всё приснилось. Но тут он улавливает движение в чёрном проёме открытой настежь двери. Конечно же за мамой увязался её ручной любимец, белый хорёк Велizar. Светлое пятно в темноте. Странное животное. Сынишка с неприязнью смотрит на хорька, тот не жалуется маленького хозяина, довольно прямо давая понять это, несколько раз куснув, причём больно, когда мальчик имел намерение погладить зверька.

Мать будто чувствует, что кроме них с сыном есть ещё кто, оборачивается и тоже замечает белёсую тень у двери. Женщина задерживает взгляд и хорёк, поняв без слов, убирается прочь.

Нет, не сон! Матфей хочет прокричать во всю мощь, но голос таинственным образом немеет, застревает глубоко в глотке и леденеет. Да что же такое?! Так всякий раз. А сколько их было, этих разов? С прошлого года противный зловещий скрежет за дверью донимает его, пусть и не каждую ночь, и не всякую неделю. Но суть-то одна: мама приходит, шепчет слова

успокоения и уходит, оставляя его наедине со страхом, который никуда не исчезает, не оказывается банальным кошмаром из сна, но вновь проявляет себя, как только тишина возобновляется в доме. И тот, кто скребётся за дверью, знает точно – в том мальчик полностью уверен, – маленькая жертва второй раз побоится вновь призвать маму, отваги не хватит. И мальчик больше страшится не того, кто за дверью, а отца, что громадной тенью поутру нависнет над ним и начнёт, нет, не ругать, этого в воспитании сына папа не позволяет себе, если только очень редко и за дело, но стыдить непременно примется. А мальчишка готов до утра, молча, терпеть, лишь бы не смотреть в отцовские глаза, в которых тяжёлый упрёк. Ничего постыднее нет в мире, чем видеть, сожаление в глазах того, кого обожаешь и боишься одновременно. Папа строг, но справедлив. Он прав, Фей – трусишка, раз по ночам зовёт маму.

– Если хочешь, я останусь, – предлагает мамин голос, чмокнув сухими тёплыми губами в нос.

– Нет, нет, мамуль, – тут же торопливо протестует сын, живо представляя за завтраком отца, – не надо.

– Точно? А то я могла бы...

– Нет, всё хорошо, – фальшивит мальчуган и вздыхает с облегчением, когда мама выпускает его из своих рук.

– Ну ладно, – соглашается она, но вдруг наклоняется и произносит, – если что не так пойдёт, зови, не стесняйся.

Он кивает и задумывается, когда мама выходит из его спальни и медленно прикрывает за собою дверь: что же не так может пойти?

Шаги за дверью стихают, вновь дом наполнен снами и ночью.

Загадка вертится на кончике языка, готовая сдаться и открыть невероятную правду. Матфей уверен, что скрежет ему не снится, всё взаправду, но отчего же родители ему не верят? Неужели они не слышат? А если слышит только он, то, что же это, он ненормальный? От мысли его кидает в жар, он тут же сбрасывает одеяло, но опомнившись, набрасывает на себя снова. Это его укрытие от монстров, его домик, его секретное убежище до утра. Днём скрежет не преследует мальчика, впрочем, ему и других странностей хватает, когда ночь отдыхает.

Шуршание возобновляется. Кто-то тихонько, еле слышно царапает низ двери в коридоре. Это так тихо, что вполне можно принять за шорохи, которые издают дома, но мальчик отчего-то твёрдо знает, что некто за дверью специально скребёт, с целью напугать, сильно-пресильно. С той стороны на двери и правда имеется несколько слабых тонких отметин, в самом низу, чуть толще волоска, но как доказательство не годится.

Нырнув с головой в самую гущу одеяла, мальчик всё ещё слышит скрежет, отдалённо, будто из глубин. Он жмурит с силой глаза и решает представить что угодно, вообразить невесту что, лишь бы отвлечься. Тогда тому, кто шуршит, надоест и он прекратит.

Подсознание вдруг поднимает на поверхность недавнюю встречу в городском парке, где мать с сыном прогуливались на днях. Накануне весь день шёл дождь, и дороги накопили множество серебристых луж и лужиц. Воздух тяжелеет влагой и приторным ароматом липового цветения. Матфей, обутый в удобные резиновые сапожки не мог упустить шанса побегать по озерцам, в которых на бледно-голубых лоскутах проплывали молочные облака – отражения неба. И, сильно увлечшись, он не заметил девчущку, стоявшую совсем близко около одной особенно глубокой и широченной лужицы. Как результат «девятый вал» настиг девочку, хорошенько обдав её. Мальчуган, осознав масштаб проказы, тут же замер, прямо во взбаламученной воде, смущённо уставившись на «жертву» приливной волны. Однако, к его изумлению, насупившееся было девчачье личико прояснилось, а глазки-угольки, по-лисьи раскосые, хитро, даже шаловливо зыркнули. И в тот же миг девчонка, на которой, кстати, тоже имелись сапожки, ка-а-ак прыгнет в ту самую лужу, поближе к мальчишке! Этого он уж точно не ожидал от девочки. Ведь проделки и баловство по большей части – мальчишеское занятие. Его обдало

нехилой волной, но как же было здорово! Они принялись прыгать, зайдя в самую сердцевину воды, не вникая в крики матерей. Девочка сжимала в руке радужную карамель на палочке, та сладко пахла жжёным сахаром и ванилью. И в какой-то момент, когда солнце проглянуло и высветило лужу с резвящимися детьми, мальчуган невольно залюбовался незнакомой девчушкой: та прыгала, прикусив в азарте язык, только кончик розовел в уголке улыбавшегося рта. А как задорно взлетали её косички! Короткие, смоляные, затянутые снизу белыми резинками. Никогда прежде мальчик так восхищённо не смотрел на девочек, они попросту не существовали в его мире, обтекая его, как воздушный пузырь. Но в той луже тогда пузырь лопнул, открыв нечто новое, о чём малец доселе не подозревал.

Именно этот образ и вытаскивает из памяти Фей, защищаясь изо всех сил от страха, что подтачивает с обратной стороны двери. А там, будто почувствовав его настрой, скрежет унимается, но вместо него объявляются два голоса, тихих, вкрадчивых.

– Он силён для своего возраста, – с фырканьем сердится один из голосов. Он приглушен, но чем-то напоминает пёсье тьяканье. – Надо точно увериться, что он не подселенец, ещё людина нам не хватало в доме. Я этого мальчишку еле выношу с его манией тисканья.

– Ти-ш-ш-ше, Вел, – внушает ровный, монотонный отзвук другого голоса, от которого у Матфея мороз по коже.

Если бы мальчик мог, то поклялся, что за дверью говорящая змея. Но змеи не вещают по-человечьи, тем более, они не способны мыслить, как люди, это же невозможно!

– Нет, Ксаф, не успокаивай меня! – гневно возражает тот, что тьякает. – Я давно предупредил, что не потерплю подобного к себе отношения. Я не какая-то плюшевая зверюга, которую можно бесконтрольно наглаживать и теревить! Это унижение! Я так и сказал госпоже, хоть она и просила не кусать сына.

– Нуж-ж-жно точно убедиться-с-ся, что он человек, а не людин, – не обращая внимания на злобные нотки в голосе, собеседника настаивает шипящий голосок.

– Но как? Он же не поддаётся, зовёт мамочку, когда слышит меня, – протягивал голос.

Так вот, кто пугает ночами Фея! Мальчик решает: теперь или никогда. Набрав побольше воздуха в лёгкие, он рывком откидывает одеяло и спрыгивает на пол. Голоса, заслышав шлёпанье босых ног, тут же прекращают спор и умолкают. Перед самой дверью Матфей шумно выдыхает, хватается за ручку дрожащей рукою и, подобрав остатки храбрости, тянет на себя дверь.

За порогом темно и конечно, никого нет, только в воздухе отчётливый кислый запах пёсьей шерсти. Но мальчику кажется, что впереди, у самой лестницы, что спускается на нижний этаж, он видит промельк чего-то белого, очень похожего на белый пушистый хвост. Мамин хорёк! Вот кто тут шкодит ночами и не даёт спать.

Фей стоит как истукан в дверном проёме, силясь из последних остатков разума осмыслить, что ему только что послышалось, и было ли то реальностью, или полусном.

В доме тихо. Мальчик вновь в кровати, кутается в тёплый кокон одеяла. За окном слышен беспокойный июньский ветер, он теревит веерные листья клёна, что стоит напротив. Луна в гордом одиночестве медленно ползёт по беззвёздному небу, и грустно ли ей от того, остаётся лишь гадать.

Что же всё-таки было? Страх уходит, это так странно для маленького мальчика. Он так привык мириться долгими ночами со странными шорохами, скрежетом, что неожиданная тишина его удивляет. Отчего-то внутри него разрастается уверенность, что больше его донимать не будут. Но эти голоса за дверью... кто же они такие? И чем им не угодил Матфей? Кажется, по комнате прошёлся слабый, едва ощутимый сквозняк. Нос улавливает навязчивый запах липового цветка и жжёного сахара. Так странно...

Мальчик согревается под мягкой бронёй одеяла, ресницы его тяжелеют от надвигающегося всё ближе и ближе сна. Недавние опасения, страхи и переживания отцепляются от него воздушными шариками и несутся куда-то прочь, в темноту. Вместо них из эфирного небытия проступают очертания лица, призрачные, дымные. Но вот в них обозначаются краски жизни, и личико хорошенькой девчушки с задорными косичками цвета ласточкиного крыла улыбается Фею. По безграничному космосу расходится звонкий радостный смех, как в луже рябь под ногами детей. Воздух, подобно наполняющемуся облаками небосводу, насыщается сладкой карамелью и молоком.

«Меня зовут Фей. А тебя как?».

«Юна».

1. Начало начал

С раннего детства Матфея Катуня донимали странности. То необычные шорохи беспокоили его по всему дому, – где он жил вместе с родителями – и которые кроме него никто не слышал, то опавшие листья по осени иной раз подозрительно преследовали его, шурша и волочась змеиным шлейфом.

Сколько он себя помнил, в доме обитали два странных существа, близко привязанных к матери и отцу – домашние любимцы: хорёк и уж. Если первые странности Матфей мог списать на богатое воображение, то подозрительное долгожительство родительских животных настораживало и временами сильно обескураживало его.

У Горниц, уютного провинциального городка, где проживало семейство Катуней, была особенность: с самого основания города все улицы носили названия деревьев. Ещё ребёнком Матфей гадал, отчего городок не именовался иначе, к примеру, Лесным Городом или Вселесьем. Но взрослея с каждым годом, из его жизни уходила та упрямая любознательность, что присуща всем детям, и которая не иссякает лишь в сердцах первооткрывателей. Год за годом, капля за каплей и уже подростком Матфей, произнося название какой-либо из улиц, не задумывался над детской ерундой. Ведь взрослые считают все детские мысли нелепицей и абсурдом.

Но странности не желали так просто сдаваться и отставать от юноши. И вот в последнее полгода напротив окна его спальни, на старом клёне устроил себе наблюдательный пункт здоровенный чёрный ворон. Эта загадочная птица возникала ниоткуда, выбирала в качестве насеста самый близкий сук к дому и следила. Иного ощущения от назойливого каждодневного присутствия ворона у Матфея не возникало. Да и у любого другого молодого человека сложилось бы подобное подозрение, когда на тебя день-деньской пялятся по ту сторону стекла. Так размышлял Матфей, когда вечерами птица исчезала так же внезапно, как и представала с утра перед его взором.

Отгоняя беспокойные мысли, как назойливую мошкарку, и считая их пустыми и крадущими бесценное время, Матфей в последний сентябрьский вечер старательно настраивался на то, что было куда важнее. За плечами был технический вуз, диплом которого дожидался звёздного часа с июня месяца. Подработка консультантом в отделе электроники «Вижин-Март» – обширного сетевого магазина бытовой техники Горниц, конечно, сильно выручала Матфея во время учёбы, но уже порядком надоела. Ему хотелось чего-то более масштабного и цельного, нежели среднее прозябание в сфере торговли. Да хотя бы участвовать в создании новых технологий в машиностроении. А что? Не зря же он учился на инженера пять лет.

Завтра, первого октября, ему исполнится двадцать два года. И завтра ему обещали сообщить результаты собеседования по трудоустройству в местное отделение холдинга «Хорс». День грядущий обещал быть каким угодно, но только не обыденным и уж точно не простым. На предстоящий вечер именинник позвал закадычных друзей, чтобы как следует отпраздновать

удачное собеседование или проводить восвояси никудышный день, если отбор на желанную работу будет провален. При любом раскладе Виктор, Эрик и Нил с Юной сделают завтрашний вечер особым. На то они и лучшие друзья.

Незадолго до полуночи оптимистичные и не очень размышления Матфея прервал осторожный стук в окно. Сперва молодой человек решил, что этот звук, более напоминавший кланье голубиногo клюва, ему послышался. Некоторые представители этого пернатого народца периодически проводывали оконный карниз, изрядно помечая его. Но стук повторился вновь, настойчивее и сильнее. Да и какие могут быть голуби ночью?

Матфей поёжился и, собрав мужество в оба кулака, встал с кровати. Стук по стеклу из отдельных щелчков перешёл в барабанную дробь. Кто-то настырно призывал с улицы хозяина комнаты, располагавшейся аккурат на втором этаже дома.

Парень замер перед наглухо задёрнутой золотистой шторой. Нахальный стукач внезапно прекратил кланяться, когда Матфей коснулся шёлковой поверхности занавеси. Какую-то долю секунды он стискивал пальцами скользкий материал, но тот, кто до этого барабанил в окно, напомнил о себе вновь, кланнуv повторно. Нерешительным и нервным движением Матфей отдёнул левую половину штор и, наконец, увидел того, кто так упорно стучал в окно.

В тёплом комнатном свете, льющемся в ночь, отчётливо проглядывалась тёмная птица, которая тут же приложилась ещё пару раз массивным клювом в оконный проём. Это был тот самый ворон, тот чёрный дьявол, что каждый день следил с клёна за его комнатой! Отчего-то Матфей сразу так решил. Блестящие круглые глазки птицы внимательно смотрели на него с противоположной стороны, ворон дважды каркнул.

Может из любопытства, а возможно под действием столь внезапного явления, Матфей ухватился за ручку и приоткрыл окно. Птица не заставила себя ждать, тут же юркнув в спальню и спикировав прямоком на подушку. Вслед за нею протянулся морозный шлейф ночного воздуха, неприятно пробирая хозяина спальни до мурашек.

– Эй! Я там сплю вообще-то! – Спohватился Матфей и, наскоро раскрыв полностью окно, замахал руками. – Кыш-кыш!

– Какой невоспитанный молодой человек! – послышалось в ответ. Голос хрипатый и низкий исходил оттуда, где невозмутимо устроилась птица. – Ворону говорить – кыш! Возмутительно!

– К-к-кто это? – промямлил оторопевший Матфей. С перепуга он тут же закрыл окно и до упора провернул ручку. – Кто здесь?

– Ну и ну, молодой человек! – голос повторился. – У тебя же есть глаза. Что ты хочешь увидеть помимо того, что здесь есть?

– Это... это ты говоришь?! – обратился Матфей к единственному живому существу, которое, как ему казалось, насмешливо взирало на него с пухлой поверхности подушки.

– Естественно! – отозвался ворон. – Наконец-то, ты узрел очевидное.

– Но как? Как такое возможно? – Вопрос Матфея был обращён скорее к самому себе, нежели к странноватой птице, занявшей его подушку. – Это сон? Ну да, это сон. Что же это ещё может быть? Я сплю.

– Если бы всё было так просто, – вздохнул ворон, – но дело в том, что у нас мало времени. У тебя и у меня. Осталось всего десять минут. Крух!

– Десять минут? Для чего? Зачем? – Матфей был всё более обескуражен внезапным ночным визитом и странными словами птицы, которая, по сути, не могла вести беседу, как человек.

– Чтобы заключить союз, – ответил ворон и, спрыгнув с подушки, неуклюже заковылял по одеялу в направлении парня. – Древний союз между прислужниками и демонами. Крух.

– Чего?! Что за околесица? Чего тебе от меня надо? – Слова птицы смутили Матфея ещё больше, он отступил к двери, готовясь стартовать из спальни в любой момент. Если это был сон, то он желал проснуться и как можно скорее.

– Молодой человек, у нас мало времени, – вразумлял меж тем ворон. – Не усугубляй себе и мне жизнь.

– Ты хочешь меня убить? – тихо проговорил Матфей; под мрачным взглядом прозрачно-синих глаз птицы мужество оставило его, обездвижив ноги и налив руки свинцом.

– Что за чушь! Зачем мне это? – возмутился ворон. – Я же сказал, я здесь за сим, дабы заключить союз. Где в этих словах тебе послышалось слово «убить»?

– Но это нереально! – сипло выговорил Матфей. – Как ты можешь говорить, если это не сон?

– О, молодой человек! Ты ещё столько не знаешь, столько не ведаешь, – хрипло вымолвил ворон, его иссиня-чёрное оперение отдавало маслянистым глянцем. – Я всё тебе расскажу, но после того, как будет заключён союз. Крух!

– Тебе нужна моя душа? Ты – демон?

Вместо ответа комната наполнилась вороньим смехом – смесью карканья и ехидного хохота. Казалось, дьявольская птица издавала одновременно два звука.

– Это ты демон, – немного успокоившись, смог выговорить ворон. – Ты, а не я. Я лишь прислужник. Но прошу учесть и впредь запомнить – вольный прислужник.

– Но я не демон! Я человек! Люди не могут быть демонами! – неожиданно громко вскрикнул Матфей и тут же прикрыл рот. Родители наверняка уже спали, а будить их даже, если всё происходящее являлось сном, было нежелательно. – Только если не одержимы...

– Конечно, человек. Такой же обыкновенный человек, как я – Папа Римский, – язвительно заметил ворон. – Так, молодой человек, времени осталась минута. Решай: оставаться тебе спящим в невежестве тьмы, или же ты хочешь знать правду и желаешь очнуться от глубокого сна забытья.

Матфей стоял посреди комнаты и ошарашено смотрел на птицу, неуклюже вышагивавшую по его постели. Прямоугольная комнатка до сей поры казавшаяся просторной, вдруг сузилась до невыносимой малости, а воздух в ней сделался душным и кислым. Если это был сон, что тогда он, Матфей, потеряет, если согласится на странную сделку с говорящим вороном?

– Что это за союз? – спросил он.

– Некогда объяснять, молодой человек! – каркнул ворон. – Скорее подписывай договор! Крух!

Из-под чёрного крыла выпал скрученный трубочкой белый листок. Птица торопливо подтолкнула к юноше свиток крупным, кинжальным клювом, всем видом призывая к срочности.

Матфей боязливо взял лист и развернул его. Внутренняя сторона свитка была чиста.

– Там ничего нет, – произнёс Матфей; он был даже несколько разочарован отсутствием письма на развороте. – Договора нет. Я что сам должен его составлять?

– Нет! Поставь подпись внизу, – взволновано прохрипел ворон, – а текст появится завтра. То есть через полминуты! Скорее! Поспеш! Крух!

– Где моя ручка? – замешкался Матфей, рассеяно осматривая стол, чья поверхность являла совершенство бардака вкупе с приличным налётом пыли.

– Не нужна ручка! Возьми моё перо! Живее!

Ворон проворно отщипнул из хвоста длинное перо, наверняка испытав при этом не самые приятные ощущения.

– И, конечно же, кровью расписываться, – иронично заметил Матфей.

– А чем же ещё? Кровь – проводник к истине, – прокаркал ворон. – Скорее!

– Какая гадость! – Матфей, морщась и прикусив язык, уколол большой палец острым кончиком пера. – Так, где подпись ставить?

– Внизу слева! Крух! Умоляю, быстрее!

– Ладно, ладно. Ставлю уже. И незачем так волноваться.

Подпись получилась несколько неуклюжей, скорее больше смахивавшей на закорючку или секретный символ. Да и какой ей было быть? Ведь не каждый день подписываешь невидимый договор с нечистой да ещё и собственной кровью.

– Сделано! – торжественно подытожил Матфей. – Теперь-то что?

– Свершилось! – хрипло воскликнул ворон. – Новый союз вступил в силу за секунду до нового дня. Теперь мы связаны до конца жизней наших.

– Звучит как-то пафосно и жутковато. – Матфей уже пожалел, что поддавшись мимолётному импульсу, заключил подозрительную сделку. – Но текст на бумаге не появился. Это обман такой?

– Нет, – заверил его ворон, – всё честно. Текст появится, когда ты будешь готов, Матфей.

– Откуда ты знаешь моё имя?

Но ответа Матфей не расслышал, комната закружилась перед глазами, вспыхивая и потрескивая электрическими разрядами, а возможно и вороньим карканьем. Теряя равновесие, он плюхнулся на кровать, тут же погрузившись в сон тягучий, тёмный и поблескивавший черным маслом, как вороново оперенье.

2. Повторное знакомство

Блаженство сонной тишины прервал настойчивый стук в дверь.

– Матфей! Ты там живой, сына? Уже пол-одиннадцатого, мы с папой хотели тебя поздравить, пока не наступил вечер.

Не дожидаясь ответа, в комнату вошла Вида Катунь, мать Матфея, молодая, безупречно выглядевшая дама.

– Матфей! Несносный мальчишка! Ты всю ночь спал поперёк кровати?

– Мам, ну сколько раз говорить... не входи без разрешения, – простонал Матфей, лениво перекатываясь с живота на спину. – Я не маленький, чтобы меня будить. И к тому же, у меня выходной сегодня. Законный выходной. Имею я право поваляться в свой выходной, чёрт возьми?

– Не ругайся! Сын, у тебя сегодня не просто выходной. У тебя сегодня День Рождения! Невозможно же пролёживать кровать до вечера, – назидательно выговаривала Вида, расторопно раздвигая при этом шторы и запуская в комнату солнечный свет, от которого Матфей зажмурился.

– Ещё как можно, мам, – сладко потягиваясь и зевая, возразил взрослый сын.

– Мы с отцом тебя хотели поздравить до полудня. – Женщина провернула рукоять и чуть-чуть приотворила окно, в самый раз, чтобы обеспечить средний приток воздуха в помещение. – Ну и запах у тебя в комнате! Будто скунс подох, а перед смертью ещё успел и в поединок с хорьком вступить.

Синее в белых ромашках платье сидело на Виде сногшибательно, идеально подчёркивая по-девичьи узкую талию и упругие округлости там, где положено. Аккуратно уложенные крупными локонами, медового оттенка волосы, струились по узким плечикам, оканчиваясь в зоне лопаток.

– Ага, с твоим Велизаром, – съехидничал Матфей. – Он ужас как воняет в последнее время. Наверное, стареет.

– Вставай, лежебока, мы тебя ждём на кухне. – Мать проигнорировала замечание сына и направилась к двери. Матфей уловил сладкий аромат праздничных маминых духов «Магия чертовки» – союз белой розы и жёлтого жасмина. – Сегодня особенный день, сына.

– Что в нём такого особенного? Подумаешь, стукнуло двадцать два. Вот ещё событие! – уныло промямлил Матфей. Студёный воздух наконец-то добрался до него и пробрал лёгким ознобом, вынудив поёжиться и глубже зарыться под одеяло. – И куда вы так спешите с отцом?

– Юстин тебе вчера не говорил, что его срочно вызывают на работу? – удивлённо произнесла Вида, застыв на пороге комнаты. – Там какой-то инцидент неприятный случился.

– Нет, не говорил, – сказал Матфей. Ему захотелось срочно закрыть окно и прекратить замораживание комнаты, которое учинила мать.

– Не успел, видимо. Что-то с его сменщиком. Юстин срочно потребовался на этот вечер. Он, конечно, пытался отговориться, сказал, что у сына день рождения. Но там – ни в какую. Поэтому, живо вставай и спускайся вниз. Не заставляй ждать отца, он и так расстроен, что всё так сложилось.

– Пять минут, – пообещал Матфей.

Дверь закрылась, а цокающие шаги Виды – дома вместо тапочек она носила исключительно сабо на высоком подъёме – удалились вниз по лестнице.

– Всё хорошо, но пора сваливать из этого дома, – вздохнул Матфей. – Она так и будет относиться ко мне, будто я – вечный двенадцатилетний подросток. Стыдоба!

Но вспомнив мамину назойливую заботу и колкие замечания, он тут же рассмеялся, на Виду Катунь невозможно было долго ворчать, не говоря уже о том, чтобы обижаться. Эта женщина, чьей безграничной энергией заряжался весь дом, в окружающих вызывала лишь позитивные эмоции, при этом ловко умудряясь отстраняться от негатива.

Матфей встал с кровати, и тут же наступил на мягкий край шерстяного одеяла, наполовину сползшего с постели. Подтягивая покрывало, в одной из его коричнево-синих складок неожиданно обнаружился белый бумажный свёрток, вызвавший у Матфея смутные воспоминания. Юноша протянул руку и легонько коснулся пальцами скрученного в трубочку листа. Ничего необычного не произошло, вопреки опасениям Матфея, предмет не исчез и продолжал лежать на холмистых просторах коричневой шерсти, настырно белея, маня вновь прикоснуться к себе и взглянуть на разворот.

Поддавшись искусу, Матфей поднял свёрток и развернул его, припоминая подробности полуночного события. На внутренней стороне листка ничего не было, кроме его неуклюжей коричневой подписи, немного размазанной в нижнем левом уголке.

– Наврал ворон, – сказал вслух Матфей и тут же, словно очнувшись от забытья, ошалело уставился на бумагу в руках. – Не может быть! Это должен был быть сон! Что это за дьявольщина?!

Лист выпал из его рук и вновь погрузился в ложбину холмов шерстяного одеяла. Матфей лихорадочно озирался, сам не понимая, что хочет заметить или наоборот, не обнаружить в своём жилище. Его дотолё просторная бело-зелёная спальня с кроватью, платяным шкафом и письменным столом, на котором восседал царьком раскрытый ноутбук, в мгновение ока сузилась до крошечных размеров и завертелась волчком, обретя размытость в виде неоднородного малахитового слоя с золотистыми и коричневыми вкраплениями. Молодой человек бессильно плюхнулся в постель и накрыл лицо руками.

Нужно было немедленно прогнать морок, избавиться от галлюцинаций. Другого объяснения случившемуся, конечно же, не имелось. Забавно, если причиной навязчивых видений и головокружений могла оказаться болезнь, давным-давно пробравшаяся безобидным червячком в тело и постепенно поработившая его себе, достигнув размеров анаконды. Так думалось Матфею. Сперва необходимо прогнать это жуткое наваждение.

Он убрал руки с лица и повернул голову в ту сторону, где должен был лежать лист. Бумажный свиток никуда не делся. Он нагло возлежал подле Матфея и ухмылялся своей донельзя белой поверхностью.

– Ну и чего ты ждёшь? – раздался хриплый и уже знакомый голос со стороны окна. – Смелее! Прочти условия договора.

Как ужаленный, подскочил Матфей с кровати. На подоконнике, ухмыляясь, в чём не было никаких сомнений, стоял чёрный ворон, вероятно умудрившийся протиснуться в открытый промежуток окна, пока Матфей был отвлечён бумажным свёртком.

– Кыш! Кыш! – вырвалось у растерявшегося в конец Матфея.

– Снова-здорово! Это уже становится неприличным, молодой человек! Я тебе не галка какая-то и, тем более, не безмозглый голубь, чтобы обращаться со мною таким образом, – возмутилась птица и тут же соскочив с подоконника, ловко спикировала на письменный стол.

Матфей ошалело следил за тем, как ворон не торопливо шагнул к ноутбуку и, клацнув по клавиатуре несколько раз, сумел включить технику.

– Хватит на меня пялиться, молодой человек. Прочти договор и ступай вниз, – ворон указал клювом в направлении скрученного листа. – Совестно так долго прохлаждаться и заставлять всех вокруг себя ждать. Крух!

– Со мной что, сегодня все будут разговаривать, как с ребёнком? – проворчал Матфей. – Это уже ни в какие ворота не лезет.

– Научись вести себя, как взрослый, – отвернувшись к экрану, хрипло поучал ворон, продолжая притом ловко отстукивать по клавишам ноутбука. – И тогда с тобой будут считаться. Крух!

– Дожил, меня учит уму разуму какая-то птица, – проворчал Матфей, но послушно взял и развернул свёрнутый трубкой листок бумаги.

– Не какая-то, а сам ворон! Кр-р-рух! – с вызовом буркнул ворон.

– Эй, а что тебе нужно от моего ноутбука? – спохватился хозяин спальни, поспешно устремившись к столу.

– Не мешай, молодой человек, – торопливо просипела птица, спешно отбивая какие-то комбинации на клавиатуре. – Мне нужно кое с кем связаться. Это срочное дело. А у тебя их аж два.

– Но я... а, да ладно, – сдался Матфей, решив, что ворон от него никуда не денется, а вот отец, дожидавшийся заспавшегося именинника, мог уйти на работу в любую минуту. – Ты только сильно не стучи, а то клавиши продавишь, и не тычь клювом в монитор.

– Время, молодой человек. Время! – тут же напомнил ворон. – Я прекрасно знаю, как следует обращаться с техникой, – добавил он и при этом нарочито громко треснул по очередной клавише.

На подобное заявление Матфей не нашёлся чем ответить, вместо этого он закрыл окно, наскоро натянул серые хлопчатобумажные штаны и синюю футболку, – излюбленную и изрядно заношенную домашнюю одежду, – и опрометью выскочил за дверь комнаты.

Винтовая лестница из светлого дерева была почти одолена, когда на предпоследней ступеньке Матфей встал как вкопанный. Ворон, соображающий в компьютере? Птица, говорившая с ним так, будто он – несмышлёныш? *Говорящая* птица?! Но ведь такого попросту не может быть! С ним что-то не так – уж точно. Может, жар или какая другая неприятность – кто ж теперь разберёт.

– Ты долго ещё там намерен торчать? – окликнул его отцовский голос с нотками нетерпения. Сам отец стоял в кухонном проёме и, скрестив руки на груди, выжидающе наблюдал за сыном. – Я, конечно, всё понимаю, тебе сегодня можно многое, но вообрази, не у всех есть время на то, чтобы дожидаться твоего лучезарного явления.

Юстин Катунь, высокий и крупный мужчина с мелкой проседью в коротко стриженных тёмно-каштановых волосах, поправил очки, сдвинув их чуть-чуть на переносице. Очки были новые и оправа, которая должна была прилегать к лицу с наибольшим удобством, комфорта

как такового не доставляла. Юстин собирался вернуть их, но почему-то всё откладывал поход в магазин оптики, ссылаясь на вечную занятость и усталость.

Вида, взирая на эту неприятность, не раз предлагала мужу сама сходить за него в магазин, но тот втайне опасался, что из этого ничего хорошего не выйдет. Несмотря на все имевшиеся у жены таланты и достоинства, за ней водился один явный и курьёзный недостаток, в котором она, безусловно, не была виновата. Одним словом, Виду преследовала неудача. Что бы она ни покупала – обязательно с браком, что бы ни делала – всё шло с мелкими и досадными злключениями.

И эти новые очки для него приобрела пару дней назад Вида, поэтому Юстин не удивился, а лишь тихо вздохнул, когда переносицу зажало, как в тисках. Ему давно пора было менять старую оптику с поломанной левой дужкой, но всё было недосуг. А тут заботливая жена расстаралась и сделала за него нужную покупку. Безусловно, он лично решил бы эту проблему с очками, но существовали некоторые «если». Если бы не Мичлов Граник, коллега по работе, ни с того, ни с сего пропустивший свою смену и отчего-то не выходивший на связь. Если бы не плотный, прямо-таки адски загруженный график в курьерской компании, где Юстин пять лет исправно водил служебный грузовичок. Так что пока ему было всё недосуг.

И сегодня, в законный выходной, он был вынужден выйти на работу. Хорошо, что начальство пошло на встречу и разрешило припоздниться на пару часов. Причина-то уважительная.

– Прости, пап, – только и смог произнести Матфей, вмиг сконфуженный видом отца.

Юстин был беспрекословным авторитетом и главным столпом семьи. Ещё с детских лет Матфею внушала трепет и уважение рослая фигура отца, который казался великаном подле матери. Его густой, глубокий голос и поныне оказывал на Матфея тот же эффект, и юноша ощущал себя провинившимся мальчуганом под тяжёлым взглядом отца, не смотря на то, что давно был одолён двадцатилетний жизненный рубеж.

– Ладно, проехали, – примирительно добавил Юстин. Его лицо вмиг просветлело, а светлые глаза за линзами очков по-доброму смотрели на сына. – Сегодня такой важный день, сын. Сегодня такой важный день!

Оба сблизилась, отец крепко и щедро обнял именинника, да так сильно, что Матфею послышался хруст в теле. В отличие от Юстина, который был не только великаном, но и богатырём, Матфей, явно унаследовавший материны гены, но слава Создателю не её неудачливость, был хилённышем.

– Пап, ты меня раздавишь, – пошутил Матфей.

– Ты бы хоть подкачался, сын, – иронично заметил Юстин, когда освободил из объятий-захвата сына. – А то смотреть на тебя не всякому удовольствие, хлюпик.

– Я пробовал, ты же знаешь, – насупившись, пробурчал Матфей.

– Знаю я, как ты пробовал. Пару раз сходил, подёргался со штангой, попыхтел над гантелями и успокоился, – ухмыляясь, сказал Юстин. Он уже направлялся обратно на кухню, где томилаась в ожидании Вида.

– Не пару раз, а восемь, – поправил отца Матфей. – Да и не нравится мне с железками тягаться.

– Ещё бы! Компьютер куда интереснее, – усмехнулся старший Катунь.

– Юс, дорогой, – напомнила о себе Вида, – времени совсем мало.

– Да-да, ты права, Ид, – поспешно кивнул Юстин. – Иди сюда, Матфей. Мы с мамкой тебя поздравим.

В уютной чистой кухоньке было всё как надо: крепкий, крытый тёмно-серым линолеумом пол, стены с бирюзовыми обоями, плита и раковина, вычищенные до блеска, пузатый серебристый холодильник и парочка шкафчиков, заставленных всевозможной, и, безусловно, нужной утварью. У самого окна стоял деревянный стол в окружении стульев с мягкими сидениями. В центре крытого по обыкновению цветастой скатертью стола возвышался здоровенный торт с

уже зажжёнными свечами. Матфей направился прямым к кулинарному шедевру. Эта сладкая диковинка привлекла его внимание сразу – десерт был выполнен в виде парившей птицы и обильно умащён тёмно-матовой глазурью. От сходства с вороном Матфею стало не по себе.

– Какой торт! – промолвил он, уставившись на раскрытый клюв птицы-торта.

– Нравится? – улыбнулась Вида. – С вороном – моя идея. Но с тортом мне подсказал один хороший знакомый, а я уже заказала десерт в «Марке Мио». Там такой выбор, ты не представляешь!

«Марка Мио» – крупнейшая сеть пекарен – гремела по всей стране, прославившись в основном необычными видами тортов и пирожных, начинки коих бывали порой самыми неожиданными. Так особую популярность у гурманов снискало пирожное «Блюмс»: внутри бисквита кондитеры помещали тёртую морковь, вяленую клюкву и сушеный имбирь.

– По моей просьбе внутрь добавили всё то, что ты так ужасно любишь, – продолжала щебетать довольная мать, не замечая озадаченного выражения лица сына. – Там цукаты, воздушный рис, фундук, ирис и даже зефир. Они так и сказали: мадам, мы горды тем, что можем позволить себе угодать любой, самой взыскательной прихоти клиента. Да, так и сказали.

– А почему именно ворон? – спросил Матфей.

– Мне показалось это оригинальным, – сказала Вида, указывая на торт рукой. – Вон, смотри, у ворона клюв, глаза и лапки из марципана. Это так мило.

– Главное, чтобы было вкусно, – добавил отец. – Давай, сын, загадывай желание и задувай свечи.

– Можно было и без этого обойтись, мам, – мягко заметил Матфей. – Я имею в виду эти свечи. Крайний раз, помнится, на одиннадцать лет я задувал свечки, пыхтя и раздувая щёки.

– Но сегодня твой день рождения, сына, – не менее мягко заверила мать. – Сегодня такое событие. И я подумала...

– Вот именно, мам, мне всего-то двадцать два исполнилось, – воскликнул сын. – Не такая-то и важная дата, чтобы свечи жечь и дуть на них. Это как-то по-детски.

– Ты так думаешь? – бодрое выражение лица Виды тут же поникло.

– Так, Матфей, дуй на свечи и кончай уже капризничать, – немного резко, чем хотелось, сказал Юстин. – Вида старалась, а ты даже не поблагодарил её.

– Извини, мам, – виновато кивнул Матфей и склонившись над кулинарным шедевром «Марки Мио», одним мощным выдохом загасил частокол свечей, с которыми съедобный ворон имел близкое сходство с дикобразом. Свечной дымок сизыми змейками потянулся к потолку, терпкой горчинкой вплетаясь в сладкий запах какао и марципана.

– Загадал желание? – поинтересовалась Вида, забыв о разногласии минуту назад.

– Да, мам, – соврал Матфей. Лучше подыграть матери, иначе не отстанет.

– Отлично, а теперь, когда основной церемониал окончен, мы с мамой хотели бы вручить тебе подарок, – торжественно произнёс Юстин, одной рукой прижимая к себе за талию супругу, а другой – протягивая глянцевый объемный конверт. – Я помню, что ты копишь на машину. Мы с Видой посоветовались и решили ускорить этот процесс. Уж не знаю, какую ты хочешь...

– Спасибо! Мам, пап, огромное спасибо вам! – Матфей, лишь мельком глянув в содержимое пухленького конверта, запрыгал от радости и кинулся обнимать родителей. – Вы не представляете, как вы мне помогли! Теперь я смогу купить себе машину! Вот это да!

– Вот и отлично, – подытожил Юстин, незаметно от супруги поправляя очки. – Рад, что ты оценил подарок. Кстати, если пожелаешь завести себе домашнего любимца, не стесняйся. Бери, кого душа запросит.

– Ему уже не зверька надо заводить, – двусмысленно улыбаясь, вставилась Вида Катунь.

– Действительно, – согласился супруг и как-то хитро прищурился, будто оценивая новые будущие возможности сына, о которых тот ещё не догадывался. От этих ухмылок-доглядок юноша смутился и тут же покраснел.

– Что такого в этом двадцати двухлетии? – поразился вновь Матфей. – И крупную сумму денег дарят, и дают добро на животное. Раньше вы мне почему-то не позволяли заводить себе никого, даже мыши. И со своими зверьками не разрешали играть. Что изменилось?

– Время пришло, – уклончиво произнёс отец, поспешно обувавшийся в прихожей комнате.

– Да я уже перерос этих домашних баловней, они мне ни к чему, – поспешно сказал Матфей.

Он и сам себе поразился: прежде он делал и не раз попытки завести своего личного домашнего любимца, как у родителей, будь то щенок или котёнок, но получал жёсткий отказ всякий раз. Будучи подростком, это желание стало слабеть и угасло окончательно к теперешнему дню. С удивлением Матфей осознал, что ему нет особой необходимости держать при себе кого-то, на кого и времени-то особо нет.

– Может так, а может и нет, – вновь странно ответил старший Катунь. Он накинул стёганую куртку и направился к выходу. – Если повезёт, управлюсь до девяти, в крайнем случае, до десяти. Не скучайте и празднуйте без меня, как полагается.

– Хорошо, Юс, – ответила ему Вида, заботливо поправив топорщившийся ворот его куртки, – береги себя.

И закрыла за ним дверь.

Только Матфей с матерью вернулись обратно на кухню, как туда же прокрались и завертелись меж ног белоснежный хорёк и чёрный, поблёскивавший гладкими чешуйками, довольно упитанный уж. Эти зверушки отчего-то не нравились Матфею особым своеобразием и необычайной преданностью каждый своему хозяину. Так хорёк Велизар неотступно следовал по пятам за хозяйкой, а Ксафан, змей крупный даже по ужиным меркам, не отставал от хозяина.

Не раз подмечал Матфей, как доверительно беседовали родители со своими любимцами и те внимали им так, словно прекрасно понимали человеческую речь. К себе домашние зверьки хозяйского сына и близко не подпускали, кусая его при случае, если тот проявлял излишнюю настойчивость в попытке погладить кого-нибудь из них.

А сколько уж раз Матфей уговаривал, клянчил, требовал отца и мать, чтобы они и ему позволили завести личного друга. Но каждый раз мальчик получал отказ и где-то после тринадцати лет Матфей оставил все попытки убедить родителей в свою пользу. Он даже привык, что в доме много лет существовал подобный порядок вещей. Конечно, всё изменится, как только он уедет из этого дома.

– С-с-смотри какой торт уготован баловню. Она так расс-с-старалась, а он нос воротит. Неблагодарный гадёныш-ш-ш! – донеслось мягкое шипение совсем близко от Матфея. Совпадение или нет, но произошло это, как только Вида покинула под каким-то предлогом кухню.

– Я давно говорю, что они с ним много сюсюкаются. Его нужно было давненько, как следует покусать. Как он был несносен прежде, когда норовил дотронуться до меня! Фых! А его эти муси-пуси?! Фурррр! – присоединился другой резкий и фыркающий голосок, более тонкий и звонкий. – Хорошо, что он хоть не debil. Уяснил давно – нечего ручонки свои распускать. Это ему так просто не пройдёт!

Матфей внимательней пригляделся к животным, подозрительно уединившимся в дальнем уголке кухни и поразительно смахивавшим на заговорщиков. Он надеялся, что ему всё послышалось, но, увы, незнакомые голоса явно доносились из занятого зверьками угла.

– Смотри, как устался, сейчас язык выпадет изо рта. Вот болван, ей дьяволу! – Хорёк мотнул белобрысой головкой в сторону застывшего и опешившего Матфея.

Змея, вальяжно лежавшая ровными кольцами подле хорька, медленно и как показалось Матфею, нарочито небрежно, повернула гладкую головку с двумя белыми пятнышками и, блеснув непроницаемо-чёрными глазками-бусинками, тут же отвернулась.

– С-с-сегодня он ос-с-собенно туп, – констатировал уж.

– Да нет, мам, это я так, с тортом разговаривал, дурачился, – шутливо улыбнувшись, сказал Матфей и, проскальзывая мимо матери, устремился к лестнице. – Пойду, приберусь в комнате. Всё-таки гости придут, а у меня там бардак.

– Пойди, пойди, – согласилась Вида и странно улыбнулась, когда ноги её мягко коснулся белоснежный хвост хорька.

3. И снова ворон

Дверь его спальни была распахнута. Матфей, распознав знакомый хриплый говор и не желая преждевременно быть замеченным, замер в тени лестничной площадки, жадно вслушиваясь в каркающие отголоски, вылетающие странными фразами из комнаты.

– ... настоятельно советую, быть предельно осторожным и следить за своим подопечным в оба глаза, Рамар, – взволновано и торопливо говорил кому-то ворон. – Это не случайность. Уже четвёртый пропал. Возможно, охота, но может быть и нечто серьёзнее.

– Я тоже думал об этом, Гамаюн, друг мой. – К своему удивлению Матфей расслышал незнакомый, больше похожий на клёкот голос воронова собеседника, отчего взволновался ещё сильнее. – Слишком много совпадений для одного маленького городка. Слишком много. И в городе появились совы.

– Рамар, они что-то замышляют, – ворон понизил голос, и Матфей приблизился на несколько шагов к дверному проёму, затаив дыхание и надеясь расслышать каждое слово странного диалога. – Город заполонили галки, а ты, мой друг, прекрасно помнишь, чем это обернулось семьдесят лет назад. Они не остановятся, никогда. Они способны таиться годами, но они никогда не смирятся с ролью рядовых. Им подавай только первое место.

– Согласен, друг мой, – отозвался незнакомец. – Тревожные времена настали, недобрые.

– Эй! Что здесь происходит? С кем ты говоришь? – заинтригованный непонятным разговором, Матфей вбежал в комнату и был немало поражён – ворон по-прежнему сидел перед монитором ноутбука, а более никого поблизости не было!

– Кто это, Гамаюн? – послышался встревоженный голос неизвестного. – Тебе угрожают?

– Ничего подобного, Рамар, – невозмутимо доложил ворон светящемуся прямоугольнику монитора и пояснил с ноткой раздражения. – Это всего лишь мой подопечный. Малость невоспитанный, правда, но что ж поделать – у каждого свои недостатки. Крух.

Птица фыркнула и – да, ему точно не привиделось! – посмотрела на вошедшего человека с упрёком, а затем вздохнула, ну совсем по-людски, отчего Матфею стало окончательно не по себе.

Приблизившись к столу, юноша различил по обратную сторону работавшего экрана настороженно взирающую на него птицу – полную противоположность ворона. Тёмное оперение головы, чуть встопорщенное, очевидно от волнения; полураскрытый крючковатый клюв и грозно зыркающие чёрные бусины глаз, выдающие гордый взгляд. Сомнений не было. Ворон общался через ноутбук с соколом, а не бездумно стучал клювом по кнопкам клавиатуры, как думалось ранее Матфею! Это открытие потрясло парня, он ухватился за спинку кресла дрожащими руками.

– Рамар, друг мой, перенесём нашу беседу на другой случай. Нынешние обстоятельства не позволяют продолжить наше общение. До связи! Крух! – прохрипел ворон и клацнул по клавиатуре.

– До скорой! – поспешно прокричал сокол, сверкнув аспидно-серым оперением. Монитор погас и стал непроницаемо-чёрным.

– И долго ты будешь стоять истуканом, молодой человек? Не надоело? – словно со школяром заговорил с Матфеем ворон.

– Ты умеешь общаться по видеозвонку?! Но как? Как такое возможно? – только и сумел выговорить хозяин спальни, плюхнувшись в кресло.

– Я много чего умею, но хвастать этим сейчас не собираюсь, – невозмутимо ответила птица, важно вышагивая перед сидевшим человеком по матовой поверхности стола.

– Но как же? – пробормотал Матфей. – Ты же – всего лишь птица.

– Ох уж эта мне биологическая дискриминация! – возмутился ворон и зашипел в точности, как Ксафан, когда ему кто-то очень сильно докучал. – Подумать, так только демоны достойны быть лидирующим классом, а зверьё должно ластиться в их ногах и быть благодарным за оказанную честь. Как бы ни так, молодой человек! Проснувшиеся да Спящие убеждены, что они – пик эволюции и кладезь мироздания. Тьфу! Скоро твой привычный мир рухнет и порежет осколками наивное представление обо всём, что тебе ведомо, чему я весьма рад. Крух!

В комнате снова стало душновато, несмотря на распахнутую настежь дверь. Матфей замер в кресле, отчаянно помышляя о побеге из спальни. Вероятно, ворон понял ход его трусливых мыслей и, встав напротив лица собеседника, заговорил уже иначе, более примиряющее.

– Послушай, молодой человек, я не собираюсь ссориться с тобой или пугать тебя. Отныне мы союзники по договору. До смерти одного из нас. Хорошо это или плохо – время покажет. Но с моей стороны, обещаю и гарантирую – нарушений условий не будет. Надеюсь и на твоё понимание этого вопроса.

– Договор? – Матфей посмотрел в сторону неприбранной кровати, тут же уловив на ней взглядом злополучный бумажный свиток.

– Да, возьми уже его и прочти, – одобрительно кивнула птица, – ознакомься с условиями. Давно пора это сделать, Матфей.

– Но там же ничего нет, – слабо возразил молодой человек, но всё же послушно поплелся к постели и изъял из складок-волн шерстяного одеяла бумажную трубочку.

– А ты разверни и посмотри ещё раз, – настойчиво потребовал ворон.

– Ладно, – ответил Матфей, настроенный крайне скептически.

Его глаза округлялись тем сильнее, чем больше он раскрывал лист. Ошеломлённый вконец трясущимися руками он развернул бумагу и замахал её проявившимися письменами перед вороном. Тот по-прежнему сохранял бесстрастный и важный вид.

– Но тут ничего не было! Не было ничего! – Вид у Матфея был самый, что ни есть очумелый и нелепый. Он взирал на чёрную птицу, словно та являла собой Дельфийского оракула или чудного мудреца, знающего все тайны мира. – Но как же так может быть?

– Молодой человек, настоятельно прошу, прикрой дверь, – терпеливо попросил ворон. – Мы рискуем привлечь внимание тех, кто будет лишним в нашей дальнейшей беседе. И прекрати кричать, меня утомил твой удивлённый тон.

Слова пернатого гостя возымели вразумляющее действие и Матфей умолкнув, кинулся к двери, плотно закрыв её. Ещё лихорадочно озираясь по сторонам, он поймал насмешливый взгляд пронзительно-синих птичьих глаз и уставился на ворона, ожидая дальнейших объяснений.

– Пока ты не ознакомишься с договором, я ничего тебе не скажу, – угадывая его мысли, заявила птица, – так и знай.

Матфей послушно кивнул и приблизил к лицу таинственный листок. Теперь, когда первая волна дрожи и потрясения сошла с него, он готов был внимать тому, что несли в себе строки текста, ещё недавно отсутствовавшего на белом развороте бумаги.

Союз верности и равенства

Данный договор, заключён меж Демоном, кто зовётся во миру Матфеем Катунем и Прислужником, вольным вороном Гамаюном из рода Чёрных, Лета 604372 от Времени Трёх Солнц, первого дня октября месяца.

Вступив в силу, соглашение даёт пожизненные гарантии обеим сторонам в честном и равном союзе, где вышеозначенные союзники до конца жизни своих обязаны друг другу: заботиться о взаимном благосостоянии, защищать жизни и не пытаться верховодить в данном союзе, ибо он оговорен на равном житии.

Ежели нарушен будет уговор союза, кровь, пропитавшая бумагу, вскипит и призовет нарушителя к ответу.

Матфей Катунь Гамаюн Чёрный

Матфей пробежал глазами текст несколько раз, но ничего не понял. Внизу бумага хранила его корявую подпись и рядом смазанный символ в виде птичьей лапки, безусловно, выполненный кровью. Он поморщился, удивлённо хмыкнул, и, наконец, сдавшись, обернулся за ответом к тому, с кем отныне связывал его договор.

– По порядку, молодой человек, не всё разом, – произнёс ворон, видя, как изо рта человека готов вырваться легион вопросов.

– Что это за договор такой? Почему я в нём назван демоном? – вырвалось скороговоркой из уст Матфея. – И что такое прислужник?

– Я же просил по порядку, – досадливо пробурчал Гамаюн и вздохнул, ну совсем как человек. – Я и забыл, как же это нелегко разъяснять Проснувшемуся о сути *настоящих* вещей.

– Проснувшийся – это я? – догадался Матфей.

– Ну, хоть что-то до тебя доходит, – прохрипел ворон, и как показалось юноше, с явной долей сарказма. – Я уж опасался, что ты только в технических вопросах отлично разбираешься.

– Эй! Не каждый день к тебе в комнату залетает говорящий ворон, болтающий о демонах и соображающий в компьютере, – обиженно возразил Матфей.

– Я не болтаю, молодой человек! Крух! Уясни себе раз и навсегда, – довольно резко каркнул Гамаюн.

– А я не тупой, – отозвался Матфей.

Парню тут же спор с птицей представился ещё той дичью, отчего он сконфузился. Препирательство с вороном – это уже тянуло на палату в одном особом учреждении, в котором можно получить прописку на всю жизнь.

– Я не говорил ничего подобного о твоих умственных способностях, – чопорно сообщил ворон, – лишь усомнился в догадливости. Но хватит пререкаться. Я должен успеть посвятить тебя в курс дела до прихода гостей.

– Ты знаешь о вечере? – удивился уже, наверное, в сто первый раз Матфей.

– Я же твой прислужник, вольный, между прочим, – снисходительно пояснил ворон, – и обязан знать о тебе всё.

– А я о тебе ничего не знаю, – вдруг осознал Матфей. – Кто ты и почему говоришь, как человек?

– Придётся начинать с самого начала, – вновь вздохнул Гамаюн и весьма тяжело. – Но прежде, чем мы доберёмся до демонов и прочей нечисти, тебе придётся кое-что принять и возможно с чем-то расстаться.

Левый глаз птицы скрылся под тёмным веком, в то время как правое око в туманной задумчивости взидало на недоумевавшего собеседника. Ворон застыл в раздумье, подбирая соответствующий пролог дальнейшему повествованию. Когда Матфей заподозрил, что пернатый рассказчик мог запросто впасть в дремоту и уже собрался его окликнуть, смеженное веко поднялось, и глухой, каркающий голос изрёк:

– Это тянется уже слишком давно. Так давно, что некому и вспомнить. Ни одна рукописная книга, ни один пергаментный свиток, ни один папирус и берестяное письмо не знают точной даты и причины, когда и от чего Племя разделилось на людиновское и демонское. Близнецами стали те, кто был единым целым. И вражда пролегла меж ними и нетерпимость лютая. Так и дошло до дней наших. Но Творцу, что создал в любви и заботе Племя детей своих, жаль было утерянного прошлого, и тогда одарил Он близнецов слепотой, дабы не поубивали они друг друга. С тех пор живут Разомкнувшиеся вблизи и не зрят о том, кто они, пребывая в наивном неведении. Но Проснувшиеся знают о том и хранят в тайне.

Гамаюн умолк, его правый глаз пристально следил за реакцией Матфея.

– Это был отрывок из работы грандиозного учёного, монаха-отшельника Луки Заокского, – торжественно произнёс ворон. – Бесценный труд, познавательная информация. Рекомендую, молодой человек, настоятельно рекомендую ознакомиться в самое ближайшее время с работой этого выдающегося просветителя. Именно его труды открыли и облегчили дороги последующим поколениям демонов.

– Погоди, погоди, – юноша поспешно оборвал хвалебную речь птицы. – Ты хочешь сказать, что демоны живут среди людей? Демоны? Духи?

– О-хо-хо, – разочарованно выдохнул Гамаюн и посмотрел на новоиспечённого союзника так, как учитель взирает на непонятливого ученика, когда приходится пояснять суть дела более трёх раз. – Молодой человек, главное заблуждение – считать демонов чем-то вымышленным и лишённым физической оболочки. Людины и демоны наделены от природы равными достоинствами и недостатками, отличие же их зиждется на энергетическом уровне. Но об этом попозже. Не нужно считать, что демоны – это злые сущности, обижающие сплошь и рядом людей с тайной целью. Эти байки придумали церковники в стародавние времена, дабы воздействовать на тёмный и впечатлительный народ. И не об этом речь сейчас. Ты, Матфей, самый что ни на есть демон, и родители твои – тоже демоны. Это не так страшно, как кажется.

– Я – демон? – переспросил Матфей, отчего-то вдруг принявшись ощупывать своё лицо и главным образом тормозить светлые, как у матери волосы, при этом с таким видом, будто боясь обнаружить на себе нечто ужасное и противоестественное. – Но как же такое возможно? Я же человек. Я не могу быть демоном!

– Вполне можешь быть и есть, – кивнул ворон, – не ищи рогов и хвоста. Это сказки для малышни. Я же сказал, это демоны и людины отличны энергетически.

– А как же насчёт души? – Матфей ухватился за последний, как ему показалось весомый аргумент. – Что ты можешь сказать о душе?

– Душа, как душа, – прокаркал Гамаюн, – Между прочим, ад не под землёй. Это ещё одна сказочка. Ад на земле. Но как я погляжу, никто не страдает особо от пребывания во владениях Дьявола – ни прислужники, ни демоны.

Юноша нахмурился, нужно узнать больше. И тут одно странное словечко, несколько раз мелькнувшее как бы невзначай в вороньей речи, само нашлось на язык.

– Ты всё как-то странно называешь людей. Кажется, людины. Это что, старомодное название?

– Крух! Людины, ровным счётом, не имеют к человеку никакого отношения. Это зеркальная противоположность демонов, паразиты, вождедеющие занять чужие места. Не приведи Дьявол тебе наткнуться на этого клеща – вопьётся, присосётся и выкинет тебя за пределы, о коих даже мне неизвестно.

По тревожному и несколько сердитому выговору прислужника Матфей благоразумно решил отставить на потом эту информацию, твёрдо пообещав себе разузнать всё, что можно о таинственных паразитах. Но он не собирался так просто сдаваться, продолжая барахтаться в зыбких песках сомнений, коими внезапно стала до поры бывшая твёрдью почва его мирознания.

– А доказательства того, что ты сказал? Чем ты можешь доказать, что я не человек?

– Хорошо, мне даже по душе, что ты слепо на веру не принимаешь слова старого ворона, – с теплотой, столь неожиданной Матфеем, произнёс ворон. – Так и быть, одарю тебя книгой. В хорошем состоянии книгой. Береги её, как я берёг.

Ворон развёл в стороны крылья – два шикарных иссиня-чёрных веера – и протяжно каркнув, вытряхнул, казалось из воздуха, прямоугольный предмет, который бесшумно упал в густой и высокий ворс испещрённого геометрическим орнаментом ковра.

Матфей оторопел и замешкался, тогда Гамаюн вновь протяжно прокаркал, чем и вывел из очередного ступора юношу. Тот с опаской дотронулся до таинственной вещи и тут же отпрянул.

– Смелее, молодой человек, – со смешком в голосе прохрипел ворон. – Это всего лишь книга. Она не царапается и не клюётся, в отличие от меня. Мужчина должен быть решительным и отважным. Придётся сильно поработать над этими слабыми сторонами твоей натуры.

Матфею нечего было ответить на это, спрятав от птицы глаза, он тут же подобрал предмет, дивным образом появившийся в его комнате, и внимательно принялся его осматривать. Действительно, это была книга средних размеров в превосходном оформлении: тёмно-бардовая обложка была выполнена из мягкой замшевой кожи, на одной из сторон которой золочёной вязью было выведено следующее название *«Демоны и Людины. Крах Племен Творца»*. Автором значился некий Лука Заокский, о котором Матфей никогда прежде ничего не слышал.

– Страница сорок третья, прошу, – подсказал ворон.

Матфей неохотно откинул тяжелый край обложки, уж больно приятна была поверхность пальцам, они так и норовили ласкать и гладить бархатистую плоскость книги. Листы фолианта приятно удивили белизной, гляncем и отсутствием намёка на помятость. За книжкой следили должным образом, возможно, даже сдували пылинки.

Отыскав под бдительным взором ворона нужную страницу, Матфей обнаружил сверху заголовок «Внешние признаки демоновой сути у отроков». Под заглавием шёл следующий текст:

«Будучи отроками восьми – десяти лет от роду, замечают в доме шумы и шорохи разные, кои никто кроме них не слышит. Могут также распознавать тени,двигающиеся произвольно. Редки случаи, но всё ж такие есть, когда случается сие с детьми шести и даже пяти лет от роду. При проявлении наклонностей у отроков лучше всего игнорировать и делать всяческий вид, что того нет. Ничем не обострять отроческое внимание, иначе можно развить острейшую нервическую болезнь».

Дальше читать Матфей не стал, он захлопнул книгу и отложил её на кровать, где она тут же погрузилась в пышные волнистые складки одеяла.

– Я слышал их, – вполголоса произнёс молодой человек. – Я их слышал, а они мне не верили. Они ввали мне. А я думал, что я ненормальный, не такой, как все.

– Они оберегали тебя от самого себя, крух, – каркнул Гамаюн. – И правильно делали. Иначе бы ты вырос неврастеником или ещё кем похуже. Может даже параноиком.

– После всего, что я выслушал сейчас – у меня все шансы стать сумасшедшим, – нервно усмехнулся Матфей.

– Да брось, Матфей, – сипло отозвался ворон, – ничего с тобой не случится. Если ты, конечно, сам не вляпаешься в историю. А за дверью этого дома тебя всюду будут стеречь истории. Знаешь, такие ловушки-лужицы, будут лежать на твоём пути везде. Глаз да глаз! Тебе придётся учиться отличать обычную грязную лужу от замаскированных с гладкой поверхностью событий, в которые лучше не то чтобы носа не совать, но и лучше не касаться краешком ботинка.

Тут в дверь постучали, осторожно и даже несколько деликатно.

– Это мама, – шёпотом сказал Матфей.

– Пусть зайдёт, но при ней ни слова обо мне и о том, что я сказал тебе, – быстро протрепал ворон и, взлетев на подоконник, юркнул за полог шторы.

– Заходи, мам, – чуть громче нужного от волнения выговорил Матфей.

– Сына, я зашла спросить, не нужна ли тебе помощь? Ты громко разговаривал, мне показалось, что даже кричал, – Вида прошла в спальню сына и встала спиной к окну, где затаился Гамаюн. – Всё в порядке?

– Да мам, всё хорошо, я по телефону с Виком говорил, – принялся на ходу выдумывать Матфей, покрываясь приметным румянцем. Врать он не умел, этот явный недостаток передался ему по наследству от отца. – Извини, что громко. Я скоро спущусь и помогу тебе с уборкой в гостиной.

– Ты сперва у себя, сына, приберись, – иронично заметила Вида, критично окидывая взглядом комнату сына. – У тебя постель до сих пор не застлана. Бардак. Книга вон валяется.

Мать решительно направилась к кровати и хотела убрать воронову книгу, но Матфей опередил её старания и, не дав Виде завладеть ценным фолиантом, выхватил его буквально из материных рук и тут же спрятал за спину.

– Я всё здесь уберу, мам, – мягко, но настойчиво сказал Матфей. – Спасибо за помощь. Иди вниз, скоро я приду.

– А что это за книга? – спросила Вида, озадаченная неожиданной расторопностью и таинственностью сына.

– Это так, ничего особенного, – Матфей ещё более заметно побагровел. – Подарок друга.

– Подарок? – улыбнулась мать, – Виктор подарил или *Юна*? – на втором имени она сделала особое ударение, чем довела сына до неприличной красноты.

– Вик, Вик, конечно же, – поспешно закивал сын и стал мягко подталкивать одной рукою мать в направлении к двери, другую же по-прежнему скрывая книгу за спиной.

– Хорошо, хорошо, сына, – сдалась Вида и, переступив порог комнаты, добавила с особой улыбкой, – жду тебя внизу. Только не слишком отвлекайся на подарок Виктора.

– Ага, – ответил Матфей и только теперь заметил в тёмном уголке за порошком спальни кольца ужиного тельца. Змея явно подслушивала и наблюдала за кратким диалогом хозяйки с сыном.

– Мам, заberi ужа, – окрикнул Матфей Виду, уже с громким цоканьем спускавшуюся по первым ступеням лестницы. – А то я могу наступить на него случайно.

Предупреждение предназначалось темному углу.

– Только попробуй, сш-ш-ш! – возмутился змей и, нарушив стройность своих колец, нехотя пополз следом за Видой.

– Везде уши! – прохрипел Гамаюн, как только Матфей прикрыл дверь спальни. – А этот змеиный народец! Да за ними глаз да глаз! Если бы не твоя мать, я бы его съел от греха подальше. Он наверняка нас подслушивал ещё задолго до прихода хозяйки.

– Он мне тоже не нравится, – сказал Матфей. – Никогда не понимал, зачем держать змею в доме, да ещё давать ей волю ползать всюду, где ей приспичит.

– Он прислужник твоего отца, поэтому она ему потакает, – пробурчал ворон. – Думаешь, хорёк резвится по всему дому, оттого что твой отец его обожает? Он тоже прислужник и дополнительные уши своей госпожи. Готов спорить на свои крылья, что родители узнавали обо всех твоих проделках раньше, чем ты успевал в них покаяться.

– Да, что-то было вроде этого, – согласился Матфей. – Но я никогда не думал...

– О, ты бы никогда и не узнал, если бы остался Спящим.

– Так, стало быть, это ты меня разбудил?

– Ну, не совсем так, – уклончиво произнёс ворон. – Ты *готов* был проснуться. Я лишь тебя взбудрил.

– Так это так называется? Взбудрил? Кхе-кхе, – Матфей издал нервный смешок.

– Не привязывайся к словам, – буркнул Гамаюн. – Главное, что ты очнулся от сна неведения. Но запомни: никому обо мне не говори. Ну, в том смысле, что я – твой прислужник, к слову вольный, и что нас связывает договор крови. Меня чуть позже ты можешь представить и объявить своим домашним любимцем. Тьфу! Как же я терпеть не могу эту формулировку раба! Но что поделать – конспирация превыше всего.

– Гамаюн, – Матфей впервые обратился к ворону по имени, – расскажи мне о прислужниках. Кто они и в чём их обязанность?

– Ты хотел сказать роль, – поправил ворон. – Вот что, молодой человек. На сегодня уроков достаточно. Запомни, что я тебе сказал. Теперь же приберись в комнате и ступай вниз, помоги матери. Негоже на женщину сваливать все домашние обязанности, тем более что праздник твой.

– Но как же...

– Продолжение завтра, – оборвал Матфея Гамаюн. – У меня тоже есть *свои* дела. Отдыхай, веселись, но никому ни слова о том, что узнал! Кстати, почитай перед сном книгу, если сил хватит.

При упоминании о книге, Матфей выудил занимательную вещичку из-за спины и прижал к груди.

– Спрячь её подальше от лишних глаз, – ворон покосился на дверь, намекая на недавний инцидент со змеем. – И никому не показывай, никому. Слышишь? Даже самому близкому другу, как бы ни чесался язык. Не упоминай, не намекай и не показывай. Три простых правила счастливой жизни.

– Но если мать и отец такие же, как я, то они в курсе. Разве не так? – спросил Матфей. – Я бы мог с ними...

– Нет! Нет и нет! – тут же с жаром возразил ворон. – Одно правило для всех: молчать о том, что знаешь, даже, если это известно всем вокруг.

– А что будет, если я нарушу это правило и расскажу кому-нибудь? – осторожно поинтересовался Матфей.

– А об этом я тебе завтра поведаю, молодой человек, – каркнул Гамаюн, выбираясь на оконный карниз. – И уж будь добр и умён, чтобы остеречься и не сболтнуть лишнего. Это не только в твоих интересах, но и в моих.

– Ладно, – согласился парень и, тут же спохватившись, крикнул вдогонку птице, перекочевавшей на ветвь клёна. – А завтра – это когда?

– Утром, юноша, утром, – прокаркал ворон и, увидев разочарованное лицо собеседника, усмехнувшись добавил, – но не рано. А то чего доброго, ты спишь, как медведь зимой, и я тебя не добужусь.

4. Вечеринка по случаю

Книга прямо-таки жгла руки. Матфей решил глянуть одним глазком, всего-то каких-то пять минут, а после – честно обещанная уборка. Дата издания озадачила его – 1838 год. Хотя, если поразмыслить хорошенько, то ничего из ряда вон здесь не было. Просто хорошо сохранившаяся книга, да нет, превосходно, прямо-таки чертовски идеально дошедшая до Матфея.

Бумага страниц не хранила в себе затхлый пыльный дух библиотек или старья подвально-чердачных хранилищ. Она пахла так, будто бы только что вышла из печати, приятно дразня обоняние нового читателя.

– А что удивляться-то? После того, как он её выудил из крыла, всё вполне может быть, – пробубнил вслух Матфей.

Он уже порядком успел застрять где-то на пятой странице раздела «Введение к первичному ознакомлению», когда от интригующего текста его отвлек самый обычный телефонный звонок.

– Матфей Катунь? – осведомился незнакомый женский голос.

– Да, это я, – небрежно ответил он, всё ещё захваченный тематикой книги.

– Это офис отделения холдинга «Хорс», – продолжил голос, манерой произношения чересчур напоминая робота. – Вы три дня назад заполнили анкету и оставили резюме.

– Да, всё так, – подтвердил Матфей, на этот раз уже более внимательно вслушиваясь в трубку.

– Так вот, мне велено вам сообщить: к сожалению, вы не подходите на вакантную должность по ряду причин. Мы рады, что вы обратили внимание на нас и выбрали «Хорс» в качестве будущей перспективы. Руководство нашего отделения желает вам успеха и удачи в дальнейшем поиске подходящего места.

Ни сожаления, ни доброжелательности от роботизированного голоса не исходило.

Матфей отложил телефон. Внезапно он рассмеялся. Ещё вчера его бы наверняка это сообщение весьма омрачило, но сегодня оно уже ничего не значило. Просто пустой набор звуков. До чего же странно, как может измениться мир всего за минуту или того меньше! А ведь это всё из-за ворона, этой дьявольской птицы.

Снизу донёсся мамин окрик. Матфей сверился с настенными часами в виде луны или апельсина, – он сам до сих пор не определился, на что больше похож оранжевый блин циферблата, – оказалось, что пролетело не пять, а все тридцать минут. Предварительно припрятав книгу под подушку и кое-как набросив поверх кровати клетчатый плед, служивший универсальным покрывалом «на все случаи жизни», он, как и обещал, отправился помогать Виде с уборкой гостиной комнаты.

Может в других семьях наведение порядка в доме – это тягостный и нудный труд, но не в семье Катуней. Жизнерадостная Вида умудрялась каждый раз превращать самую что ни на есть обычную уборку комнат в приятный и необременительный ритуал. И этот день не стал исключением.

Как только Матфей ступил в гостиную, тишину воздуха взорвала динамичная и заводная музыка, во главе которой зажигала неистовая электрогитара. Поверх ромашкового платья мать накинула синий ситцевый, безрукавный халатик и, вдев руки в резиновые перчатки ядовито-жёлтого цвета, энергично смахивала тряпкой с мебели пыль. При этом женщина выделяла забавные па под задаваемый музыкой ритм.

– О, кавалерия пришла на выручку! – звонко выкрикнула Вида, заметив широко улыбнувшегося сына при лицезрении вытанцовывавшей родительницы. – Добавь звука и бери на себя ковёр, мой верный гусар!

– К вашим услугам, сударыня! – браво гаркнул помощник и, крутанул до упора звук магнитолы.

Из динамиков рвались на волю неистовые волны музыки, отчего к пляскам Виды присоединился и хрустальный сервиз в серванте шкафа. Матфей подошёл к пылесосу и, включив его, занялся чисткой коврового покрытия гостиной, притом не менее яро дрыгаясь под увесистый шквал ударных инструментов.

Когда с основной уборкой было покончено, мать с сыном приступили к украшению комнаты. По мнению Виды, День Рождения ничем не отличался от празднования Рождества или Нового Года, а потому в доме Катуней во все именинные дни поселялась особая атмосфера сказочного праздника.

Разноцветные гирлянды, стеклянные шары, которым вроде бы место только на ёлке зимой, блестящая мишура и непременно серебряный дождик – обязательные атрибуты значи-

мых праздников в доме Катуней. И не важно, что на улице – знойное лето или пробуждающаяся весна.

«В доме должно быть место сказке и чуду, чтобы он жил и давал нам своё особое тепло, а иначе это будет просто жилище, где люди спят, едят и соседствуют друг с дружкой», – не уставала повторять Вида каждый раз, увенчивая свободный выступ или уголок помещения ёлочной игрушкой или цветастой спиралью серпантина.

В такие минуты суеты, ненадолго мать сама возвращалась в юность, и сын, в азарте перебрасываясь с нею тряпкой для пыли или соревнуясь в точнейшем броске серпантина на люстру, всякий раз дивился особенностям Види растворять во времени свои житейские годы. В такие моменты он мысленно благодарил её за возможность быть не только сыном, но и другом.

Праздничное убранство вышло что надо. Разноцветные огоньки, словно живые светляки, вспыхивая, замирая и поочередно угасая в гибкой ленте гирлянды, строили чарующие танцы на окне и стенах комнаты. Часть стеклянных шаров, высоко подвешенных на специально предназначенные для них крючочки, таинственно и величаво мерцала золочёной скорлупой, другие же щедрыми гроздьями возлежали на полках и в нишах мебели, задорно поблёскивая пузатыми бочками. А свисающая тут и там радужная мишура горела дивными искрящимися переливами.

– Ты куда? – осведомилась Вида у Матфея, тот уже был в прихожей и, наскоро втиснувшись на босу ногу в кроссовки, уже натягивал любимую кожаную куртку кофейного оттенка. А уж если он её надевал, то уходил надолго.

– Я во двор, – ответил Матфей, и, видя, что мать ему нисколько не поверила, тут же прибавил, – хочу посмотреть, как с улицы видны огоньки. Да и подмести листья не мешало бы.

– Ах да, листья, я и забыла, – сказала Вида, но отговорки сына не убавили её сомнения. – Хорошо, что ты вспомнил. За домом с клёна прилично нападало. Как раз под твоим окном, сына. Ты уж не забудь и там прибраться.

– Ага, – брякнул в ответ сын и тут же скрылся за входной дверью.

Окно в обрамлении цветастой гирлянды смотрелось и впрямь празднично, а когда вечером сумерки утонут в кисельной, ночной темени, это станет невероятно притягательным зрелищем для наблюдательных соседей и случайных прохожих на тихой Пихтовой улице. Матфею даже перехотелось мести листья, которые сами по себе были украшением внутреннего дворика. Мягкий ковёр из тёплых оттенков лета в октябре – это ли не чудо? Но раз уж пообещал...

Когда с гигантской кучей веерообразных листьев клёна было покончено на задворках, на центральную дорожку из мелкого гравия Матфей выволок мешок, груженный жёлто-бурым прощанием осени. Каменистая тропинка, обрамлённая белыми уголками кирпича, тянулась от порога дома до высокой резной калитки забора. Основная работа уже была проделана, не убранной оставалась лишь эта широкая, но короткая дорожка. У самого забора, где она оканчивалась, пестрел пятачок россыпью золотистых берёзовых листьев, нападших с дерева со стороны улицы.

Прихватив грабли, Матфей подошёл к листьям и за пару минут сгрёб в скромную кучку то, что до поры было частью берёзового наряда. Довольный работой и тихой, безветренной погодой, молодой человек поднял голову и взгляделся ввысь. Небо было обильно вымазано молочной пеной, до идеальности взбитой в пышнейшие сливки.

– Шикарный денёк, – произнёс он, улыбаясь от того, что всё не так уж и плохо, чёрт возьми!

Забор из ладно ставленных крепких досок доходил юноше до груди, а потому краем глаза Матфей уловил нечто тёмное, возникшее совсем рядом от него, за оградой. Тут же устремив взгляд туда, он обнаружил, что прямо напротив него, на середине тротуара стоит маленький мальчик и пристально смотрит на него. От вида этого мальчика у Матфея отчего-то мороз пробежал по коже. Ребёнок выглядел чересчур странно: босой и неухоженный, одетый не по погоде в тонкие штанишки и футболку. Необычен был вид и его испачканной, мятой и потерявшей

яркость цвета одежды, будто фотография, простоявшая на солнце не один десяток лет. Тёмные в пыльных пятнах волосы мальчишки торчали мелким ёжиком, а белая, испещрённая крупными венами кожа лица и рук несла на себе множество чёрных ссадин.

Но даже не это взволновало Матфея. Пугающим был сам взгляд мальчика с пустыми черневыми глазницами. Матфей потёр глаза, желая прогнать морок и убедиться, что с мальчуганом всё в порядке. Но жуткое видение не рассеялось. Бледный мальчонка в тусклой, неряшливой одежонке пялился на него червоточинами глаз и стоял недвижно, будто окаменел.

Матфей решил его окликнуть, и тут юнец оскалился, а затем, разинув рот в обрамлении синюшной ленты губ, без единого зуба, издал беззвучный крик. Озноб сменил себя жаром, Матфея передёрнуло от зрелища чудовищного детского лица. Он попытался дёрнуть рукой или ногою – не тут-то было. На секунду юношу сковал паралич – тело отказывалось подчиняться хозяину!

– Матфей, ты закончил? Иди скорее в дом, тебе Юна звонит, – материн глас спасительным горном порвал невидимую нить гипноза, которой опутывало Матфея кошмарное видение.

Не успел он моргнуть, как странный малец исчез из привычной картины улочки, будто его и не бывало вовсе.

– Чертовщина какая-то, – сказал Матфей и трижды сплюнул через плечо, на всякий случай.

Будучи дома он себя скоро убедил, что видел ряженого ребёнка, загримированного под мертвеца. В последнее время малеваться под нечисть стало модной забавой. Вот и он, Матфей, стал жертвой розыгрыша одного из таких любителей.

Вечер подступал, услужливо пропуская на улицы Горниц своих пажей-сумерек. Те мягко ступали по чищеным тротуарам и потешно шуршали на газонах палой листвой, предвещая о скором приходе своего повелителя. Даже ветер-бунтарь, что продрых весь день и хотел было взяться за трёпку деревьев, был прерван и выдворен из городка. Небо, плотно затянутое облаками, как постель с тщательно заправленным одеялом, утратив снежность, медленно желтело.

Наступил заветный час, и когда в доме Катуней глубокие тени сине-серой кружевной шалью накрыли собой всё пространство, тогда зажглись гирлянды, разом наполнив гостиную комнату внутри и со стороны улицы волшебством своих радужных живых огоньков.

И тогда на весь дом раздалась жизнерадостная трель звонка, возвестившая о первых гостях. Ими оказались неразлучные Нил Хотин и Юна Дивия с противоположной окраины Горниц. Их дома тесно соседствовали, потому молодые люди дружили с раннего детства, редко ссорясь и чаще заступаясь друг за дружку.

Особенно бойка была маленькая Юна, наголову меньше всех из честной компании Матфея. Худышка с короткими, как у мальчишки волосами, чёрными, пестревшими белыми полосками, она была обожаема друзьями и подругами за весёлый нрав и неиссякаемую энергию, коей никто из соприкасавшихся с нею, не оставался обделён. Ребята ласково звали её Ласточкой. Это прозвище как-то само собою прикрепилось к девушке вторым именем, когда она только-только свела знакомство с именинником и его приятелями. Уже доподлинно никто не помнил, что именно натолкнуло впервые сравнить Юну с юркой ласточкой (её бойкий нрав или чёрно-белое оперение головы), но это звучало так удачно и «в точку», что сразу же сроднилось с хрупкой девчушкой, которая и не думала возражать против подобного титулования.

– Привет, Фэй! Здорово, Маф! С днём рождения! – хором прокричали Нил и Юна, широко улыбаясь и по очереди обнимая именинника.

– Привет-привет, – улыбался в ответ Матфей. Особенно долго его взгляд застрял на милом, круглом личике Юны, но тотчас же был отведён, как только монгольские вишнево-карие глаза девушки пристально вгляделись в него.

– Да ты изменился, Фей! Нил, посмотри, наш Фей совсем другой человек, не то, что вчера, – пронзительно защebetала Юна, ухватив Матфея за руку выше локтя. Тот отчего-то покрылся слабым румянцем.

– Ага, ты права, – гоготнул Нил, прыскавая добродушным смехом. – Вчера его так не кидало в краску, как сегодня. Что с тобой, дружище? Уж не накатил ли ты шампанского до нашего прихода?

– Нет, нет, – поспешно проговорил Матфей, краснея ещё гуще. Взволнованная кровь отзывалась гулками толчками в ушах. – Как же я без вас буду пить? Только с вами.

Нил, долговязый шуплый парнишка, на год младше Матфея, казался неуклюжим увальнем подле Юны. Белобрысый и веснушчатый, однако ж, он не был неказист. И если с первого взгляда казалось, что у Нила слишком крупный нос и пухлые женственные губы, то огромные выразительные глаза, в которых жило холодное море, притягивали, завораживали и преображали своего носителя.

– Значит, Вика и Эрика не ждём? – заговорщицки подмигнув, сказала Юна.

– Нет, ждём всех, а потом всё по программе, – произнёс Матфей и вновь его взор залип на девичьем лице, в частности, на аккуратном круглом носике.

Когда-то подруга то ли в шутку, то ли всерьёз поведала ему о дальнем родстве с одним могущественным шаманом из далёких монгольских степей. Этот колдун жил более семи столетий назад и молва о нём простиралась далеко за пределы тех самых степей. По крайней мере, так девушка объясняла раскосость своих глаз; по правде, Матфею глубоко было плевать, от кого Юна унаследовала разрез глаз, они ему казались неповторимыми и уникальными из всех прочих. Но когда в конце рассказа она двусмысленно ухмыльнулась, он решил всерьёз легенду не воспринимать, доверившись ей лишь на толику.

– Ну что ж, ждём, так ждём, – отозвалась Юна, вошедшая в гостиную. – Красота, как всегда, Фей. Вы с мамой прямо-таки – волшебники. К вам, как ни приди, просто сказка, а не праздник.

– Спасибо, Юночка, – донёсся из кухни голос хозяйки. – Не зря, значит, старались.

Мать вошла в гостиную, где в центре стоял стол, перенесённый с кухни, правда без торта. В руках Вида несла поднос с пустыми фужерами.

– Матфей, принеси шампанское, оно в морозильнике, – попросила она, расставляя на застланном льняной красной скатертью столе бокалы. – Думаю, мы можем позволить себе опередить других гостей. Всего один бокальчик.

– Фей, у тебя чудесная мама! – воскликнула Юна прошеествовавшему на кухню другу. – Вида – вы прелесть!

Хозяйка и гостя дружно рассмеялись, а Нил, на сей раз, предпочёл обойтись сдержанным смешком.

– А где хозяин дома? – осведомился Нил, когда прошло около полуминуты, а Матфей отчего-то не возвращался с кухни.

– Юстин? Его вызвали на работу, внепланово, – Вида продолжала источать беззаботность, но в глазах её промелькнула дребезжащая дымка беспокойства, тут же изгнанная в дальние уголки. – Там какая-то неразбериха с его напарником. Но он настаивал, чтобы праздник начинали без него.

– Вот как, – сказал Нил.

Было непонятно, сожалеет он или нет об отсутствии хозяина. Юстин импонировал ему, но в меру. Для Нила отец Матфея всегда был немного чересчур. Громкий, деятельный и, наверное, властный, хотя, в общем-то, добряк добряком.

С кухни донёсся глухой хлопок, бутылка шампанского наконец-то соизволила расстаться с пробкой, смачно выплунув затычку.

– Добрый знак! – одобрительно вскрикнула Юна. – Я уж думала, что мы шампанского не увидим до прихода Вика. Вот он что угодно открыть сможет.

– Я всё слышу, – с укоризной сказал Матфей, он поставил на стол тёмную, покрытую толстым слоем испарины бутылку, из узкого горлышка ещё струился белёсый дымок. – Между прочим, шампанское перележало положенное время, и пробка примёрзла к стеклу. Было непросто её вытащить.

– Но ты справился, Маф, – поддержал его Нил и тут же с озорством добавил, – и Вик не понадобился.

– Вот следующую бутылку открывать будешь ты, – иронично заметил Матфей, он разлил игристое вино в бокалы, – и без помощи Вика. А я посмотрю, за сколько ты её откроешь.

Золотистый напиток вспыхивал разноцветными искорками пойманных огней гирлянды; со дна хрусталия поднимались струящиеся россыпи винных пузырьков, словно вулкан извергал из недр шампанского свои воздушные щедроты.

– Ребят, а давайте устроим сегодня соревнование, – воскликнула Юна, вбирая миниатюрной ладонью длинную ножку фужера. – Пусть каждый из мальчиков откроет шампанское, засечём по секундной стрелке и выясним, кто победитель. А, как вам?

– Ну-у-у... – затянул Нил, но его тут же прервала Вида.

– Отличная идея, Юночка, – закивала она. – А насчёт количества не беспокойтесь, ребятки, хватит. На всех хватит. Жаль только, что Юстин пропустит это веселье. Он бы тоже поучаствовал.

– Ну, с вашим супругом некому тягаться, – тут же добавил к сказанному Нил. – Он же непревзойдённый силач.

– Ага, а так у тебя, Нил шанс появляется, – сказала Юна и шутливо ткнула друга в бок пальчиком, зная как тот боится щекотки.

– Я всего-о лишь! За! Спра-аведливое состязание, – взвизгнул тот, выгибаясь в отчаянной попытке уйти от Юниной проказы.

– Ну-ну, – проговорила Юна и пригубила бокал. – М-м-м... Вида, шампанское просто улёт... потрясающе ледяное!

– Очень? – Вида беспокойно сдвинула брови.

– Напротив, самое то.

Бодрый сигнал дверного звонка громко возвестил о новых гостях.

– Здорово, брат, с днём взросления тебя!

Матфея, чуть приподняв в воздух, сжал в охапку Виктор Сухманов, сосед и лучший друг. Его одноэтажный дом-крепёш отделяла от садика Катуней условная полоса живой изгороди из черноплодной рябины. В этом кустистом заборе имелся удобный проход, в который Вик нырял, дабы скоротать путь, когда желал видеть приятеля. Этой же лазейкой частенько пользовался и сам Матфей, ежели возникала на то крайность.

– И что такого в этой дате? – иронизировал именинник. – Самому-то в сентябре стукнуло столько же!

– Не спорь со старшими, – широко лыбился Виктор. От него пахло ёлкой, ментоловой жвачкой и вечерней прохладой улицы. Опустив на пол друга, он дурашливо взъерошил тому волосы.

– Большой нашёлся. – Матфей покровительственно водрузил руку на широкую линию плеч Виктора и таким образом провёл его в гостиную, где новичка встретил радостный дружный глас присутствовавших.

– Не хватает нашего Философа, – сказала Юна, когда все перездоровались с Виктором, и он получил свою порцию холодного шампанского. – Тогда можно будет начинать.

– Что начинать? – спросил Вик. Его каре-зелёные глаза под низкими густыми облаками чёрных бровей, заблестели интересом.

– А Юночка нам подкинула одну идею, – тут же заговорила Вида. – Она предложила мужчинам открывать шампанское на время. У кого будет меньше всего на счету, тот и победитель.

– А каков приз? – Тут же последовал вопрос Виктора.

– Ой, а приз-то мы и не придумали, – в замешательстве ответила Вида.

– Я предлагаю тому, кто победит, позволить задуть свечи на именинном торте, – предложил Матфей.

– Но это же твой торт, сына, – запротестовала мать.

– Ну и что, – беспечно ляпнул он, не подумав о стараниях матери. – Давайте нарушим разок традицию с тортом.

– Ты что, – шикнула так тихо, как только смогла, Юна оказавшаяся рядом с ним. – Вон мамка твоя расстроилась. Наверное, грандиозный торт тебе приготовила.

– Ну, хорошо, что ты предлагаешь, Ласточка? – поинтересовался немного сконфуженный Матфей у подруги. Вид у матери и, правда, был не самый довольный.

– Как что? – громко отозвалась девушка, пузырьки шампанского танцевали в её голове усиливавшийся по накалу, бурный танец. – Бутылка шампанского, конечно же.

– А можно танец с прекрасной дамой? – вдруг раздался мягкий юношеский голос со стороны прихожей.

Все, чуть вздрогнув, обернулись и обнаружили ухмыляющегося молодого человека, стоявшего на пороге гостиной. Это был настоящий франт. Если сам Матфей и его друзья в основном предпочитали спортивный стиль в одежде, как удобный и комфортный, то Эрик Горден, или просто Эр, жить не мог без стильных костюмов, элегантных рубашек и модных галстуков. Какие там кроссовки? Что вы, боже упаси! Только классические ботинки. И теперь в дверном проёме стоял он, прямой, статный, в шикарном сером пальто, с небрежно повязанным поверх чёрным шарфом. Даже парфюм его был сама изысканность и утончённость – визитная карточка самоуверенности и беззаветного любования собой. Ни дать ни взять – заправский денди.

– А-а-а! Философ пришёл! – закричал Нил, одурманенный винным хмельком. – Наша шайка в сборе!

– Эх, Нил, – томно вздохнул Эрик, его уже обнимали по очереди друзья, дамам он почти-тельно мягко пожал руки. Его волнистые каштановые волосы были безукоризненно зачёсаны назад и приправлены для пущего лоска бриолином. – Как же бедна твоя речь, друг. Какая шайка? Опомнись. Это же круг, дружеский круг родственных душ. А ты – шайка...

– Вот зануда, – хихикнул Нил в сторонке. – Снова будешь грузить своей философией. А это, между прочим, как-никак день рождения твоего друга.

– Почему сразу грузить? – Эрик стянул шерстяную змею шарфа и приступил чинно расстегивать пуговицы пальто. – Может, кому-то это будет интересно. Не все же так приземлёно думают, как ты, мой друг.

– Ну-ну.

– А ещё кто-то должен прийти, сына? – спросила Вида у Матфея.

– Я приглашал ещё троих, но они не смогли по каким-то причинам, – ответил тот.

– Вот и славно! – пролепетала Юна. – А нам никто и не нужен. Нам и так весело будет.

– Ну не скажи, – пробасил Виктор, рослый и широкий, спортивный. – От женского общества я бы не отказался.

– А я? А Вида? – притворно насупилась Юна. – Нашего общества тебе мало будет?

– Действительно, – задорно поддержала юную сообщницу хозяйка дома.

Виктор критично посмотрел на обеих – придаться было не к чему. На Юне ладно сидело бархатное платье кофейного цвета с длинными рукавами, едва прикрывая худенькие коленца. По-детски крошечные ступни облежала мягкая тёмная кожа лаковых туфель. Уложенные пёрышками волосы, идеально подчёркивали округлость лица и высокие скулы. А тонкие чувственные уста в наряде алой помады, манили пригубить не только бокал шампанского.

Вида подле юной красавицы, чьи по-восточному раскосые глаза пылали гранатовым огнём, по-королевски смотрелась в длинном в пол платье ванильного оттенка. Широкий вырез декольте выгодно подчёркивал высокую грудь женщины, а узкий контур её талии вызывал лёгкую долю зависти у девушки. Как всегда безупречные локоны обрамляли плечи и спину старшей красавицы, сияя мягким золотистым светом.

– Бесспорно, среди нас самые раскрасавицы, – констатировал итог смотра Виктор. – Но на всех вашего общества не хватит. Тем более, если мы собрались танцевать. А без танцев я не уйду домой.

– А вот победишь в соревновании, и потанцуем, – кокетливо прошептала Юна.

Матфей вновь «застрял» взглядом на юной гостье, удивившись новому открытию: прикинув в повседневной жизни лицезреть подругу в более демократичной одежде, будь то джинсы и многочисленные футболки с кофтами, он восхитился, как перевоплотилась она в элегантную леди, стоило надеть платье. Эта редкая двойность Юны и раньше озадачивала Матфея, но сегодня взволновала сильнее прежнего.

– Ребят, предлагаю садиться за стол, раз все собрались, – объявила Вида. Оглядевшись, и что-то просчитав в уме, она добавила, – Матфей, Виктор, мальчики, принесите с кухни стулья. А мы с Юночкой расставим тарелки.

Некоторым иной раз казалось, что Вида с чужинкой, но у неё был пунктик насчёт праздничного стола. Она никогда не водружала на него тарелки и еду, прежде чем в дом не войдёт последний гость. Эта причуда была скорее даже суеверием, выросшим из детского страха. Никому она не говорила о том случае, даже Юстину, а ему она уж на что шло, доверяла во многом.

И теперь ей не забыть, как далёким таким же праздничным вечером был её, Видин, одиннадцатый день рождения. С тортом в свечах, подарками и гостями. Мама как обычно накрыла богатый стол, щедро уставив его всевозможными яствами и поставив тарелки ровно по тому количеству людей, что были приглашены. И так вышло что один из гостей, любимый дядя Виды, всё отчего-то запаздывал. Не дождавшись его, приступили к праздничной трапезе. Дядя так и не пришёл, отчего праздник маленькой Виды не был полным. Уже спустя несколько часов телефон, стоявший в прихожей, тревожно зазвонил, а снявшая его трубку мать, печально сообщила, что дядя не придёт уже никогда. Он умер от сердечного приступа.

Конечно, это совпадение, коих в жизни бывает куча, но с того эпизода своей ещё юной жизни, Вида твёрдо уверовала, что заранее накрытый едой стол и расставленная по его услужливой спине посуда не сулят добра тем, кто должен этим самым добром насладиться. Поэтому-то она в своей семье завела неписаное правило – никогда не накрывать на стол, если за ним кого-то не хватает и этот кто-то в пути. Так ей было спокойнее.

Юстина не хватало, но это редкость, форс-мажор. И не ждать же всем одного до позднего вечера?

Сообща и скоро, уставив знаковое место стульями и украсив аппетитными блюдами, «дружеский круг родственных душ» разместился за праздничным столом. Воздух гостиной быстро наполнился соблазнительными запахами еды и зазвенел от шуток вперемежку с простыми, но искренними тостами. Была даже какая-то странность в том, как органично соединялись звуки и запахи, будто это было сродни какой-то стародавней песне.

Аромат запечённой с картофелем курицы пел гитарными аккордами вкупе с милым хохотком Юны. Овощные салаты и домашний хлеб задорными маракасами потрескивали в тон многозначительным «г-м-м» Нила. Шампанское и икра в тарталетках тихонько шептали шаманским бубном, когда увлечённая юным обществом Вида тихонько мурлыкала знакомую мелодию. Котлеты и отбивная под сырной шубой забористо солировали ударными всякий раз, когда Виктор гулко басил. Сочные фрукты, нарезанные дольками, выдавали нежный проигрыш клавесина, вливаясь в довольный с хмельком голос именинника. И, наконец, россыпь зелено-

глазых оливок в стеклянной чаше торжественно выводили тончайшие напевы флейты при каждом многозначительном вздохе Эрика.

Где-то через полтора часа Матфей вдруг сообразил, что давненько не видел родительских любимцев. Ещё с того злополучного момента на кухне хорёк и змей куда-то делись и не казали носа в гостиную. «Отличный подарок на день рождения», – подумал именинник и усмехнулся этой мысли. Первый праздник без этих напыщенных злюк.

За окном стемнело окончательно. Вечер распластался по Горницам, накрыв каждый уголок своими бескрайними тенетами. Серо-синее небо угасало, близясь к границе вселенского мрака. В эту пору глазами городка становились фонари-великаны, грозно взиравшие поверх крыш домов, и люто раздражая досаждавшую темень своим неуёмным светом.

– А я сегодня, други мои, пришёл к печальному умозаключению, – величественно и проныковенно произнёс Эрик, чем отвлёк Матфея от разглядывания окна.

– Что же тебя такое разэтакое натолкнуло на открытие века? – ухмыльнулся Нил.

Когда Эрик начинал фразу, где фигурировали словосочетания «печальное открытие» или «неутешительное умозаключение», оставалось только одно – терпеливо подчиниться подступившей волне откровений, причём столь странных, что кроме как друзей, их никто не воспринимал невинным чудачеством. Впрочем, не все разглагольствования Эрика были пусты и лишены смысла.

– Я проходил мимо дома, – пространственно начал Эрик, – он стоит на Липовой, через две улицы от вашей. Маф, может, примечал серенький такой, но крепкий с выгоревшим окном?

– Э-э-э, не помню, Эр, я там уже месяца три носа не кажу, – отозвался Матфей, гадая, во что выльется прелюдия Эрика.

– Не суть, – оборвал его рассказчик. – Дело не в доме, а в том следе, что оставил на нём огонь. Я подумал, как прекрасно в красе своей пламя, как величаво и ненасытно оно. Как оно божественно! И как, увы, смертно. И тут до меня дошло! До меня вдруг дошло! Осенило, как молнией, шарахнуло! Для нас, смертных, всегда существовало четыре бога-стихии – огонь, вода, воздух и земля. Этим богам мы во все времена поклонялись, этим богам мы приносили жертвы, этим богам мы молились обо всём на свете. Но в чём самая большая шутка Творца? А ведь она в том, что даже боги смертны! Огонь гаснет и от него остаётся чернота пепла. Вода высыхает, не оставив и следа. Воздух улетучивается, образуя вакуум. А земля развеивается до последней песчинки. И что остаётся итогом от этих всемогущих богов? Кукиш, други мои, большой такой кукиш. Вот и выходит, что нет бессмертных богов, есть надуманные сочинителями древности божки, которые и по сей день тиранят сердца наши памятью предков о якобы вселенском могуществе тех.

– Эк тебя накрыло, приятель, – сочувственно произнёс Виктор. – Я вот даже не задумался бы над горелым домом. Для меня другая истина очевидна – человек сам куёт свою жизнь. Не доглядел – получи и распишись. Расторопней и внимательней будешь впредь. Боги не боги, а за тебя никто не подумает о завтрашнем дне.

– Ты как всегда не в ту степь, Вик, – угрюмо выдохнул «философ». Его серо-карие глаза казались погрязшими в пелене тумана, так глубоко заняла его новая мысль. – Я же о другом.

– А я тебе об этом, – упрямо процедил Виктор и добродушно улыбнувшись, протянул наполненный фужер. – Не кисни, Философ. Истина, она, сам знаешь, где!

– О да! – Задумчивое выражение вмиг покинуло красивое лицо Эрика, и он ответил звонким «дзинь» своего бокала, миролюбиво чокнувшись о хрустальный сосуд приятеля.

Речь перетекла в иное русло, журчавшее пылкими и увлечёнными водами бесед, прерываемое задиристыми волнами женского смеха и прибоем мужского гогота.

Матфей вновь соблазнился видом червоточкины окна, пытаясь всмотреться в самую глубь уличной тьмы. Внезапно за стеклом, во мраке зажглись два крошечных жёлтых огонька, точь-в-точь, как на гирлянде. Молодой человек из любопытства решил рассмотреть лучше эти стран-

ные светочи. Когда до оконного проёма осталось всего ничего, огоньки моргнули и погасли. Но, прислонившись к стеклу, Матфей успел разглядеть в густейшей тени вечера силуэт громадного кота, чьи светящиеся глаза и были теми огоньками. Зверь мигом покинул карниз, мягко спрыгнув в потёмки и став его частью.

5. Новые открытия, старый мир

Утро близилось. Ещё какой-то час и тёмно-серое небо наполнится бурными в розовой жеманности волнами надвигавшегося рассвета. За плотной завесой штор Матфей не смог бы различить тонкости перехода из ночи в утро, но даже, если бы за окном был полдень, а солнце вовсю шпарило, его бы это не отвлекло от бешеного вихря мыслей, в котором он тонул с каждой секундой всё глубже и дальше.

Каша, замешанная на ярчайших отрывках вечера, и сильно приправленная выдержками из воронова манускрипта, до которого у Матфея таки добрались руки, вышла настолько крутой и тяжёлой, что со сном пришлось распротиться. Пёстрые, разнородные ступеньки – цветные лоскуты событий ушедших суток – коловоротом мешанины закручивали размышления Матфея, наслаиваясь и разбегаясь, соединяясь в тугие узлы и идя вблизи параллельными.

Вот Матфей несколько сконфужено и с заминкой сообщил друзьям, что не прошёл собеседование в «Хорс», а те тут же наперебой кинулись его ободрять: мол, ты найдёшь лучше, а они, то бишь компания, профукали такого специалиста и всё у тебя будет хорошо. И его внезапная неловкость перед товарищами, и смущение – по-девчоночьи, до красноты – сами собой тут же развеялись, как летняя тучка на ясном небе.

Следом всплыл в памяти испугавший его днём образ мальчишки, но и он рассыпался комком пепла, когда рядышком, возле уха раздался заразительный, звенящий хохоток Юны.

Двумя дымчатыми лентами бесшумно пролетели мысли, от которых по лицу прошёлся легчайший ветерок. Это припомнились горящие в ночи глаза уличного кота и странное, прямо-таки подозрительное отсутствие родительских питомцев в гостиной, а ведь эти зверьки никогда не упускали возможности отереться у стола.

А после они всё-таки дождались возвращения Юстина с работы. Тот в первые минуты, казался уставшим донельзя, но ощутив тепло и уют царившего застолья, мгновенно сбросил вместе с курткой все тревоги и проблемы, будто ими были наполнены карманы, и присоединился к честной компании, заняв по праву место во главе стола.

Приятные моменты вечера и не думали умолкать и заканчиваться, их оказалось немало. Когда дело дошло до десерта, свет в комнате погасили, а Вида, как самая настоящая фея, торжественно прошествовала из кухни в гостиную, где мрак расцвечивали живые огоньки гирлянд, в её белевших руках чернел торт с вновь зажжёнными свечами. На сей раз Матфей уператься не стал и тут же задул свечное пламя. И на этот раз он загадал желание.

После чая с тортом, который вызвал новую бурю восторга и обсуждений, все выбрались на улицу и принялись запускать фейерверки. Юна, в свою очередь, понатыкала там и сям в землю палочки бенгальских огней. И когда они все разгорелись, казалось, будто из земли забили разом маленькие шипящие фонтанчики серебра. Но даже, когда и этому зрелищу пришёл конец, в ход пошли простые хлопушки, которых у Виктора оказалось предостаточно в бездонных карманах куртки. Ступени крыльца и парадную дорожку устлала щедрая россыпь разноцветного конфетти, к которой незаметно в тени вечера подкинула свои янтарные листья беспризорная берёза.

После родители отправились в дом, а Матфей с друзьями продолжил веселье за пределами домашней ограды, вывалившись на тихую улочку зрелыми наливными яблоками. Хрустальную безветренную тишину глубокого вечера прорезали их молодые и переполненные жизнью голоса. Кажется, они колобродили часа два, а может и все три. Никто не следил за

временем, да и нужно ли это делать в ночную пору, когда минута течёт как час, а час бежит как минута? А когда с тобой надёжные и верные друзья, термос с горячим кофе и пара бутылочек шампанского, которые Юна предусмотрительно погрузила в недра своего объёмного рюкзака, кажется, можно идти бок о бок с товарищами бесконечно. Рюкзак нёс Матфей, он был доволен, что Нил уступил ему в этой миссии. Юнина поклажа казалась ему легчайшей и вдвойне согревала спину.

Шествуя рядом с девушкой и временами случайно касаясь её руки, а иногда и не случайно, Матфей совершил очередное открытие за день. Удивительно, но с самого начала их с Юной дружбы, насколько было известно Матфею, никто из ребят не предпринимал попытки сблизиться с нею, как это обычно принято у парней. И дело не в том, что девушка была «не в их вкусе». Юнка оказалась на редкость особенной для Матфея, Виктора и Эрика. Настолько особенной, что влившись в их маленькую компанию, сразу стала неотъемлемой её частью, будто так было всегда. Но при том юноши ни на день не забывали, что в их обществе дама, оказывая по отношению к подруге джентльменское внимание и уважение. Никаких сделок, договоров и тому подобного. Особенность Юны проявилась в гармонии: вопреки привычным законам природы она не разрушила мужскую дружбу, а естественно влившись, укрепила её. Потому Матфей не смел идти на риск, страстно желавший порой нарушить эту самую гармонию, единожды признавшись в своей «особой» симпатии подруге. Нет, не из трусости! Слишком дорог был мирок их, парней, дружбы с маленькой Ласточкой, слишком много наглядных горьких примеров жизнь вносила каждый день, когда длинное и, казалось бы, бесконечное приятельство заканчивалось из-за рискованных попыток. Ставить на кон дружбу Матфей не был готов. Во всяком случае, не сейчас.

Бурлящим мыслям и не менее взбудораженным чувствам не было предела, и Матфей ощущал себя взболтанной бутылкой шампанского, счастливым и готовым излить друзьям всю свою щедрость. Но похождения ночных гуляк наступил конец, все разбрелись по спящим домам, чтобы хоть немного урвать сна от ночи. И Матфей, взбодрённый свежестью улиц и возбуждённый близостью той, что брела по левую руку от него среди молчаливых улочек Горниц, долго ворочался в постели в тщетной попытке поймать покров сновидения. И надо же было ему вспомнить о книге, врученной ему вороном!

Вернее, книга сама напомнила о себе, когда Матфей глубже засунул руку под подушку. Как только он вытащил из тайника воронов талмуд, сон, который уже было смилостивился и протянул свои прозрачные шелка, тут же скрылся.

Демоны и Людины: Крах Племени Творца. Книга захватила его, она вобрала его целиком и не отпускала, как бы он ни пытался договориться с ней и с самим собой. Матфей не замечал, как стрелки его апельсиновых часов отмеряли час за часом, он с жадностью оголодавшего пожирал текст, страницу за страницей. Это была первая в его жизни книга, которую он поглощал, как самый редкий и самый вкусный деликатес. Но эта одержимость, с которой он листал, попеременно оглашая комнатку негромкими, но эмоциональными возгласами, не позволила ему вчитываться в текст подробнее и тщательнее, оставляя его пониманию лишь общую и главную суть манускрипта.

И вот, когда последняя страница была одолена, а корочка обложки накрыла её сверху, Матфей забрался под одеяло и, немного поёрзав, удобно примостил лицо на подушку. Усталость тут же подкралась к нему, накинув поверх уютного тепла пелерину воздушного и желанного сна. И только он смежил веки, как раздался стук в окно. Цук-цук-цук. Цук-цук.

– Да ладно. Рано же ещё, – простонал Матфей, но уныло стянув одеяло, встал и пошлёпал к окну.

Так и есть, на фоне выпцветающей ночи в оконном проёме на карнизе обрисовалась птичья фигурка, в нетерпении повторно стучавшая в стекло.

– Ты рано, – буркнул Матфей, распахнув окно.

Ворон тут же юркнул из утренних сумерек в полумрак комнаты, освещённой глазом настенного бра. За птицей следом потянуло уличным холодком, и вмиг продрогший Матфей быстренько захлопнул оконную створку.

– Я не могу быть рано или поздно, – игнорируя холодный приём и откровенное недружелюбие, заявил ворон. – Я же твой прислужник, и учти – вольный к тому же. Кстати, доброго утра тебе, молодой человек.

– Доброе, – отозвался Матфей и язвительно добавил. – Ну как же, доброе. Добрым оно было, когда я собрался спать.

– А ты разве не спал, когда я постучался в окно? – удивился Гамаюн, но Матфею показалось, что ворон прикидывается удивлённым. Да и как угадать тон речи, когда собеседник гнусавит и хрипит одновременно.

– Представь себе – не спал. Только вот прилёг и глаза закрыл, а ты тут как тут, – Матфею никак не удавалось перебороть возраставшее негодование из-за столь раннего визита.

– Ничего себе ты погулял! Ф-ух! – ухнул по-совиному Гамаюн. – Хотя, что взять с демона.

– Да нет, я не гулял всю ночь, если ты о праздновании, – возразил Матфей и, заметив насмешливый блеск в синих вороновых глазах, ткнул пальцем в лежавшую за подушкой у изголовья кровати книгу, да с раздражением прибавил. – А вот остаток ночи я провёл, читая *твою* книгу.

– Ну, это не моя вина, что ты не сумел разумно рассчитать свои силы, – невозмутимо парировал Гамаюн. Он удобно устроился в центре подушки, аккуратно в круглой ямке, где минутой назад покоилась в предчувствии сладких грёз голова Матфея.

– Конечно, не твоя. Это я дурак. Надо было оставить чтение на день, а не паять до посинения остаток ночи, – выпалил Матфей, но выдохнув, сказал. – Кстати, интересная книга. А там реально *всё* правда?

– Безусловно, – произнёс Гамаюн и слегка качнул головой. – Но ты лучше ответь – а чему ты не поверил?

– Да там всё сплошь фантазия, – воскликнул Матфей, он уселся в центр кровати, скрестив по-турецки ноги, и плотнее обернувшись одеялом. – Уже то, что людины по заверению автора – то же самое, что демоны, для обычного человека, ставит над этим, неизвестным, кстати, трудом, огромный и жирный вопрос.

– Ах, вот оно что, – с неким облегчением прохрипел Гамаюн, звуки из его клюва казались смесью кашля и ехидного смешка. – Но, тем не менее, ты её прочёл. Ты мог лечь спать, но предпочёл её, а не сон. Не это ли удивительно?

– Я люблю фантастику, этим всё и объясняется, – парировал Матфей.

– Что ж. Правду во все времена воспринимали тяжело, больше доверяя проверенной и удобной сказочке, – вкрадчиво заговорил Гамаюн, явно готовя собеседника к чему-то сокровенному. – Если тебе с детства со всех щелей, со всех ртов твердят, что ты человек – у тебя и сомнений не возникнет в обратном. А тут, ба! Заявляется ворон и говорит! О, Дьявол Всезрящий! Говорящий ворон. И пускай бы он просто, как попугай, набор слов талдычил, и даже, бес с ним, если бы он говорил, но суть-то в том, *что* он говорит! А теперь подумай, Матфей. Послушай своё сердце и подумай: если я, Гамаюн, ворон из рода Чёрных, изъясняюсь с тобой на равных и, стало быть, мыслю, то почему всё написанное в этой книге не может быть сущей правдой?

Матфей не любил быстро сдаваться и легко уступать в спорах, и в этот момент он предпочёл оставить за собой маленькую ступеньку в лестнице диспута, послушавшись совета птицы, сомкнув веки и умолкнув. Гамаюн, уловив его настрой, не издавал ни звука и не шевелился, и возможно из солидарности закрыл глаза, а, быть может, его просто разморило до дремоты в душном тепле Матфеевой спальни.

– Ну, хорошо, – неожиданно резко прорезал сонную тишину решительный глас Матфея.

– Что хорошо? – встрепнулся ворон и обеспокоено взъерошился. – Что хорошо? Ты принял то, что дала тебе книга?

– Не совсем, – задумчиво откликнулся Матфей. Голос его будто из колодца звучал далёким и чужим эхом. – Это трудно. Нет, даже не так. Это, как решиться на преступление, за которое тебя изгонят из твоей вселенной.

– Понимаю. Чтобы принять в себя новый мир, старый должен сгореть заживо. А это сильнее, чем боль.

– Давай так. – Голос Матфея вернул себе прежнюю силу и уверенность. – Я вкратце скажу всё, что смог понять, а ты меня поправь, там, где я буду неточен.

– Хорошо.

– Как я понял, – продолжил Матфей, не глядя на Гамаюна, и, казалось, старательно избегая прямого взгляда ворона, – есть два ответвления, так называемого Племени Творца. То бишь – людины и демоны. Оказывается, людины – это тёмные и достаточно злобные духи, которых опасаются демоны. Если я ничего не путаю, то выходит, что людины – это бесы, а демоны – это люди. Путаница сплошная.

– Всё верно, молодой человек. Крух. Продолжай, – подбодрил его Гамаюн.

– И человечество, то бишь демоны, всю свою жизнь маскируется под Непроснувшихся или как их ещё называют, Спящих, но тут я запутался в причинах и прошу тебя мне разъяснить их.

– Да, не повезло вашему брату со свободой слова, – отозвался Гамаюн. – Мы, прислужники, хотя бы можем друг с другом вольно общаться и не опасаться за свою жизнь. А вот вам в этом смысле туговато. Нельзя демонам высовываться, иначе их легко вычленишь из числа живущих.

– И чем это чревато? – спросил Матфей.

– А ты не догадываешься, молодой человек?

– Смерть? Но это банально. Я же не колдун и не огнедышащий дракон. Так за что меня убивать?

– Достаточно того, что ты со мной общаешься, – серьёзно заметил ворон. – И в тебя удобнее всего войти людину.

– Чего?! – Матфей зашёлся кашлем, поперхнувшись воздухом. – Бес овладевает демоном? Чуши большей не слыхивал!

– Ну и где здесь чушь? – терпеливо произнёс Гамаюн. – Если демон вселяется в человека – это, конечно же, нормально, это естественно. А вот бес в демона не может вселиться. Это чушь несусветная, выдумка больного разума.

– Ну, знаешь ли, я и в демонов-то не особо верю. Не верил до встречи с тобой.

– Ох, союзник, не завидую тебе, – ухнул Гамаюн. – Ведь демоны – это безобидная пилюлька, по сравнению с тем, что ты узнаешь через пять минут.

Тут за дверью послышались слабые, едва различимые шорохи. Гамаюн, бесшумно слетев с кровати, приземлился перед порошком и, мельком бросив взгляд в сторону Матфея, качнул тёмной головой. Молодой человек, ни о чём не спрашивая, как можно тише подкрался к двери и резким движением распахнул её. Ворон устремился в домашнюю темень и последовавшее за этим злобное шипение и отчаянная возня у Матфея не оставили сомнений: некто до поры сидел и подслушивал в коридорчике его с Гамаюном беседу, а теперь получал внушительную трёпку от разъярённой птицы.

– Это ты! Снова ты! Крух! – хрипло каркал Гамаюн, тычки его массивного клюва отдавали молоточной дробью по деревянному настилу пола. – Снова шпионишь... получай! Ещё! И ещё разок!

– Отс-с-стань, крылатое отродье! Отвали! – отдуваясь, шипел голосок, в котором Матфей узнал отцовского ужа. – Я в с-с-своём доме, вот ты з-с-сдесь никто!

– Это мы ещё посмотрим – кто здесь никто! Крух! – Тычки участились и тут слух Матфея, который не испытывал охоты выйти на площадку, где в непроглядном мраке происходила схватка, уловил глухой и хрустящий удар, от которого змей взвизгнул, а ворон торжествующе и гордо каркнул. – Я прислужник. Вольный прислужник. Не смей больше подходить близко к этой двери, иначе следующий раз станет последним в твоей гадливой жизни, змея. Уясни себе это.

– Он вс-с-сё-таки выбрал тебя! – в ужасе прошипел Ксафан. – Ворона в доме – быть беде. Ворона в доме – быть беде!

– Это глупые предрассудки! Крух. И я не ворона. Какая безграмотность – путать ворона с вороной.

Более Ксафан не издал ни звука, очевидно, змей ретировался от греха подальше, а ворон с видом триумфатора, пыжась от одержанной победы, совсем как сельский петух в курятнике, чинно и грациозно прошествовал обратно в комнату, цокая длинными когтями.

– Ты его не убил? – шутливо заметил Матфей. – А то неудобно перед отцом будет. Его зверюга.

– Не стоит беспокоиться об этой змее, – небрежно сказал Гамаюн, вспорхнул и вновь вернулся в ложбину подушки. – Рана заживёт, а вот память останется. Впредь будет думать.

– У тебя тоже ранение, – запоздало спохватился Матфей, когда различил под шеей птицы ближе к груди в маслянистой черноте гладких перьев едва заметную ранку, из которой проступило несколько тёмных бусин крови.

– А, это. – В голосе Гамаюна засквозили усталость и раздражение, сдерживаемые зрелостью и выдержкой. – Вёрткая змея, ухватила меня и ещё пыталась задушить. Но куда ей до Гамаюна! Терпеть не могу этих гадов. Ещё раз застукаю эту тварь подслушивающей нас под дверью, клянусь – это станет последним днём в её жизни. Больше я терпеть этой наглости не намерен. Крух.

– Почему Ксафан сказал, что ворона к беде в доме? Что это значит? – спросил Матфей, осторожно стирая капли крови с груди ворона своей футболкой.

– Это всё чушь, суеверия... постой! Ты слышал всё, что сказала змея?! – оторопел Гамаюн и подскочил на подушке так высоко, что Матфей отпрянул в испуге. – Ты его *понял*?

– Ну да, а что в этом такого, – недоумённо ответил парень.

– Что в этом такого?! Он спрашивает, что такого в этом? О, Дьявол Вездесущий! – прокричал так зычно ворон, что у Матфея не осталось сомнений в том, что если после шумливого поединка в коридоре родители не проснулись, то теперь-то их сну настал конец.

– Тише, Гамаюн, тише! – теперь уже Матфей шипел на ворона, стараясь ухватить взволнованную донельзя птицу за ногу. – Ты всех разбудишь.

– Ладно, ладно, – ворон покорно плюхнулся обратно в пухлость подушки и тяжело дыша, покорился заботе Матфея, добавив тихим голосом, – только не думай, что наш союз даёт тебе право хватать меня за ноги, как какую-то индюшку.

– Извини, но ты так истошно орал, – растеряно отозвался союзник, вновь приложив к кровоточащей ранке чистый край футболки.

– Это не даёт тебе права, слышишь? Ты всё время упускаешь из памяти, что я вольный прислужник.

– Я понятия не имею, кто такие эти прислужники. И тем более, не понимаю, когда ты кичишься тем, что ты вольный, – рассержено, рывкнул Матфей и в досаде зашвырнул футболкой, точно метательным снарядом, об стену. Ни в чём неповинная одежда унылым комом провалилась в зазор меж кроватью и стеной, напоследок с укоризной мелькнув мятым краем.

– Не кипятись, молодой человек, – примирительным тоном прогундосил Гамаюн. – И до прислужников доберёмся. Сперва нам с тобой нужно разобраться насчёт того, что ты слышал сейчас в моей перепалке со змеем. Можешь в точности повторить слова этого вёрткого ужа?

– В точности не скажу, Ксафан тебя назвал, кажется, отродьем, – задумавшись, произнёс Матфей, – да, да, крылатым отродьем. Именно, крылатым отродьем.

– Довольно! – рявкнул ворон.

– А зачем тебе это? – поинтересовался Матфей. – И что всё-таки значит его: ворона в доме – быть беде?

– Дьявол Всезрящий! Не может быть! Только не со мной, – Гамаюн вскочил с насиженного места и, пробежавшись по скомканной поверхности одеяла, взмыл в воздух, но лишь для того, чтобы с размаху шмякнуться об крышку ноутбука.

– Что не так, Гамаюн? Ты чего? – Матфей с беспокойством следил за тем, как ворон вмиг включив компьютерное устройство, ошалело шпарит по кнопкам. – Что ты там ищешь?

Экран из светлого стал мутно-серым, а из динамика донёсся сонный и настороженный клёкот:

– Гамаюн, друг мой, ты знаешь который час?

– Без пяти минут утро, Рамар, и тебе уже пора приводить свои пёрышки в порядок после сна, – с трудом сдерживая волнение, прокаркал ворон.

– Что-то случилось, друг мой? – вчерашний облик сокола возник совсем близко от мутного экрана. – Ты крайне редко прибегаешь к экстренной связи, на моей памяти это пятый случай...

– Случилось, Рамар, да ещё как случилось! – ворон громким шёпотом прервал было начавшиеся воспоминания приятеля. – Ты ни за что не поверишь в это. Матфей, подойди сюда, я познакомлю тебя с моим давним другом.

Юноша переключался в кресло и, придвинув его ближе к столу, взгляделся в птицу, пялившуюся на него из монитора ноутбука. Сокол озадачено мотал головой, переводя взгляд блестящих и тёмных в полумраке своего жилища глаз с Гамаюна на незнакомца.

– Матфей, представляю тебе своего близкого друга и в своём роде, коллегу – именитого сокола-сапсана, Рамара Резвого, – откашлявшись, горделиво доложил Гамаюн. – Рамар, представляю тебе второго своего союзника – Матфея Катуня. Парень толковый, но сырой, как песок Чёрных Рифов. И да, вот, по какому поводу я тебя потревожил, Рамар, мой союзник – всеслух!

– Что? Всеслух? Ты не шутишь, друг мой? – замер на месте взгляд агатовых глаз сокола. – Это же легенда, сказка, вымысел так сказать.

– Мы с тобой живём в двух реальностях, друг мой. Там, где сказки – реальность, а реальность – вымысел. Так отчего ж и этой легенде не быть правдой? – Волнение всё-таки вырвалось наружу и сокрушило в момент хваленую невозмутимость ворона, он затрясся, а голос его наполнился сухим гулким треском, схожим с разрядом наэлектризованной поверхности.

– Хочешь сказать, что он...понимает меня? – растеряно выговорил Рамар. На секунду его глаза утратили блеск и помутнели, слившись с предрассветным маревом помещения.

– Понимаю, – ответил за ворона Матфей. – И ещё как.

– О, Творец Всемогущий! – возопил по ту сторону экрана сокол. – Не может быть! Не может быть!

– Тише ты, дуралей, своих разбудишь, – шикнул на Рамара ворон. – И творец твой здесь ни при чём.

– Гамаюн, друг мой, – взволновано заверещал сокол, – ты понимаешь, о чём идёт речь? Ты осознаёшь всю ответственность? Прости, но я вынужден прекратить наш сеанс связи в целях предосторожности. В ближайшие два дня не выходи на меня. И ещё раз, извини.

– Эй! Рамар! Рамар! – кричал Гамаюн, но силуэт сокола пропал с экрана, а мутный сумрак сменился слепящей глаза картинкой заставки.

– Удрал, – обречённо вздохнул ворон. – Хотя и я на его месте, скорее всего, испугался бы за свою шкуру и сбежал. Кстати, молодой человек, советую на будущее поменять картинку экрана на нечто менее яркое и не режущее глаза. У тебя ужасный вкус.

– Но-но, не хватало мне ещё получать советы от ворона, какие заставки устанавливать на ноутбуке, – сыронизировал Матфей. – А чего так испугался твой приятель?

– Не чего, а кого. Тебя, – пояснил Гамаюн. – Да и не за себя он всполошился, а за своего хозяина. Ведь угроза идёт не на прислужника.

– Что? Да скажи ты мне наконец-то, кто такие прислужники и что такое это, чем ты меня обозвал?

– С прислужниками всё просто, – нехотя произнес ворон. – Это группа животных, заключающих союз с демонами в их совершеннолетие. Служат демонам до конца смертной жизни. Я тебе книгу дам, там все подробности.

– Ты сказал о совершеннолети, это в двадцать два года?

– Совершенно верно.

– А группа животных, означает, что не все могут быть прислужниками и, стало быть, говорить, как ты или Рамар?

– О да, – кивнул Гамаюн.

– Уф-ф, ладно, ну, а что такое ты сказал обо мне Рамару, что он поджал хвост и слинял с сеанса связи? – взволнованно спросил Матфей, глядя в тревожные прозрачно-синие глаза союзника.

– Всеслух – это демон, который способен понимать речь всех имеющихся в природе прислужников и тех, кто способен ими стать, – мрачно выложил Гамаюн, явно недовольный этим знанием.

– Так что же в этом плохого-то? – удивился Матфей. – Это же круто – понимать, что говорят животные. Разве нет?

– О всеслухах известно крайне мало, – мрачно добавил Гамаюн. – Потому что из века в век их истребляли и стирали из анналов демонской памяти. Любое упоминание о них. Но кое-что всё-таки сохранилось.

– Но почему от них избавлялись?

– Очевидно потому, что они могли стать превосходными шпионами и узнать любой секрет, лишь переступив порог чьего-либо дома. За их головами охотилось братство праведников, но также они были полезны вурдалачьей группировке.

– Так вот почему родительские зверьки так всполошились вчера, когда я с ними заговорил, и не появлялись вечером в гостиной, – сделал вывод Матфей.

– Что?! Ты с ними говорил? И они в курсе, что ты их понимаешь? – встрепенулся ворон. – Так вот почему эта змея шпионит под дверь.

– Но что это даст Ксафану? – заволновался Матфей, ледяной взгляд птицы не сулил ничего хорошего.

– Да всё, что угодно, молодой человек, – угрюмо прохрипел ворон. – Он может заключить сделку с праведниками или с вурдалаками, чтобы спасти свою и хозяйскую шкуру. Ты думаешь, если те пронюхают о том, что в этом доме проживает всеслух, ничего не будет? О, нет! Даже не рассчитывай на спокойную жизнь. Кстати, родителям тоже сладко не будет. Как правило, зачищают всех, чтоб свидетелей не осталось.

– Что значит, зачищают?!

– То и значит, – буркнул в раздражении Гамаюн. – У нас ещё есть немного времени. Змей не стал доносить на тебя сразу, у него тоже мозгов хватает, чтобы сообразить, что к чему. Возможно, он что-то замышляет. Но пока он только выводывал, проверял догадки. Но скоро может перейти к действию. И как меня угораздило вляпаться в это? Второй день, а уже надо соображать, куда направлять крылья.

– погоди, ты сам меня выбрал, и ты больше меня знаешь обо всей этой бесовщине, – заметил Матфей. – Значит, ты в ответе за меня.

– Это и так ясно из нашего договора, молодой человек, – холодно ответил Гамаюн. – Но я не сказочный божок, который на щелчок пальцев заслонит тебя от любой опасности. Я лишь могу упреждать и оберегать твою жизнь в той мере, в какой это подвластно мне.

– А может, всё не так страшно? Может, ничего ужасного не случится? – предположил Матфей, хотя вид взъерошенного и обеспокоенного не на шутку ворона отвечал сам за себя.

– Ты забыл, что я тебе сказал? Крух! – негодуя каркнул ворон. – Упоминаний практически нет. Потому что на таких, как ты, охотились и истребляли.

– Но может быть, их нет потому, что они маскировались хорошо и потому о них никто ничего не знал, – с жаром возразил Матфей.

– Твой дар – это шило в мешке. Не утаить и не спрятать. И поверь, никто не станет тебе помогать, я тебе сказал – все следы вычищаются, а свидетели исчезают. Твой единственный шанс – кочевать, надолго не задерживаясь в одном месте и ни с кем близко не сходясь. Крух!

6. Ошибки и дурные предзнаменования

– Погоди, он так и сказал?! Вот это улёт! – восторженно взвизгнула Юна.

Юноша вопреки наставлениям Гамаюна – никому ничего не говорить об их союзе, тем более, о последней и как выяснилось, опасной подробности, касаемо самого Матфея, – не сумел устоять перед обаянием и лукавым взглядом вишнёвых глаз девушки. Всё произошло как-то сумбурно и само собой.

Вечером, после работы Матфей решил ненадолго заглянуть к Юне, так сказать, провести подругу. Он частенько так делал, благо на Тсугоевой улице, напротив дома приятельницы хоккейной шайбой мостился «Вижин-Март». Окна Юниного дома смотрели прямёхонько на лаймовый кругляш гипермаркета, и девушка не раз приветствовала приятеля, мило улыбаясь и зазывно взмахивая рукой в приветствии из своего жилища.

Матфею нравился дом семейства Дивия: добротный, из белого кирпича, сложенный в два приличных этажа с высоким практичным чердаком, обустроенным под жилую комнату. Юна жила на чердаке. На нижних этажах обитали мать с отцом, младшие братья-близнецы, Влад и Влас, а также бабушка и дедушка – родители матери.

Юна гордилась своей комнатой под крышей. Ещё бы, ведь это было её детище, на переделку которого ушло несколько месяцев. Широкое и вытянутое ввысь конусом пространство, с утеплённым небесно-голубым потолком и выкрашенными в белый матовый цвет наклонными стропилами и горизонтальными балками. Стены, наперекор старшим, девушка оббила гобеленовой тканью в светлых горчичных тонах, а дерево пола умастила толстым слоем терракотовой краски, отчего чердачный дух окончательно улетучился, уступив место комнатному уюту.

Вот и на этот раз, поймав в проёме нижнего окна улыбчивый взгляд Юны, Матфей свернул на асфальтовую дорожку, ведущую от ворот металлической ограды к дому из белого кирпича. «Наш терем» – так ласково называло старшее поколение Дивия своё жилище, – занимал скромный участок Горницкой земли. К нему примыкал простецкий и крошечный, на взгляд Матфея, сад, состоявший из девяти старых яблонь с рачительно проложенными среди них высокими грядками под цветы и зелень. Меж этих незатейливых холмиков тропинки узкими змейками юрко водили туда-сюда, имея больше сходства с мышиным лабиринтом, нежели с путями.

Но самой большой загадкой двора была одноэтажная копия «терема», выстроенная всё из того же белого кирпича, по размерам же близкая к малому сарайчику. Эта постройка примыкала сбоку к дому и имела несколько оконцев, ну точь-в-точь, как старший родственник. Даже крыша меньшого двойника повторяла покатую форму «терема». Но это было ещё не всё, дело в том, что мини-здание было обитаемо и населяли его животные, домашние питомцы старших членов семейства. Четыре зверька: рыжий кот, пятнистая кошка, не принесшая за всю

жизнь потомства, дряхлый песок и даже игуана. За каждым четвероногим домочадцем числилась персональная комната с удобствами и привилегиями. Никому, кроме домашних, не дозволялось заходить в этот домик. И Матфей, единожды послушавшись и поддавшись искушению, был наказан – его сильно укусил за ногу кот, очевидно, главный охранник звериной обители. Это надолго отворотило всё имевшееся в арсенале Матфея любопытство от мини-терема.

Юна по обыкновению заварила душистый чай, настоянный на садовых травах. К дымящемуся в большой синей кружке напитку прилагались не менее внушительные бутерброды с сыром и ветчиной. Матфей с наслаждением вкушал угощение и в тысячный раз его взгляд блуждал по узорам стен чердака-комнаты и гляncy пола. Особенно его радовали три малых коврика с пушистым длинным ворсом. Эти подножные островки бело-голубого цвета хаотично пестрели на терракотовых половицах, и Матфею всякий раз казалось, что под ногами не чердачный пол, а закатное небо, а махровая тройка – облака на нём. Нежные, воздушные и легчайшие. Юна выкроила их из цельного прямоугольника, придав волнистую форму.

– Вот это да... говорящий ворон... кто бы мог подумать. А поверить? – наверное, в пятый раз восхищённо проговорила девушка.

– Тише, Ласточка, – Матфей попытался упредить дальнейшую восторженность подруги, указав на распахнутый зев чердачного люка.

Кстати, люк также был дополнительной гордостью Юны. Ведь во всех комнатах дома двери располагались вертикально, собственно, как и положено в домах, и лишь в её комнате дверка не стояла, а лежала под ногами. Что ни говори – во всех отношениях уникальное помещение. «Они мне завидуют», – частенько усмехаясь, повторяла девушка, намекая на младших братьев, – «у них-то всё обычное, не то, что у меня».

– Да их нет дома, – заверила Юна приятеля. – Влас потащил Влада куда-то за город. Там какие-то сборы у школяров.

– Кроме них, полно людей в доме, – шутливо напомнил Матфей.

– Бабуля и дедуля... да они редко поднимаются на второй этаж, так что не тревожься, – сказала она и, вспомнив, добавила. – А родителей пока нет. Иначе бы мы услышали их.

– Просто я обещал Гам... другу, что никому не скажу. А выходит, что я вроде как не выполнил обещание, – замаявшись, промямлил юноша.

– Ты говоришь о вороне? Ведь ему ты дал слово? – спросила Юна, её монгольские глаза, наполненные живейшим интересом, обжигали Матфея до самого нутра.

– Ну, да, о нём. Обещал я ему.

Юна, не признававшая ограничения в чём-либо, и в одежде уважала простоту и свободу. Дома она носила объёмные свитера, мягкие фланелевые штанишки и, конечно, футболки. К этому виду одежды она питала особую, трепетную привязанность. Матфей знал, что футбольковую страсть подруга переняла от отца, бывшего школьного учителя физкультуры, а ныне – тренера в частном спортивном клубе. Юна покупала исключительно мужские футболки на два-три размера больше и носила их с трикотажными штанами или с лосинами, которые сидели на её стройных ножках идеально. Но особым шиком, по мнению Матфея, был тонкий чёрный пояс, которым девушка подпоясывала необъятные футбольные просторы, преобразовывая верх одежды в стильную тунику или мини-платье. Что, конечно же, ей чертовски шло.

– Да ладно тебе, Фей, не переживай, мне же можно, – подбодрила его Юна и по-дружески ткнулась плечом о его плечо. И сегодня на девушке сидела длиннющая, почти до колен футболка цвета фуксии с широченным и довольно-таки глубоким вырезом. – Я никому не скажу, даже Нилу.

– Это серьёзно, – улыбнулся Матфей «вескому» аргументу и коротко рассмеялся.

Взглядом он поймал прямоугольник единственного в этой обители окна, одна из створок была на четверть открыта. Юна одинаково любила тепло и холод, но только не тогда, когда баланс нарушался в пользу одного из них. Она частенько проветривала комнату, развеивая

жаркую духоту, нагнетаемую змеевиком подоконной батареи, равно как и в особо ветреные и студёные деньки, обкладывалась пледом и подушками, затыкая окно ватой.

– Слушай! – воскликнула тут же она в озарении. – Ты сказал, что он тебе какие-то книги странные дал почитать?

– Да, там про таких как он, и ещё кого-то. Уже не помню.

– Фей, будь другом, покажи мне эти книги, – умоляюще произнесла Юна, для вящей убедительности ласково ухватив приятеля за руку. – Ты же знаешь, я страсть, как люблю книжную братию. А у тебя там есть книга, которой больше ста лет. Представляешь, какой раритет тебе доверили на хранение?!

Безграничный энтузиазм Юны мог сравниться лишь с её одержимостью книгами. Даже чердачная комнатка каким-то чудом вмещала в себя три высоченных шкафа, под завязку набитых книгами различных авторов. Разнокалиберные цветастые корешки, выстроенные строгими армейскими шеренгами, бравыми солдатами торжественно взирали из-за стекла шкафных дверок, перечитанные не единожды и жаждущие своими историями ринуться в бой по велению императрицы.

Среди трёх книжных великанов стояла квадратная пышка-тумба, служившая журнальным столиком, комодом и трюмо. В обители Юны все вещи казались Матфею нужными и родившимися вместе с самой комнатой. Но сердцем этого жилища он считал небольшую тахту с пригоршней мягких диванных подушек, заботливо укрытую лиловым флисом пледа. Именно на этом острове покоя он столько раз находил приют после гнетущих рабочих будней. А сколько чая и какао было выпито за разговорами на этой оттоманке! Юна не использовала тахту в качестве постели, её маленькая кровать была задвинута в дальний угол и огорожена ширмой от лишних глаз.

– Ну, наверное, можно, – уклончиво проговорил Матфей. – Только Гамаюн обещал вечером залететь. Нехорошо будет, если он тебя застанет при листании своих же книжек.

– А я ненадолго, всего на десять минуточек, – сладко промурлыкала Юна. – Ну, Фей, пожалуйста, пошли.

И как тут откажешь, когда на тебя подобострастно взирают самые прекрасные глаза в обрамлении тёмного бархата ресниц, когда томный и приглушённый голосок проникает в самое твоё сердце, а тонкие крохотные пальчики нежно поглаживают кожу твоей руки – и от всей этой суммарности ощущений голова туманится, а тело порождает дрожь! Вот и Матфей не смог устоять и поддался уговору подруги.

Наскоро допив чай, они спешно покинули Юнину обитель, и в очередной раз молодой человек, преодолевая лаз в полу, не устоял от искушения сравнить бывший чердак с каютой некоего фантастического пиратского корабля, а распахнутую настежь напольную дверку с уводящими вниз деревянными ступеньками – с трюмом, набитом таинственными и неведомыми сокровищами.

Как только Юна и её гость достигли нижнего этажа, размытая птичья тень мельком зацепила оконный проём девичьей спальни, а в неприкрытую по рассеянности хозяйки створку влетело короткое и сухое, как треск сучьев в костре, карканье.

Дома у себя в комнате Матфей не мог отделаться от противоречивости ощущений. Он редко приглашал Юну в свою комнату, хотя каждый день болтал с ней по телефону, и девушка частенько сживалась в просторной и гостеприимной гостиной Катуней за чашкой чая или кофе. Была сущая разница между его и её обителями. У неё в гостях юноше находиться было сродни чему-то естественному и близкому, словно он оказывался в щедро распахнутых для объятий руках, в то время как его жилище напоминало больше берлогу заядлого одиночки, где не было места гостям, а атмосфера жила лишь снами хозяина.

Юна с жадностью накинута на незнакомые издания, которые Матфей предусмотрительно зарыл под пухлым весом подушки и одеяла. Дабы скорее и полнее закрасить пробелы, Гамаюн снабдил союзника ещё тремя книгами с названиями не менее таинственными и притягательными, как у первой книги.

– Как интересно, как странно, – повторяла гостя, беря в руки то один, то другой экземпляр. – Действительно, старые книги. Я полистаю их, Фей?

– А? Да, только недолго, – рассеяно отозвался он. Его взгляд блуждал по стенам комнаты и вновь отмечал скупость и безликость, пробуждая неловкость и недовольство собой.

– «Демоны и Людины. Крах Племена Творца». «Мракобесные создания», – Юна негромко читала названия обложек. – Фей, Фей, смотри, тут есть «Вирийские сказки»!

– Я их не читал, не успел, – сказал он, вернувшийся в реальность своей спальни её взволнованным голосом. – Наверное, интересные.

– А ещё «Дьявольские твари. Самый полный перечень тех, кто годится в прислужники». – Глаза её потемнели и заметно округлились, когда очередь дошла до последней книги, она звонко присвистнула. – Слушай, так ведь я могу по этой книге подыскать себе помощника, как у родителей. Это же клёво. Как думаешь?

– Наверное, но Гамаюн сказал, что не хозяин подыскивает себе прислужника, а как раз, наоборот, прислужник сам находит себе хозяина.

– Но если я буду знать, кого хочу себе в услужение, то не проще ли заранее выбрать этого кого-то? – Эта мысль так поразила и заняла Юну, что она тут же позабыла о других талмудах, возлежавших подле неё. – Фей, можно я одолжу эту книжку на одну ночь? Всего одна ночь и завтра я её тебе отдам. Могу утром зайти к тебе на работу.

– Я бы с радостью, Ласточка, но я обещал ворону никому не только не давать книг, но даже упоминать о них, – ответил Матфей, стараясь придать голосу твёрдости и не размякнуть, как пластилин, под взглядом её невинно-лукавых глаз.

– А ты отвлеки его на остальные книги, он и не заметит, что этой книжки не хватает, – подсказала Юнина находчивость.

– Прости, Ласточка, но я обещал, – выдохнув, Матфей вынес окончательный вердикт. Его глаза буравили отчаянием и бессилием витиеватый узор ковра под ногами. Вот бы стать крошечным и затеряться в лабиринте тёмно-синих линий, только бы не стоять на перепутье долга и желания.

– Жаль, – вздохнула Юна, но её милое круглое личико не омрачилось сожалением. – Ладно, совсем скоро я узнаю, с кем буду водить дружбу до конца дней своих. До февраля всего ничего.

– Ага, совсем немного, – с облегчением кивнул Матфей. Бескрайний оптимизм подруги в затруднительных ситуациях всякий раз поражал и придавал в его глазах Юне некий ореол сверхчеловека.

Стук в окно вернул Матфея в реальность, и он торопливо сопроводив гостью на нижний этаж и наскоро распрощавшись с нею у входной двери, помчался вверх по лестнице, перебежывая ступеньки. Как хорошо, что Юна всегда всё понимала и не обижалась. Это частично снимало с него груз вины перед ней, но всё же уши полыхали жаром от её ласкового: «Конечно, понимаю. Всё нормально, Фей». Он чувствовал себя жутким эгоистом и неотёсанным грубияном.

– Добрый вечер, молодой человек, – приветственно каркнул Гамаюн, скользнув тенью в открывшееся перед ним окно. – Не больно-то ты торопишься меня впустить.

– Меня не было в комнате, – наспех соврал Матфей.

– Ну-ну, выпроваживал свою подружку, чтоб я её не застал с тобою, – язвительно сказал ворон.

– С чего ты взял, что у меня кто-то был?

– Я видел её, видел, как она торопливо прошла от парадной двери, но после у калитки остановилась, замерла и обернулась, – ровным глухим голосом произнёс Гамаюн. – Глаза у неё блестели, и кажется она что-то говорила, – я не расслышал, был далёк от того местечка, видно было только, как размыкаются и смыкаются её уста.

Юноша сразу сник. Только не хватало, чтобы из-за него, вернее из-за его, Матфеевой необходимости, был обижен его друг, точнее подруга. Да за это в аду сгореть мало.

Гамаюн замолчал и с неподдельным интересом уставился на маленькую горку книг в центре кровати. Ворон подобрался ближе, чтобы рассмотреть корешки, узнал манускрипты и жадно втянул воздух. Со стороны казалось, будто птица обнюхивает книги, как поисковая собака, с целью взять чей-то след.

– Не может быть! Ты – первостепеннейший кретин! – взвыл Гамаюн, его синие глаза потемнели от гнева и стали черны как ночь. – Глупец непробиваемый! Болван, балбес, простофиля! Ты показал ей книги, а ведь я тебя просил!

– Извини, – пискнул голос Матфея.

Таким злющим и ершистым ворона юноша ещё не видел. И когда Гамаюн пошёл на него, угрожающе щёлкая клювом и растопырив в стороны крылья так, будто не перья были в конечностях тех, а кинжалы, поблёскивавшие в свете бра чёрной синевой, Матфей невольно отступил и стал суетливо озираться по сторонам в поисках какой-нибудь защиты от разъярённого союзника.

– О нет! – пронзительно верещал Гамаюн. – Дьявол Всезрящий! Ты злосчастье на мою голову! Ты ей всё рассказал! Ты выболтал девчонке о том, о чём должен был молчать!

Глаза ворона и без того большие и чёрные округлились ещё сильнее от новой догадки и окрасились непроглядным мраком. Издав немыслимый гортанный клич, птица накинута на растерявшегося в конец Матфея и со всего маху вонзила крючковатые когти в левое бедро опешившего парня. Какими бы плотными ни были джинсы, спасти от острых и длинных когтей ворона они не могли.

– Прекрати! Отпусти меня! Отпусти! – взвыл от страха перед пернатым демоном Матфей.

Он отчаянно затряс ногой и попытался руками сбить бесноватую птицу, но ворон соскользнув вниз, уцепился на голени и, улучив момент, сильно долбанул клювом Матфея в стопу.

– А-а-а, прекрати! Больно же! – вскрикнул от боли юноша.

Вероятно, удовлетворившись наказанием, Гамаюн выпустил из цепкой хватки потрёпанную штанину и вернулся к горке книг, где всё равно не смог найти покоя и принялся нервно расхаживать по волнистому покрову одеяла. Сняв пострадавшие от вороновых когтей джинсы, Матфей осмотрел ногу: несколько мелких, но глубоких царапин на бедре и голени, а на стопе кровоточила крохотная ранка. Опасаясь ещё одного приступа гнева со стороны прислужника, молодой человек предпочёл занять место подальше от кровати, удовлетворившись креслом за столом.

– Как ты мог? Как ты мог? – причитая, вопрошал Гамаюн. Весь пыл уже сбежал с него, будто то была не горячность, а обыкновенная вода. – Ты же не только себя, ты и меня подвёл. И какой из меня теперь союзник? Какой из меня защитник и советчик? Я же теперь стану посмешищем. Гамаюн Безнадёжный – вот как меня будут звать. Решился за триста лет взять себе в союзники демона, подвизался, хорош ничего не скажешь. Мало того, что балбес, так ещё и всеслух – наказание любому. Но и этого мало. Нужно было всё испортить и нарушить самые элементарные правила безопасности.

– Прости, Гамаюн, – отозвался Матфей; несмотря на учинённую трёпку, он не думал держать обиду, сочтя наказание заслуженным, хоть и чересчур жестоким. Ему было стыдно. – Я даже не знаю, как всё это вышло.

– Зато я знаю, – каркнул Гамаюн. – Это всё твоя юношеская увлечённость этой особой.

– Она мой друг, – попытался оправдаться Матфей, но почувствовал, как кровью наливается кожа щёк, а голос предаёт дрожью. – Старый друг.

– Ага, такой же друг, как Папа Римский – родной отец, – едко подметил ворон.

– Она никому не скажет, я уверен в ней, – пылко заверил его юноша.

– А я вот не уверен. Ни в ней, ни в тебе, – в сердцах буркнул Гамаюн. – Баста! Чтоб я ещё с кем-то подвизался договор подписывать. Старый дурак!

– И что, ты от меня откажешься? – насторожено спросил Матфей.

– Если бы всё было так просто, – неожиданно тихо и грустно вымолвил ворон, глаза его вновь вернули себе прежнюю прозрачную синеву. – Придётся мучиться с тобой, балбесом, пока кто-то из нас не покинет этот мир. И судя по тому, как развиваются события, этот кто-то – будешь ты.

– Неужели всё так плохо? И нет мне прощения? – Матфей встал из-за стола и, подойдя к кровати, уселся на краешек. Он не боялся ворона. – А я тебе сушёной рыбки припрятал. Думал, вместе поедем, когда заглянешь.

– Ох, и подлиза ты, – каркнул Гамаюн, но взгляд его потеплел. – Если я буду держать обиду, то промучаюсь с тобою долго ли, мало ли, как знать. Какой в этом прок? К тому же урок ты уяснил. Я надеюсь.

– Приложил ты меня основательно, – согласился Матфей. – Но! Всё по делу. А, насчёт Юны не волнуйся, она наш человек, не сдаст и не проболтается. Я ручаюсь за неё.

– Я всё равно уже ничего не могу исправить, – сказал Гамаюн. – Свои мозги не вставишь в чужую голову. Остаётся – надеяться на дьявольскую удачу. Где там у тебя рыбка? Я проголодался жутко.

– Ещё бы не проголодаться! Ты как разъярённый леопард напал на мою ногу, – насмешливо заметил Матфей. – Думал, без ноги меня оставишь.

– Приношу свои извинения, молодой человек, – ничуть не стусевавшись, произнёс Гамаюн, но закрыв притом глаза. – Такое со мной происходит впервые. Признаться, мне неловко за своё поведение. Обещаю, что подобное не повторится.

– Да ничего, я сам виноват, – улыбнулся Матфей. – А ты здорово дерёшься. Повезло мне с союзником.

Через полчаса расправившись с остатками корюшки, ворон удовлетворённо каркнул и прошёлся клювом по внушительной, сухой как бумага горке рыбьей шелухи, дабы убедиться, что под чешуйчатой кучкой мусора не завалилось ни кусочка лакомства.

– Так значит то, что я с детства слышу определённые звуки в доме – это неспроста? – спросил Матфей, дожёвывая рыбий хвост. – А мне никто не верил. Решили, что я всё выдумывал. Списывали на мою необузданную фантазию. Наверное, психом меня считали.

Он приставил замасленный палец к виску и, покрутив им, высунул язык для пушного эффекта. Но тут припомнив кое-что, юноша задумчиво добавил:

– Хотя... раз ты говоришь, что об этом нельзя ни с кем говорить, то они не могли мне просто объяснить...

– Ерунда всё это, – отмахнулся крылом Гамаюн. – Хорошо, времена другие. Раньше за подобное могли и убить. Что, в принципе, и происходило. – И вдруг зашёлся сухим скрипучим смешком. – А, может, это хорёк со змеем были теми самыми звуками? А ты по наивности до этого не додумался, или по недалёкости.

– Не думаю, – ответил Матфей, сворачивая газету с рыбьими ошмётками в бело-серый ком. – Хотя, в прочем теперь некоторые сомнения прибавились к моим подозрениям.

– Юноша, – официальный тон вернулся в скрипучую речь ворона, – я буду безмерно благодарен тебе, если ты будешь дорожить книгами, данными мною, и беречь их аки зеницу дьявольского ока. Им нужен тайник. Надёжное укрытие. Ты понимаешь?

– Я ещё не придумал, куда их спрятать. – Матфей с сомнением оглядел неприхотливое убранство комнаты. – Пока держу их под подушкой.

– Это крайне неосмотрительно. Ещё столетие назад за подобное разгильдяйство в Вирии тебя бы приговорили к бичеванию плетью.

– А что такое Вирия?

Новое и в тоже время смутно знакомое, это слово, за которым крылось нечто огромное, – Матфей это почувствовал, – вспыхнуло алым цветом в сознании юноши и вмиг разожгло костёр любопытства.

– Кажется, мне попадалось это название в той книге о демонах.

– Попадалось! – сокрушённо каркнул Гамаюн. – Это ты попался мне на жизненном пути, а название одной из величайших стран Терриуса могло повстречаться с тобой, недотёпой, на страницах труда Луки Заокского. Впрочем, и в остальных манускриптах всё тесно переплетено с Вирией и не только с нею. Но как я догадываюсь, ни к одной другой книге ты не приступал.

– Да я просто не успел, Гамаюн, – возразил Матфей, раскладывая перед собой в один ряд вороны книги.

– У тебя на всё будет один ответ? «Я не успел, я не успел», – передразнил Гамаюн союзника, в точности имитируя его голос и интонацию. – Ты должен уяснить, что сейчас первостепенно твоё обучение и безопасность. Я из перьев вон лезу, соображая, как сделать так, чтобы до праведников и вурдалаков не доползли слухи о тебе, а ты сам напрашиваешься на randevu со сковородой. Идёшь к девице и в открытую выкладываешь ей всё. Крух!

– Ну, сколько раз мне ещё нужно извиниться, чтобы ты прекратил меня пилить за это?

– Я принял твоё извинение ещё полчаса назад, – ответил Гамаюн. – Но ты понял лишь часть моего увещевания. Всё, что происходит – кажется тебе некой безобидной игрой без последствий. Как салки. Только вот, боюсь, что когда ты действительно всё поймёшь и захочешь следовать моим советам – будет поздно. Тебя осалят.

– Расскажи о Вирии, – Матфей решил сменить курс разговора, переведя стрелку на занимавшую его мысль.

Ворон мельком бросил взгляд на лежавшие в одну линию книжные издания с причудливыми названиями и протрещал:

– Ну, да, этой книги я тебе не дал, решил приберечь напоследок. Как в воду глядел, иначе бы ты и её показал той девчонке.

– Что это за книга? – поинтересовался Матфей, с трудом переборов упрямое, растущее желание потребовать от птицы впредь не называть Юну «девицей» или «девчонкой».

Гамаюн величественно распростёр в стороны веера-крылья, и на холмистый покров постели упал новый фолиант, образовавшийся из тени сине-чёрных перьев и несущий отпечаток мрака на кожаном переплёте. Золотой теснённой филигранью по чёрной замше было выведено: «Слово о Террии и землях покрывающих её». Автором значился Позвизд Строптивый, сын некого Рогволода Дулебского.

Матфей с особым трепетом коснулся бархатистой поверхности корешка. Было заметно, что книгу частенько брали в руки или лапы, – если судить, что основным хозяином манускрипта была птица, – уголки обложки стёрлись до лоснящихся залысин, а края и сердцевина промялись под многократными приложениями пальцев. Но, тем не менее, уцелевшие островки кожи несли в себе неповторимую мягкость и будоражащую сознание таинственность, пробуждая незнакомое доселе волнение перед сокрытой загадкой.

– Что это? – Этими двумя словами ему захотелось вобрать всю суть тайны, дремавшей до встречи с ним под тёмным бархатом ночи.

– Я рассчитывал, что ты самостоятельно узнаешь об этом из книги, – произнёс Гамаюн. Он поймал взволнованный взгляд светло-зелёных глаз. Настойчивый, призывный взгляд.

– Расскажи сейчас, а почитать я всегда успею.

– Это сокровище старше меня, молодой человек, – назидательно изрёк Гамаюн. Он любовно провёл кончиком крыла по прямоугольнику тёмной замши. – Писана она собственноручно опальным княжичем Позвиздом, прозванным в народе Строптивым. Отец писаря, князь Рогволод, правил Дулебами – крупнейшим вирийским городом, вторым после столицы Арконы. А относится написание манускрипта к пятнадцатому столетию по известному тебе летоисчислению. Но верным было и остаётся исчисление лет от Времён Трёх Солнц. И если быть точным, то Лето 603920 от Времени Трёх Солнц и есть точная дата писания этого ценнейшего труда.

– Ну, летоисчислением меня не удивишь. У всех народов оно было разным, а некоторые и до сих пор живут по стародавнему календарю. Лучше скажи, кто таков этот опальный писарь и за что его так обозвали?

– Этот княжич жил на закате средневековья, – охотно продолжил Гамаюн. – Нравы по ту пору были не самые спокойные и благодушные и, тем более, не демократичные. Как ты помнишь, я не раз повторял тебе, вслух: о том, что ты демон, говорить никому нельзя. Ну, так вот, а Позвизд, мало того, что осмелился сказать, он написал целый труд о планете, странах и даже карту создал, что по тем временам было приравнено революции. Конечно, о землях и тому подобном все знали, но в открытую не говорили и тем более не писали. Итогом отец отрёкся от сына, объявил его врагом государства и даже приговорил к смертной казни. К счастью для нас и самого Позвизда, он избежал ужасной участи и, удрав из Дулеб, нашёл себе пристанище в одном из монастырей Агнишандира, восточной страны-соседки Вирии. Там он и окончил свои дни в весьма преклонных годах, как гласит летопись.

– погоди, а эти самые Вирия и Агни-как-там-его, это старые названия нынешних государств? – вновь перебил повествование ворона Матфей.

– Агнишандир, молодой человек, – терпеливо поправил собеседника Гамаюн. – В конце книги есть подробнейшая карта Терриуса. Настоятельно советую ознакомиться с её содержанием.

– Но ты не ответил! – пропустив назидание ворона, нетерпеливо и достаточно громко сказал юноша.

– Это не старинные названия. Это истинные названия. Истина в том, молодой человек, – ворон трескуче прокашлялся и продолжил, – что в одно и то же время существует две реальности – две планеты. Одну ты знаешь – это родная тебе Земля-Терра. Но есть и Терриус, в древности имевший несколько имен, одно из которых Террия. Терриус полон интересных земель с незнакомыми ещё тебе государствами и неведомыми тварями, о которых ты узнаешь.

– Но почему *я не вижу* всего этого? – спросил Матфей, его голос дрожал от захлёстывавшего волнения, а кожа щёк полыхала кровью, хотя сам он того не ощущал.

– Ты *не видел* потому, что спал. Ты был Спящим, но я пробудил тебя от сна неведения, – спокойно и невозмутимо пояснил пернатый союзник. – Так со всеми. Кто спит, видит лишь одну реальность, но кто проснётся, для того наступает реальность другая. С момента подписания нашего договора твоя Земля-Терра, до поры заслоняя от тебя настоящую истину, канула в бытие, она рассыпалась осколками. И теперь тебе ничто не будет мешать видеть правду.

– То есть, мои друзья, что младше, будут видеть всё не так, как я? Ты это хочешь сказать? – взволновался ещё сильнее Матфей. – Москва, Токио, Манхэттен – всё это больше никогда не будет существовать для меня?

– По сути да, – коротко кивнул Гамаюн. – Но не стоит жалеть, Матфей, зато ты откроешь и узнаешь Аркону, Тебаи, Кошиву и многое другое. Поверь, мир не оскудеет для тебя. Он по-прежнему велик и многогранен.

– Но как же так? Я не понимаю, как одновременно могут сосуществовать в одной плоскости два мира? Две планеты? Страны? Как одни видят одно и живут в этом, а другие в другом и в тоже время бок о бок? Я не понимаю!

– Ты поймёшь, Матфей, поверь мне, поймёшь и примешь этот факт, как само разумеющееся, – сухой голос ворона, как мог, пытался утешить взбунтовавшееся сознание Матфея. – Переваришь и примешь. А теперь мне пора, пока совсем не стемнело.

Гамаюн нырнул в сизо-жёлтые сумерки, оставив потрясённого союзника в застывшем состоянии над древним фолиантом переваривать новую пищу открытий. Ни ворон, ни тем более Матфей, не видели, как в растущей тени змеевидных корней клёна сверкнули два золотистых огонька. Спустя минуту большой пушистый кот дымчатым облаком вылез из корневого укрытия и не спеша, с присущей только кошачьему роду грацией, прошествовал к лысым зарослям чёрной смородины, войдя в неприметный с виду лаз.

Спустя ещё час на окраине Горниц, где-то у границы Калиновой пустоши, высокий худощавый незнакомец в длинном кожаном плаще медленно расхаживал взад-вперёд, скрестив на груди руки. В сторонке на перепрелой листве терпеливо сидел громадный зверь, наполовину волк – наполовину пёс, его глаза в таявшем вечере обрели оттенок кобальта, а густой мех окрасился чёрно-коричневым. Хозяин зверюги остановился и в очередной раз взгляделся в сторону города, черты его лица скрадывала сгущавшаяся темень, лишь длинные до плеч волосы рваными прядками чернели ярче подступавшей ночи.

Но вот мужчина что-то различил вдалеке, его тело напряглось, а руки высвободились и опустились, что послужило сигналом волчьему псу. Зверь тут же оказался подле господина, голову доходя тому до груди. То, что разглядел зоркий взор незнакомца, обрело форму крошечной точки, которая быстро увеличивалась и вскоре приняла форму летевшей на всех парах птицы.

Ещё несколько минут и на ближайший куст калины опустилась галка, которая в потёмках могла сойти и за юного ворона. Глаза птицы чернели матовой пустотой, но на человека в плаще это не произвело впечатления.

– Итак, что она выяснила? – обратился хозяин к псу мягким бархатистым голосом.

Полуволк-полупёс выдал краткий залп из рыка, тьяканья и воя. В ответ галка разразилась длиннющим клекочущим стрекотом. Когда птица закончила, четвероногий слуга обратил свою громадину-голову к господину и глухо прорычал. Хозяин вновь скрестил руки, внимая прислужнику.

– Значит, мальчишка, – наконец вымолвил он, когда зверь смолк. На сей раз голос его звучал жёстко и сухо, но с нотками возбуждённости. Мужчина смотрел птице в глаза, обращаясь напрямик, – слушай меня внимательно, Маркара, слушай и запоминай каждое моё слово. Надо хорошенько проследить за ним и проверить. Мне не нужна пустышка. Пусть местные не спускают с парня и его прислужника глаз. И чтоб тихо: не хватало ещё чёртовых праведников зацепить хвостом, уж я знаю, как шумны и приметны могут быть галки. Нам ни к чему конкуренция. Ничего не перепутай! Если только это правда, если он тот, кого мы давно ищем, то...

Осторожность вернулась к незнакомцу, совладав с захватившим его волнением, он вновь стоял прямой точёной статуей в холодевшей ночи. Галка кратко проскрипела в ответ.

– Расплатись с ней, Волкодлак, – небрежно и холодно кинул в сторону союзника господин, тут же повернувшись спиной к галке, и без промедлений направился в гущу Калиновой пустоши.

Волчий пёс подбежал к месту, где восседал ранее, порывшись лапами, он вытащил из листьев круглый, размером с футбольный мяч тряпичный куль. Ухватив его зубами, Волкодлак понёс в сторону ожидавшей платы галки. Донышко мешка сильно пропиталось чем-то, что было упаковано внутрь, и тёмные капли тяжело падали на землю, оставляя чернильные следы на лиственной подстилке. У куста зверь бросил ношу; его ноздри расширились, едкий запах перепачканной ткани дразнил обоняние. Но сделка есть сделка, с трудом совладав с собою,

полуволок-полупёс отпрянул от таинственного куля и, рыкнув напоследок, проследовал за господином в чащу калиновых дебрей.

Галка не стала терять время даром, посчитав разумным скорёхонько сцапать коготками добычу и направить крылья подальше от этого места. Глаз нужно держать востро, а с этими типами ещё зорче.

Когда птица набрала высоту, луна выбралась на вершину ночного неба. В слабом, рассеянном свете небес влажное донышко таинственной ноши в птичьих лапках отливало тёмным рубином, а крошечные капли, сочившиеся сквозь полотно и срывавшиеся вниз, вспыхивали алыми бриллиантами.

7. Встреча ценою в жизнь

Слово о Террии и прочих землях читалось невыносимо тяжело. Почти невозможно. Язык, которым была написана книга, только отчасти был схож с тем, на котором говорил и читал Матфей.

– Не мудрено, что люди начинают пить, курить и колоться, яростно впихивая в себя гадость, только б не сойти с ума от действительности.

Юноша, наверное, и рад бы был закурить: «мозги закипали», а голова если ещё и не шла кругом, то обещала вскорости устроить лихую круговерт. Но подобную «гадость» не уважал, хоть и считал, что другие вправе дымить сколь угодно, если им от этого легче жить. Ни в доме Катуней, ни в дружеском кругу Матфея курение не приветствовалось, считаясь одной из основных слабостей общества. А когда попадаешь под одну-другую слабину, становишься уязвим, и уже не замечаешь, как в один прекрасный день остаётся тень тебя самого, пародия на тебя первоизданного.

Промурывив с полчаса пару страниц манускрипта, молодой человек сдался и решил предоставить все дальнейшие пояснения ворону. Он заглянул в конец книги и выудил из последних страничек аккуратно сложенный вчетверо, жёлто-коричневый от столетий веков лист плотной бумаги. Развернул. Карта мира планеты Терриус – так значился снизу рисунок, выполненный вручную и раскрашенный цветными красками. Едва глянув, Матфей подумал, что это чей-то нелепый розыгрыш, ребячливая шалость. По его размышлению, если бы это была настоящая карта сущего мира, то выглядела бы она, как все старинные карты древности – с изображением диковинных тварей и написанием названий стран, морей и городов языком архаики. И уж, скорее всего, стародавний чертёж был бы нанесён не на простую бумагу стандартного формата, а на тонко выделанный пергамент, который не складывался бы варварски, а сворачивался узким свитком и хранился в узорчатом футляре-тубусе.

Всех этих пунктов «правдоподобности» не было, и Матфей в который раз за ушедшие после дня рождения дни задумался о серьёзности всего творившегося вокруг него. Как и уверял Гамаюн, Терриус действительно изобиловал материками со странами, чьи экзотические названия представлялись частью какой-то иной вселенной, придуманной кем-то в шутку или всерьёз. Матфей даже уловил некое сходство Терриуса с Землёй. В обоих случаях планета на карте была поделена на два полушария, для удобства её изучения. На первый взгляд даже казалось, что и земли расположены одинаково в обеих плоскостях, и даже были океаны и моря с островами. Но после первого ощущения, неотступно росло второе – интригующее и твёрдое. Никаких сходств не было и нет. Это была абсолютно другая, незнакомая планета с неизвестными землями и водами, и чёрт знает, как в ней жить.

Состояние невыносимой духоты, ставшей за последнее время частой гостьей его комнаты, вынудило юношу покинуть постель и, плотнее обернувшись одеялом, открыть настежь окно. Матфей обожал сидеть на подоконнике ночью, когда дом спал, и неважно, какое время года было за окном его спальни, главным было его настроение. Ночные посиделки не были

частыми и носили случайный характер. Они нужны были, чтоб перевести дух и поймать искру веры, когда жизнь изнашивалась от тревог, суеты и других неприятных мелочей.

Он взобрался на подоконник и ещё сильнее укутался покрывалом, оставив неприкрытым лицо. Мороз ночного октября бодрил и гнал из головы лихие мысли, воздух пьянил осенней свежестью, пропитанной предвестием грядущей зимы. И Матфей вдруг отчётливо и ясно понял одно, истина лежала на ладони: самое большое заблуждение – считать, что ты можешь всё и вся контролировать, когда только тебе заблагорассудится. Как только эта наивная мысль даёт корешки, прорастая в глупую самоуверенность, именно тогда тебе преподается болезненный урок. И это лучшее лекарство, какое для тебя могла придумать жизнь.

И ему стало отчего-то хорошо от этого осознания. Он окинул взглядом клён – ночью мрачный многорукий великан – и устремил видение ввысь, к небу. Оно было чисто и невинно, незапятнанно спящими облаками и росчерками самолётов. Небосвод дышал звёздами, близкими и далёкими. Матфею вдруг подумалось: «Солнце и Луна на небе неразлучны, как брат и сестра. Просто днём Луна в тени лучезарного сородича. Белой долькой лимона с голубовато-серыми прожилками посреди ясного синего неба скромно взирает луна на ослепительную сферу солнца. И когда последняя искорка солнца, пронзительно моргнув, растворяется в тягучей студенистости сумерек, невидимая длань включает другой небесный светильник. И неказистая, блёклая днём Луна разгорается и зажигает ночной небосвод, становясь главной примой среди звёздных софитов».

Утром ворон не объявился, чем Матфей был весьма доволен. Ранние визиты Гамаюна с бесконечными уроками поднадоели юноше, и он с удовольствием продлил свой утренний сон до крайнего предела, едва не проспав выход на работу.

День в «Вижин-Март» тянулся до ужаса медленно. Покупателей почти не было, и весь консультирующий персонал забытыми призраками лениво расхаживал меж прилавков по широкому залу, напрягая голосовые связки лишь с тем, чтобы узнать, как далеко сдвинулись стрелки часов.

Когда лаймовый кругляш гипермаркета остался позади, Матфей бодрой походкой направился домой. Ноги после бесцельной и пустой, на его взгляд, ходьбы по полу магазинного зала с каждым шагом по асфальту отпускали тяжесть и наливались энергией. Ещё немного и Матфей бы побежал вприпрыжку. Эта метаморфоза частенько его забавила и становилась одной из его ключевых шуток на работе. «На работе ноги – гири, а с работы – паруса».

Сворачивая с Тсуговой улицы в Миндальный переулок, он почувствовал некое движение, едва уловимое колебание тени в стороне, меж мусорных баков, вплотную примыкавших к стене одного из домов. Матфей замер на несколько секунд, дотошно вглядываясь в угрюмые очертания набитых под завязку контейнеров, и на мгновение ему показалось, что прямоугольная и плотная у стены тень, качнулась.

– Эй, кто там? – дрогнувшим голосом крикнул юноша, надеясь, что движение не повторится.

Ответа не последовало, и тень более не колыхалась, как пристально не вглядывался Матфей, стараясь пробуравить взглядом теневой сумрак.

«Крыса», – решил он и, удовлетворившись очевидной догадкой, спешно покинул переулок. Как только он скрылся, тень вздрогнула, набухла и отпочковалась детским силуэтом от кривого прямоугольника, неторопливо последовав за ним.

Пихтовая улица ещё удерживала остатки на редкость ясного дня, хвастаясь идеальным чистым небосводом цвета спокойного моря. В сторону запада к горизонту наплзали слабые волны заката, до сумерек было всего ничего. Мирный и беззаботный щебет мелких птиц временами перекрывался трескучим и повелительным карканьем. От каждого пронзительного «Крух» и «Краа» Матфей задирал голову и высматривал среди пёстрой листвы полнотелых деревьев чёрного ворона. Гамаюн отсутствовал.

Уже поравнявшись с калиткой, за которой так уютно и соблазнительно высился дом, Матфей вдруг остановился и, развернувшись, прошагал вдоль забора к вечно распахнутым низким воротам соседа. Виктор Сухманов жил один и по каким-то определённым соображениям не запирали металлический створ ворот, поэтому во двор к нему мог зайти кто угодно, чем частенько пользовались бездомные собаки. Вик не прогонял злосчастных бедолаг, для каждой псины, захаживавшей на его участок земли, у него имелся сушёный хлеб и миска каши.

Поэтому Матфей не удивился, когда застал приятеля за кормёжкой парочки низкорослых дворняг.

– Кто на этот раз? – вместо приветствия выкрикнул Матфей в проеме разверзнутых нараспашку ворот.

– Иван да Марья, – усмехнувшись, отозвался Виктор. Он подложил в пластиковые миски ещё по солидной порции каши и, накрыв алюминиевую кастрюлю, отставил её в сторону, взяв в руки пухлый пакет с сухарями. – Уже третий раз забегают сюда за два дня. Дружные такие.

– Смотри, как бы они у тебя не прижились, – насмешливо заметил Матфей. – Не успеешь и глазом моргнуть, как у тебя тут сам собой организуется собачий приют.

– Меня это не страшит, Маф, – добродушно отозвался Виктор и подкинул в быстро опустевшие миски хорошие порции сухаря. – Если ты боишься за свой участок, то я...

– Да нет, дружище, – тут же поспешно оборвал его Матфей. – Просто ты живёшь один, сам еле концы с концами сводишь, а тут эта благотворительность. Это собачье племя тебя обожрёт в один прекрасный день.

– А вот это ты зря, Маф. Они не привереды и превосходно лупят кашу. А каши на всех хватит – и мне и им. Знаешь, сколько среди них брошенных и забытых? Я всякий раз вздрагиваю, когда представляю, что это не собаки, а люди. Брошенный ребёнок, кинутая жена, забытый старик.

– Это собаки, Вик, и только. Ты увлекаешься. И влияние Философа на тебе сказывается.

– Нет, Маф, наш Эр ещё тот брезгун, – сказал Виктор, на секунду скривил лицо в притворном отвращении, но тут же прыснул со смеху.

– Согласен, – последовал зычный хохот в ответ, – он невыносимо привередлив.

Собаки, насытившись и начисто вылизав доньшки мисок, выбрали неподалёку от крыльца солнечное местечко. Там они привалились друг к дружке, удобно разместившись на тёплом пятчке, наслаждаясь крохами дня, и лениво повиливая грязными хвостами на долетавший до них голос Виктора.

– Такие дружные, – задумчиво повторил гостеприимный хозяин, а затем отворил входную дверь и, пройдя в дом, позвал друга. – Маф, хватит глазеть на собак, заходи.

– Не боишься, что к тебе когда-нибудь кто-то заберётся в дом? – поинтересовался Матфей в прихожей, стаскивая с ног кроссовки. – Ворота не заперты, так и зовут: войди и очисти этот прекрасный домик.

– Знаешь, может, заезженные истории про собачью благодарность – в большинстве своём мифы, – серьёзно произнёс Виктор, – но мои приятели сторожат этот дом, когда меня нет или когда сплю. Честное слово, Маф, я сам как-то раз проснулся ночью от яростного такого лая и дичайшего рычания. Выглянул, а там четыре моих подопечных взяли в плотное кольцо одного недотёпу, решившего той ночью на свою беду нагрянуть ко мне «в гости». Они бы его изрядно покусали, если бы я не вмешался. Этот незадачливый дуралей бежал по Пихтовой улице с разодранными штанами, благо, что не вопил. Представляешь?

– И что, они каждую ночь сторожат тебя? – удивился Матфей.

– Представь себе. Я трижды вставал после того случая в разные ночи, и эти ребята дружно патрулировали мой дворик.

– А днём? Неужели они и днём сторожат дом?

– И днём, – кивнул Виктор. – Я же говорю, эти ребята – самый благодарный народ, который я знаю.

Если бы Матфей мог, присвистнул бы, громко и удивлённо, но так как не умел, лишь выдавил:

– Тогда корми их дальше, Вик.

Дом Виктора Сухманова в сравнении с Катуневским выглядел миниатюрнее и проще. В один этаж с низким чердаком жилище насчитывало две комнатки, узкую кухоньку и бывший чулан, из которого пять лет назад Виктору удалось устроить смежный санузел. К слову сказать, чулан был не маленький и вполне мог бы сойти за ещё одну комнатку, крошечную и вместибельную.

Раньше дом принадлежал бабушке Вика, одинокой вдове Валентине Сухмановой, с радостью принимавшей внука каждое лето. Виктор же с родителями жил в соседнем городе и частенько навещал пожилую женщину. Едва достигнув восемнадцати лет, внук переехал к бабке на постоянное жительство. На то было несколько причин: не нужно было ломать голову насчёт жилья, когда Виктор поступил в Горницкий Университет, да и бабушке Вале тяжело уже было следить за состоянием дома, которому требовалась крепкая мужская рука. За первые года проживания юноша многое узнал о деревянных домах и основательно набил себе не только руку, но и шишки, латая то одно, то другое. Зато поднаторев, привёл дом в относительный порядок, правда, Валентина порадоваться тому в полной мере не успела, покинув бранный мир полтора года назад.

В доме комнаты продолжали хранить тот устоявшийся порядок, что царил при бывшей владелице, внук так и не решался убрать хоть что-то из вещей любимой бабушки, заботливо следя за порядком и чистотой. Лишь чулан-санузел претерпел изменение – вместо чугунной ванны, там появилась душевая кабинка. По правде, до переезда Виктора в доме не было никаких санузлов, все естественные нужды справлялись на улице в деревянной будочке, а мыться хозяйка была вынуждена в городской бане. Но когда Виктор предложил бабушке «усовершенствовать» чулан, она не стала возражать – Валентина всячески потакала любимому внуку во всех начинаниях, да и какая женщина не мечтает о домашних удобствах.

Матфей проследовал за приятелем в гостиную, бывшую комнату Виктора, тот после смерти бабушки Вали перебрался в её спальню, заменив старую скрипучую софу современной кроватью. Это, пожалуй, стало вторым крупным после чулана необходимым новшеством.

Гостиная, просторная квадратная комната, окнами выходила на юго-запад и в преддверный час была залита янтарным солнцем. Даже желтоватые с белым обоями, казалось, подсвечивали в унисон бунтующему в отходе дневному свету, а тяжёлые охряные шторы полыхали живым огнём, лениво покачиваясь от просачивавшегося в раскрытую форточку ветра.

Виктор плюхнулся на старый, продавленный временем диван, утративший при новом владельце гобеленовое покрывало, так старательно сберегавшее бархатистую изумрудную зелень драпировки много лет. Матфей последовал примеру друга и занял место рядом.

Эта комната не имела высокого потолка, как в Юниной обители, и пол не украшали пушистые облака. К белёному потолку крепился плоский плафон, за матовым стеклом которого приглушённо сияли три лампы. Пол по всему периметру Виктор укрыл красно-коричневым ковролином, упростив себе уборку. Кроме диванного ложа комната располагала парочкой низких кресел от иного гарнитура с выцветшей обивкой, замасленными подлокотниками и затёртыми до мелких дыр уголками. Старый обеденный стол, ещё хранивший былую полировку, словно холёный гнедой конь с длинными стройными ногами, был задвинут в дальний угол – стояло, теперь на нём важным господином восседал серый монитор телевизора. Естественно, гостиная не обошлась без классического внушительного шкафа под потолок с секретами серванта и бара, в закромах этого мрачного великана томилась старательно накопленная за долгие годы посуда разных мастей и назначений.

О бывшей хозяйке напоминал едва уловимый сухой и пряный запах духов, пропитавший насквозь стены и мебель. Не то чтобы он раздражал обоняние, но возможно небольшой косметический ремонт изгнал бы дух прошлого, если бы не упрямый до странности отказ внука внести хоть какие-нибудь значительные изменения в жилище. Вик считал, что тем самым отдаёт дань памяти любимой бабушке, но Мафу виделось всё несколько иначе: другу просто не для кого было свершать новое начинание, а для себя одного ему было достаточно и того, что имелось.

Лениво обследуя привычную обстановку, взгляд Матфея наткнулся на дымчатое облачко, до поры тихо и незаметно лежавшее впритык к телевизору. Серый ком зашевелился, будто почувствовав себя обнаруженным, и с неохотой вытянул мягкие лапки, на кончиках которых крючочками выглядывали белесые коготки.

– А ты не говорил, что у тебя кот живёт. Или кошка? – сказал Матфей и встал с обязательным намерением прикоснуться к ватной пушистости кошачьей шерсти.

– Да как-то незачем было говорить, да и какая разница? – неожиданно отчуждённо ответил друг. – Это Лиандр. Он кот, к твоему сведению.

Кошачья голова повернулась в сторону Матфея и уставилась двумя круглыми жёлтыми глазами, серьёзными и настороженными. Как только ладонь гостя приблизилась к мордочке зверька, кот извернулся, громко фыркнул и спрыгнул со стола на пол.

– Он не любит этих штук, – с запозданием упомянул Виктор.

– Жаль, хотел его погладить, – досадливо произнёс Матфей.

Кот прошествовал к шкафу, стоявшему напротив дивана, и разместился в заволоченном тенью углу у стены. Матфей почувствовал себя неудобно: зверь, казалось, стал частью тени, полностью слившись с сумраком тёмного угла. Только два жёлтых огонька буравили Матфея холодом и чем-то ещё более зловещим. Юноше вдруг вспомнились в вечер празднования своего дня рождения похожие огни за окном и силуэт кота, спешно скрывшегося в ночной темени. А что, если тот кот и есть Лиандр? Скорее всего, он и есть. Но что в том такого? Подумаешь, всего-навсего обыкновенный кот.

Матфей прислушался – кот не издал ни звука, хоть чем-то близко напомнившего речь. Если Лиандр и был прислужником Виктора, то хранил этот секрет в молчании.

– Что-то не так? – спросил Виктор, заметя, обеспокоенность на лице друга. Матфей всё ещё стоял подле стола в нерешительности и не смел отвести глаз от таинственных жёлтых огней в тёмном углу, будто кот его гипнотизировал.

– А? Что? – очнувшись от оцепенения, промямлил осипшим голосом юноша. Он тут же вернулся к дивану и сел боком к шкафу, предпочтя более не взирать в сторону неприятного угла. – Да так, пустяки.

– Что-то ты неважно выглядишь, приятель, – заметил Виктор.

– Что, вид совсем неважнецкий? – с натяжкой улыбнулся Матфей.

– Ага, умученный какой-то.

– Да плохо сплю в последнее время. Из-за работы. Сам знаешь, как хочу всё послать к чёрту и уйти. Только пока некуда.

– Из-за работы ли? – Виктор вдруг хитро улыбнулся и подмигнул. – А может, из-за девушки?

– Если б.

– Да ладно, Маф, – упрямо гнул Виктор. – Я же знаю, как ты сохнешь по нашей Ласточке.

– С чего это ты взял? – Матфей напрягся ещё больше, и тут лицо потеплело от притока крови к щёкам. – Это ж Нил к ней неровно дышит.

– Да вы оба в неё втюрились! – воскликнул Виктор и разразился густым смачным смехом. – Два друга в одну подругу. Ох! Что-то будет!

– Не говори ерунды, Вик! – раздражённо рывкнул в ответ Матфей, но отчего-то ещё гуще покраснел.

– Ага, вон и уши горят у тебя, врунишка! – отдуваясь от очередного приступа смеха, Виктор указал пальцем.

– Потому что ты всякую чушь несёшь! Блин! Я зря зашёл.

– Стой! – пресёк вставшего гостя враз посерьёзневший хозяин дома. – Чего ты сразу бычишься? Шуток не понимаешь? Взрослый, а ещё дурень.

– Шутки твои порой через край, – буркнул Матфей.

– Ну, извини, не хотел задеть. Ты ведь такой аленький цветочек, стоит о Юнке хоть слово сказать, – шутливо заметил Виктор, но тут же поспешно добавил, заметив, как недобро нахмурился Матфей. – Ладно-ладно, молчу. Ты жрать хочешь? Я после работы умираю, как хочу. Только и успел собак да кота накормить.

Если юмор у Виктора был неуклюжим и порой несколько бестактным, то гостеприимство с лихвой покрывало этот незначительный недостаток. Разделив с другом неприхотливый ужин из отварного картофеля с пряной сельдью и овощным салатом, и с неохотой распрощавшись с ним, Виктор взял обещание с Матфея заглянуть к нему если не на следующий день, то в самое ближайшее время.

Собаки по-прежнему лежали бочками друг к другу на том месте, где их оставили друзья. Но когда Матфей проходил мимо, обе задрали остроносые как у лисиц, мордочки и сопроводили гостя внимательным взглядом до самых ворот, словно удостоверяясь, что теперь всё на своих местах, а пришлый человек там, где ему и положено быть.

Солнце уже пересекло западную черту горизонта и тянуло за собой, словно павлин веерный хвост, малиново-медовый шлейф заката. Ветер набрался смелости и задиристо трепал непокрытые головы прохожих, мгновенно переключаясь с людей на деревья, силясь сорвать с крепких и жадных ветвей остатки осенней роскоши.

Матфей медленным шагом приблизился к родной калитке и уже собирался переступить её порог, предвкушая сладкое блаженство отдыха на кровати, а чуть позднее вкусный чай в компании матери. Юстин последние дни возвращался поздно с работы, поэтому Матфей считал своим долгом до прихода отца скрасить мамино ожидание беседой за чашкой чая.

Что-то было не так. В голове застучали молоточки беспокойства, а кожа мгновенно покрылась мурашками. Матфей вздрогнул от мощной волны адреналина пронёсшейся по его телу. Позади кто-то наблюдал за ним, юноша это чувствовал также ясно, как если бы мог видеть. Кто-то, на кого до жути не хотелось смотреть и от кого отчаянно желалось бежать без оглядки.

Он обернулся. На пустом клочке Пихтовой улицы, окрашенном в золотисто-малиновый, недвижно стоял мальчик. Тот самый, что неделю назад оставил Матфею неприятный осадок впечатления. Он вновь был одет не по погоде легко, снова пялился тёмными пустыми глазницами, широко раскрыв беззубый рот, то ли беззвучно крича, то ли вдыхая воздух меж синевой растянутых губ.

– Эй, пацан! Ты кто такой? – боязливо выкрикнул Матфей.

Мальчуган не ответил, продолжая стоять как истукан, не моргая и не шевелясь, отчего молодому человеку стало вконец неуютно.

– Ты чего на меня так вылупился? – ещё громче рывкнул Матфей, надеясь вспугнуть зловещего вида детскую фигурку. – Тебе чего надо?

Отчего-то вдруг воздух заколыхался и сделался тяжёлым и ледяным, зловещий образ упрямо продолжал стоять недвижно, но на мгновение Матфею показалось, будто ветер, до поры ровно дувший в одном направлении, внезапно закрутился в узкий полупрозрачный водоворот и толстым канатом прошёл от груди Матфея к разверзнutoй глотке уродливого мальчика. Земля

закачалась под ногами, словно не твердь была внизу, а болотная жижа. Матфей испугался, что утонет сейчас, погрузится в темноту – сначала по щиколотки, потом по колени и так до самой шеи, а после захлебнётся в этой жидкой земле.

Где-то над головой пронзительно вскрикнула птица и в спешке оставила гибкую ветвь берёзы, будто спасаясь от неведомого зла, заставившего землю ходить ходуном. Шелест покинутой берёзы и надсадная трескотня улепётывавшей птахи, вывели из минутного оцепенения юношу. Не соображая, что делает, Матфей рванул вниз по Пихтовой улице, горя единственным желанием: оторваться, отцепиться от чудовищного видения.

Дома с деревянными и кирпичными фасадами, расчерченные аккуратными, выбеленными квадратами окон и прямоугольниками дверей, пролетали мимо одной сплошной блёклой массой в стремительно наступающих сумерках. Пару раз Матфей оглянулся – никого позади не было. Даже прохожие ещё не столь редкие в этот час перестали попадаться на пути, будто их за раз вычеркнули из анналов города. Пихтовая улица, Вишнёвый переулок, Айвовый тупик – зияли безлюдной пустотой. Матфей выбежал в Шелковичный проулок и, сбавив шаг, поплёлся шумно отдуваясь. Тело сильно взмокло под курткой, и пот противными тёплыми струйками стекал по вискам, скапливаясь под подбородком.

Решив, что оторвался, хотя уже не совсем понимая от чего именно, Матфей брёл по шербатому асфальту, решив вернуться обратно в Айвовый тупик и с него вырулить на Каштановый бульвар. Получался приличный крюк, но, в конечном счёте, Каштановый бульвар перехлестывался с Пихтовой улицей узкой лентой грунтовок, именуемой Берёзовой Тропкой. Тупик представлял собой курью лапку: от высокой гранитной стены – исходной точки, построенной и оставленной потомкам с неясной целью неизвестным предком, тянулись четырьмя лучами два длинных переулка, один бульвар и коротышка-проулок. Тополиный и Вишнёвый переулки, Каштановый бульвар и Шелковичный проулок. Забавным фактом было то, что Айвовый тупик, кроме сорной мелкой растительности, не имел ни единого деревца, а в его теневой глуши не желали селиться даже самые неприхотливые кустарники. Оставалось гадать, почему он носил имя одного из ароматных представителей фруктовых деревьев.

В Айвовом тупике стоя в центре, Матфея ждал мальчик. Как только их взгляды сошлись, страх накрыл Матфея с головы до ног, как тяжеленный тулуп, обездвижив и лишив дара речи. Твердь под ногами вновь ожила и заволновалась, а призрачный воздушный канат, уплотнился и приобрёл мутный серый оттенок, беря широкое начало из груди юноши и оканчиваясь узким концом в бездонной глотке маленького чудовища.

Страх возрастал, а силы Матфея таяли. Канат закручивался и стучался сильнее, утратив всякую прозрачность. Воздух наполнился запахом пыли и противным сладковатым духом тлена. Голова юноши закружилась, а свет начал меркнуть в глазах. Ещё немного и он упал бы на землю бездыханным.

– Мяу-с-с-с, – раздалось у него за спиной. Тихое и робкое.

Это было похоже на чудо. Грязный поток лопнул, и связь меж жертвой и мучителем тут же разорвалась. Выставив руки перед собой и сильно покачиваясь, словно пьяный, Матфей сделал пару шагов и, споткнувшись, упал. Не чувствуя себя в безопасности, он поднял голову, кружившуюся, будто после жестокой пьянки и отяжелевшую настолько, что шея дрожала под грузной ношей. Взгляд был устремлён туда, где ещё возвышался маленький монстр.

Как же изменился его вид! Кожа конечностей и лица почернела, будто по нему прошлось адское пламя, гримаса яростной злобы перекосила и вконец уничтожила остатки человеческого облика псевдоребёнка. Теперь Матфей отчётливо видел перед собой существо, более напоминавшее беса из сказочных описаний, нежели невинного отрока.

– Мяу-с-с-с, – повторилось ближе.

Между Матфеем и страшилищем, издававшим злобное шипение, похожее на шуршание сухих листьев, стояла, выгибаясь и ошетилившись, маленькая чёрная кошка.

– Мяу-с-с-с! – Третий раз вышел угрожающим.

Монстр издал свистящее шипение, в котором лютая злоба соединилась с разочарованием и досадой. Неожиданно встав на четвереньки, существо проворно развернулось и, нырнув в набухавшую темноту Шелковичного проулка, скрылось.

Матфей глотнул воздуха и на секунду потерял сознание. В чувство юношу привёла тёплая шершавость кошачьего языка, ходившего по его щеке с тихим урчанием. Как только Матфей раскрыл глаза, и ясность вновь наполнила их, чёрная спасительница отошла в сторону и села поблизости.

Он приподнялся и сел, приложив одну руку к голове, а другую к груди. Тело отдавало слабостью и немощным бессилием, голова гудела и болела так, будто он погулял на славу. Кошка, тут же утратив интерес к очухавшемуся парню, занялась чисткой передних лапок тонким розовым язычком. Воздух постепенно наполнялся свежестью, утрачивая запах мертвечины.

– Что это за гадость была? – произнёс вслух Матфей и ухватился за голову двумя руками. – Моя голова!

– Обычный прилипала, – ответил тонкий женский голосок.

Матфей оглянулся по сторонам, кроме него и кошки в Айвовом Тупике никого не было. Он ошарашено уставился на зверьку, и тут до него с опозданием дошло, что его спасительница – одна из рода прислужников.

– Спасибо, – неуверенно ответил он.

– Да, пожалуйста, – отозвалась кошка, приподняв крохотную чёрную лапку для большего удобства наведения лоска на ней язычком. – Этих несносных прилипал развелось в последнее время пропасть! Только и успевай обходить их. А они, между прочим, ещё и воняют до невозможности.

– Вот как! И чем же они воняют? – растеряно спросил Матфей.

– Пылью, плесенью и смертью, красавчик, – пояснила кошечка и наконец, оторвавшись от важного занятия, устремила на человека глазки, круглые и тёмно-зелёные.

Только теперь Матфей заметил на кошачьей мордочке белый полумесяц, вертикалью пересекающий левый глаз зверя. Эта отметина была единственным светлым пятном на тёмной кошачьей шкурке, даже длинные тончайшие струны-усы сливались с природной угольной маскировкой Матфеевой спасительницы.

– А кто такие эти прилипалы?

– Паразиты. – Только и последовал ответ.

– А где твой... э... хозяин? Союзник?

Матфей не знал, как правильнее и корректнее дать название господину прислужника, ведь сам себя он таковым не ощущал и считал любое определение данного статуса ханжеским и тиранским.

Что-то резко поменялось во взгляде кошачьих глаз, они увлажнились и потемнели ещё сильнее, приобретя тёмно-болотный оттенок.

– Нет у меня больше союзника, – ответила кошка, её тонкий голосок всхлипнул. – Убили его. Теперь я больше не прислужник.

– Убили?! Кто?

– Вурдалаки.

– Но почему?

– Откуда мне знать? – Кошка опустила голову и задрожала. Она заплакала! На сухую серость асфальта упали крохотные слёзки. Это было невероятно, но это происходило вправду. – Я не спасла своего господина, и теперь я обесчещена. Мяу-с-с-с.

– Но ты же можешь себе другого найти союзника и заключить с ним договор. Разве нет?

– Никто в здравом уме не пожелает заключить договор с прислужником, хозяин которого мёртв, – жалобно промяукал кошачий голосок. – Это как клеймо, на всю жизнь.

– Но ты бы попробовала.

– Я... не посмею, – со вздохом произнесла кошка и вдруг глаза её прояснились, засверкав изумрудами, а слёзы просохли. – Ты! Ты меня понимаешь! Ты меня понимаешь?!

– Ну да, – ответил Матфей, не особенно обрадованный догадкой зверька.

– Но это значит... это значит... что ты...ты... – кошка захлебнулась от возбуждения. Она подпрыгнула и отошла от того места, где только что преспокойно сидела, на несколько шагов. Шёрстка вздыбилась на её тельце, точно зверька обдал разряд тока.

– Всеслух. Вот кто он, – озвучил за неё другой, писклявый голос, который напомнил Матфею забаву с воздушными шариками, заправленными гелием. Вдыхаешь из шарика гелий, говоришь что угодно, а голос, такой умильный и смешной, будто гном бормочет.

Из угловой тени дома вынырнула ящерица чёрно-жёлтой окраски с круглой массивной головой. Острый длинный хвост завернулся в кольцо, когда ящерка поравнялась с кошкой и застыла подле неё. Матфею со своего места показалось, что оба животных равны в длине, но когда кошка шевельнулась, разница сразу стала заметна – земноводное намного уступало млекопитающему.

– Но всеслухов не существует, разве не так? Разве это не сказки? Не миф? – залепетала, приободрённая поддержкой спутника, кошка.

– Не все сказки – сказки, – пискнул ящер, да так забавно, что Матфей с трудом сдержал смех. – Я слышал о всеслухах. Это такая редкость, что они стали легендами. Поговаривают, что Астрогор – сам из этих всеслухов. Ложки-поварёшки, ехиднины сапожки.

– Да ну! – воскликнула кошка.

– И что вы станете делать? – юноша вклинился в диалог животных, будто напрочь позабывших о его существовании в нескольких шагах от них.

– В смысле? – переспросила ящерица.

– Ну, вы же можете пойти к вурдалакам или каким-то праведникам и сдать меня. Это типа сулит хорошие бонусы.

– А зачем это нам? – удивилась кошка.

– Ну, у тебя же нет хозяина, – сказал Матфей. – А так возникает возможность восстановиться в правах прислужника. Разве не так?

– Котелок у тебя варит, конечно, юноша, – язвительно и высокомерно заметила ящерица, – но к вурдалакам мы и близко не подойдём, а уж о сделках с ними и речи быть не может! А что до праведников – этих заносчивых и раздутых спесью глупых деспотов – эти ещё хуже. От топота сапог, куда-нибудь убёг.

– Ты тоже потерял своего союзника? – догадался Матфей.

– Да, – не меняя интонации, ответил ящер, – мой Ульманас был прекрасным господином. Светлой души демон. Как он играл на гитаре! Прохожие заслушивались, когда Ульманас наигрывал нежнейшие романсы или страстное танго. У него был талант.

– Ну, уж дудки, – с пылом возразила кошка. Её усы-антеннки встопорщились и задрожали. – Лучше моей Ярославы, никого нет. Это была прекрасная и подающая надежды балерина. Как она была грациозна! А как добра!

– Погоди, Ульманас – это не тот импозантный гитарист-самоучка, о котором сняли недавно репортаж для местного телевидения? – обратился Матфей к ящерке. – Он ещё на Кипарисовой площади выступал.

– Он самый, – последовал ответ.

– Классный был музыкант, – посочувствовал ему юноша.

– Для меня – самый лучший...

– Раз вы меня сдавать никому не собираетесь, чему я безмерно рад, то, может, назовёте мне свои имена? – предложил Матфей. Я бы очень хотел знать имя своей спасительницы и её друга.

– Сеера, – промурлыкала кошечка, учтиво вильнув бархатистым хвостиком.

– Не знаю, к чему тебе, юноша, наши имена, но зовут меня – Рарог, – важно представился ящер. – А чтобы ты не думал, что я какая-то там ящерица, то знай. Рарог – саламандр. Да не абы какой, а из рода Огненных! – и добавил скороговоркой, – Коромысло-лебедя, мёртво озера вода.

– Очень приятно. А меня зовут – Матфей, – добродушно последним представился юноша. – И у меня к вам предложение.

– Какое же? – спросили бывшие прислужники.

– Стать я вашим господином не могу, у меня есть прислужник, – произнёс Матфей и, заметив, как приуныли кошка и саламандра, тут же добавил, – но я хочу предоставить вам жильё у меня на первых порах. А там видно будет.

– Зачем мы тебе, демон? – поинтересовался Рарог, его писклявый голосок стал ещё тоныше и забавнее.

– Считайте это благодарностью за спасение моей жизни, – ответил Матфей, поднимаясь с земли. Силы к нему возвращались быстро, а голова прояснилась и больше не гудела.

– Но ведь это Сеера тебя спасла, а не я, – возразил Рарог, но в голосе его слышалась надежда.

– Ну и что, – отмахнулся юноша. – Вы оба пострадали. Я тоже в малой степени. К тому же, как вам известно, я всеслух, а, значит, не подарок. Это уже вам решать – идти за мной или нет на свой страх и риск.

– Мне уже нечего терять, – признался ящер. – Всё равно репутация уничтожена. Ложки-поварёшки, остались от козы рога да ножки.

– А ты мне нравишься, – честно добавила Сеера и потёрлась спинкой о пыльную брючину джинсов в знак признательности.

– Отлично, значит, поживёте у меня столько, сколько нужно.

8. Притирки и новые союзы

Всю дорогу до дома Матфея одолевали противоречивые чувства. Опасения, что Гамаюн в очередной раз осудит опрометчивость его поступка, свершённого под действием эмоций, сменялись откровенной жалостью к судьбам осиротелых прислужников. Сеера в молчании шествовала подле юноши, грациозно ступая бархатистыми лапками, будто миниатюрная пантера, а Рарог забрался под куртку нового покровителя и с удовольствием грелся на его груди, крепко вцепившись коготками в свитер. Саламандра сделал попытку выведать хоть какую-нибудь информацию о прислужнике Матфея, но юноша уклончиво отделался пространной фразой: всему своё время. После чего Рарог утих и вроде бы как задремал.

В прихожей его встретила Вида.

– Сына, а зачем ты привёл в дом кошку? – любопытствовала женщина. У ног её уже вертелся Велизар, с любопытством взирая на чужачку красными глазками-бусинками и жадно втягивая розовым носиком воздух. – У тебя вроде бы уже есть питомец.

– Вот как? Ты сама сказала, что я могу завести себе любимца. Но о количестве мы не улавливались, – лукаво ответил Матфей и прибавил к сказанному самую сладкую из улыбок.

– Матфей, сына, ты перегибаешь палку. Отцу не понравится, что..., – тут она заметила чёрно-жёлтый хвост Рарога, мелькнувший под нижним краем куртки. – Что это?!

– Не пугайся, мам, это всего лишь саламандра, – спокойно произнёс Матфей.

Но тут же захихикал, Рарог заполз под свитер на спину, прячась от Виды. Коготки ящера нестерпимо щекотали кожу, наличие футболки не спасало, и юноша едва сдержался, чтобы не стряхнуть зверька.

– Да ты целый зверинец в доме решил развести! – Вида истерично взмахнула руками и обхватила ими голову; хорёк ошалело пригнулся, шёрстка вздыбилась на его спинке.

– Ничего подобного. Всего-то кошка и саламандра. Вы даже и не заметите их присутствия. Они будут жить в моей комнате и никому мешать не будут. Это временно, не беспокойся.

– Ну-ну, – хмыкнула Вида, – Матфей, мне нужно серьёзно с тобой поговорить. Без них.

– Хорошо, но пусть и твой хорёк тогда тоже не присутствует при нашем разговоре, – сказал Матфей.

Велизар недобро на него зыркнул.

– Ладно, жду тебя в гостиной, – согласилась Вида и пошла в комнату, хорёк громко и презрительно фыркнул, но отделился от хозяйки и белым ватыным облачком скрылся в проёме кухни. – Оставь питомцев наверху и возвращайся. И живее.

Второпях взбежав по лестнице, Матфей прошёл в спальню и, наконец, запустил руку под свитер. Рог крепко вцепился в ткань футболки и не желал её отпускать.

– Эй, приятель, тебе придётся выйти из этого укрытия, – миролюбиво увещевал юноша упряма. – Здесь тебе ничего не угрожает. Выходи.

– Рог, тут довольно мило, – промурлыкала Сеера. – И места хватит нам с тобой. Матфей, а где будет моё местечко?

– Выбирай, где хочешь, обустроим попозже. Ну же, Рог, будь умницей, отпусти мою спину.

– Ну ладно, – пропищал по-гномьи саламандр, – выхожу. Ну и громкая же у тебя мать!

– Какая есть, – ответил Матфей и вытащил на свет ящера. – Она хорошая. Добрая. Ей привыкнуть надо к вам.

– Я ничего не имею против родственников, только у меня очень чувствительный слух, – пояснил Рог. Как только его лапки коснулись пола, он тут же резво закосолапил под кровать. – От топота сапог, куда-нибудь убёг. Голова болит. Понимаешь?

– Конечно, понимаю. Но как же ты тогда жил с гитаристом?

– Привык, – пискнул саламандр. – И к твоим громогласным родственникам привыкну, если меня не вышвырнут отсюда.

– Не вышвырнут. Обещаю тебе.

– Вот когда заключишь с нами договор, тогда я привыкну. Сразу привыкну, – донёсся голосок из-под кровати. – Ложки-поварёшки, козы лепёшки.

– Какой ещё договор? – изумился Матфей.

– Временный, – мяукнула Сеера. Она запрыгнула на кровать поверх одеяла и, потоптавшись, тут же улеглась в чёрный клубочек, урча от удовольствия. – Это формальность.

– Ладно, позже это обсудим, – гаркнул уже с лестничного пролёта Матфей.

Когда он вошёл в гостиную, Вида сидела к нему спиной на диванчике, замершая прекрасная богиня, светлый лик которой был всецело обращён к вечернему миру за окном.

– Матфей, нам давно пора поговорить, – выговорила мать, как ему показалось, с трудом.

– Но мы же каждый день с тобой говорим, – напомнил Матфей. – Разве не так?

– Так-то так, но не о том, – отозвалась она странным голосом, глубоким, похожим на эхо чего-то грядущего, чего-то неотвратимого. – Мы не говорим о тебе, сына.

Женщина обернулась, в приглушённом свете матовой люстры её глаза казались налитыми тьмою, скрывшей под собою ясную зелень, что передалась при рождении её сыну.

– Что? Да ладно, мам, каждый день мы только и говорим о... – Смутившись этой новой, незнакомой серьёзности во взгляде и голосе матери, сын не договорив, сев подле неё.

– Это правда? – резко оборвала его Вида, поддавшись напряжённым монолитом тела вперёд.

Матфей вздрогнул. Сама, мутившись этой чуждой её природе резкости, женщина приглушённо добавила:

– Это правда, сына, что ты понимаешь Велизара? Ты... всеслух?

Как она выговорила это слово! Почему то Матфею представилось: вот так родственнику сообщают диагноз больного – о его неизлечимости, скоротечности и неизбежности прихода кончины. И тот тон голоса, и лицо, с каким переспрашивает ошеломлённый: это правда? это точно?! Мозг уже знает, но душа наотрез отказывается воспринимать убийственную порцию горечи. И этот взгляд. Взгляд, утопающий в испуге, недоверии и непонимании и ещё, быть может, в затаённой надежде, что всё это розыгрыш, пускай злой и глупый, но розыгрыш.

И мама теперь сверлила его именно таким взором, выжидала и жаждала услышать что-то про глупый розыгрыш.

– Об этом вроде бы как нельзя ни с кем говорить, – уклончиво заметил Матфей. Разговор переходил в непростой формат.

– Сейчас можно, – решительно отклонила замечание сына Вида. – Мы одни в комнате, а если ты опасаясь ушей за дверью, то будь спокоен – нас не предадут.

– Но как ты можешь быть уверена? – возразил сын, но тут же сдался. – Хотя если б Ксафан захотел, то давно сдал бы меня, кому следует. Да и у Велизара была возможность...

– Так, значит, это правда, – голос Виды стал ещё глуше и тяжелее, а взгляд затуманился и потух. – Ты зря так плохо думаешь о Велизаре и Ксафане. Они ни за что не предали бы тебя, зная, что под удар попадём и мы – их союзники. Если твой союзник тебя хорошенько подготовил, то ты должен быть в курсе, что прислужник, при жизни потерявший господина, обретает статус Низложенного и, по сути, становится отверженцем в родном мире. Подобная перспектива, как ты понимаешь, не улыбается никому. А ты ещё взял домой чужих прислужников, увеличив риск быть раскрытым во много раз и подвергнув риску нас с отцом и наших помощников. О чём ты думал?!

– Мам, я не мог не взять их.

– Но как же так? Какая-то твоя прихоть может растоптать нашу семью, стереть с лица Терриуса упоминание о семействе Катуней. А всё потому, что ты не смог пройти мимо зверушек.

– Не совсем так.

Сам не понимая почему, Матфей начал потихоньку закипать от гнева. Он обожал, просто боготворил мать, но порой она невольно перегибала палку, отчитывая его, словно неразумного мальчика.

– А как же иначе? – Её плечи нервно приподнялись и бессильно упали.

– Они спасли мне жизнь! – От возросшего волнения кровь прильнула к его щекам.

– Спасли жизнь? Погоди, как они могли спасти тебе жизнь? Объясни, – в глухом увещании Виды промелькнуло беспокойство.

– Ко мне привязался какой-то бес, Сеера называла его прилипалой вроде, – принялся пояснять Матфей, хотя это всё больше тянуло на оправдание, отчего становилось тягостнее. – Он из меня жизнь едва не выкачал, да кошка вовремя его осадила, и он дал стрекача, только пятки или что там у него замелькали.

– Что?! К тебе прицепился реморак? – В ужасе голос матери зашёл до глубокого вдоха. Она походила на рыбу, выброшенную на песок, что широко разевает рот, не в силах надыхаться, лишь ускоряя свою погибель. – Но ты должен был его заметить ещё раньше. Они так сразу не подступают к жертве. Они её пасут около недели или двух, прежде чем напасть.

– Так и было, – кивнул Матфей. – Я его заметил напротив калитки в день рождения. Мне стало не по себе от одного вида этого – не знаю чего.

– Так вот почему ты тогда был сам не свой, когда я тебя позвала к телефону, – припомнила Видя.

– Ну да, не самое приятное зрелище, когда убираешь листья во дворе.

– Но почему ты мне не сказал? Почему не сказал своему прислужнику?

– Я решил, что это ребёнок, правда, рановато вырядившийся к Хэллоуину, – ответил Матфей. – И что меня сочтут ненормальным. Да и вообще, мало ли чего странного творится вокруг. Не буду же я из-за каждого ряженого поднимать переполох.

– Ох, Матфей! – воскликнула Вида и, схватив его ладонь, прижала к своему лицу. – Мой недотёпа, глупенький мальчишка!

– Мам, ты чего! – смущённо проговорил сын и попытался отнять руку, но мать не пускала.

– Это чудо, что там оказалась та кошка, иначе бы... иначе бы...

– Ну-ну, ладно тебе, – как можно мягче и тише произнёс Матфей. Даже не верилось, что минутой раньше он испытывал к матери негатив. Всё его естество обмякло и млело пред её кроткой любовью. – Я здесь, со мной всё, как видишь, в порядке. Но Сееру и Рарога я не могу выставить на улицу. Ни за что.

– Какое там! – всхлипывая, пролепетала Вида. – Я сама не позволю им там оказаться. Они спасли моего мальчика. Отец согласится.

– Он знает, что я...?

– Что ты – вслух? Да. Юстина это сильно беспокоит, так же, как и меня, – кивнула мать. – А кошка и та ящерка пусть живут столько, сколько захотят. А что с их хозяевами?

– Они погибли. Там какая-то тёмная история с вурдалаками.

– Только этого не хватало. Тьфу-тьфу, – Вида отпустила его ладонь, глаза влажные, но не разразившиеся слезами, смотрели с новым беспокойством на сына. – Они распоясались в последнее время. И когда праведники с ними покончат? Хотя и эти не лучше тех. Но ты правильно поступил, сына, они спасли тебя и теперь твоя очередь помочь им. Ты в них уверен?

– Да, – сказал Матфей. – Они ненавидят вурдалаков и не доверяют праведникам.

– Ну что ж, что ни делается – всё к лучшему, надеюсь, – произнесла Вида. Глаза её вновь прояснились и лучились зеленью. Она распрямила плечи, потянулась и добавила. – Теперь ступай. И, сына, будь осторожен. Теперь тебе следует вдвое, нет, втрое быть внимательнее.

Первое что услышал Матфей, когда переступил порог своей спальни, был саламандровый писк из-под кровати:

– Кто твой прислужник?

– Ворон, – ответил юноша. – Кстати, проблем с вашим проживанием не будет. Я всё уладил.

– Это превосходно, – промурлыкала кошка, возлежавшая чёрным сфинксом среди двух самых высоких складок одеяла, – а кормить нас, когда будут?

– Ой, точно, вас нужно покормить! – Матфей хлопнул себя по лбу, сетуя на нерадивость и забывчивость. – А что вы едите обычно?

– Ворон?! – всполошился Рарог под кроватью, он заёрзал там, совершая странные передвижки, но выбираться, по всей видимости, не собирался. – Только не это!

– А что не так с вóронами? – удивился юноша столь внезапному и бурному проявлению недружелюбия к своему прислужнику.

– Всё не так! – пропищал Рарог. – Сущие исчадия ада. Ложки-поварёшки, остались от козы рога да ножки.

– Рарог хотел сказать, что этот народец не сулит ничего хорошего, – вымолвила кошка, она тоже утратила былое спокойствие, и когда Матфей присел на краешек постели, тут же подошла к нему и прижалась, словно искала под его боком защиту и надёжное укрытие. Но, тем не менее, голос её хранил былую невозмутимость и мягкость. – Особенно саламандрам.

– Не понимаю, – растерялся Матфей от этих недомолвок и почувствовал, как к его ноге прикоснулось холодное чешуйчатое тело ящера.

– Вороны, эти ненасытные бестии, пожирают наших малышей, а порой и не брезгают взрослыми саламандрами! – воскликнул в особом порыве гнева Рарог, затем возмущённо пискнул и вновь забрался подальше в тёмную подкроватную нишу. – Видишь ворона – беги, а попался – так терпи.

– И котятами тоже, между прочим, – заметила Сеера.

– Не знал, – отозвался Матфей, – но, думаю, Гамаюн вовсе не так свиреп и ужасен, как другие его родичи.

– Гамаюн?! Ты сказал – Гамаюн? – воскликнула кошка, вздыбившись и отстранившись в то же мгновение. – Из рода Чёрных?

– Да. А что такого-то?

– О, эта птица ещё та знаменитость. Он Низложенный прислужник, – мяукнула Сеера, голосок её утратил мягкость и стал колючим и шершавым, как розовый язычок. – Вернее был им триста лет назад. Старая, поросшая мхом и плесенью история. Был у него господин, вроде тебя, а потом его не стало. Пропал и всё тут. Говаривали, будто он тоже был всеслухом. Но разве можно верить всему, о чём говорят?

– Тоже был всеслухом? – Эта мысль поразила Матфея сильнее, чем тот факт, что у Гамаюна был союзник до него. Юноша догадывался, из недомолвок ворона о том, что он не первый господин у чёрной птицы, но, чтобы всеслух...

– Вот именно, господин! – донёсся из-под кровати яростный писк Рарога. – И это весьма и весьма подозрительно!

– Но он не знал, о том, кто я, когда подписывал договор. В этом я уверен, – возразил Матфей.

– Он мог тебя заведомо обмануть, – высказала подозрение Сеера. – Ввести в заблуждение о своём незнании. Эти вороны так коварны!

– Нет, я так не могу, не могу поверить в ложь Гамаюна! – Матфей вскочил с кровати и заходил широкими шагами по комнате. – Не могу! Он мой прислужник и не может мне навредить. Договор ему не позволит. Разве не так?

– Так-то так, но лазейки всегда есть, – промурлыкала кошка. Она повторяла за новым хозяином маршрут, наворачивая кружки мелкими шажками по скомканной поверхности одеяла. – Без выгоды себе ворон ничего делать не будет. Это самый ушлый народец из всех прислужников.

– Мы дождёмся его и спросим, – решил Матфей. – Я не собираюсь за его спиной делать какие-либо выводы. Тем более что мы с ним связаны пожизненно.

Будто услышав его, со стороны окна раздался знакомый стук. Все вздрогнули, в том числе и юноша. Но тут же опомнившись, Матфей отдернул золотистую занавесь штор и открыл окно, впуская союзника. Ворон тёмным облачком спикировал на подушку и хотел было по обыкновению устроиться поудобнее, но тут взгляд его прозрачно-синих глаз заметил бархатистую кошачью тень на кровати. Как только Гамаюн впорхнул в спальню, Сеера тут же стремительно покинула облюбованный ею пяточок одеяльного покрытия и устремила к новообретённому хозяину. Птица тут же подскочила и, с укором глядя, заверещала на Матфея.

– Дьявол Вездесущий! Бесы Безпроглядные! Что ты вновь натворил, молодой человек?! Ты привёл кошку. Ты ввёл чужака, да ещё в моё отсутствие. Ты необучаемый, непробиваемый олух!

– Не смей ругать господина! – зашипела Сеера и выгнулась так сильно, что стала казаться вдвое больше себя обычной.

– Господина?! Ты серьёзно? – Гамаюн вдруг разразился сухим и трескучим смешком. – Не знаю, кто ты и откуда и знать не желаю, но тебе он точно не союзник и не будет им. У него уже есть прислужник, вольный к тому же! Крух!

– Это вопрос времени! – с вызовом прокричала кошка.

– Уж не бросаешь ли ты мне вызов? Ты – примитивная кошка, мне – вольному из рода Чёрных. – Теперь смех ворона походил на завывание и гогот безумца. – Да я заклюю тебя! Размозжу твою глупую головку.

– Тогда тебе придётся иметь дело и со мной! – отважно пискнул Рарог, наконец набравшийся смелости, он выскочил из укрытия, дабы присоединиться к подруге.

– Что? Это ещё кто? – ворон вспорхнул так высоко от неожиданности, что чуть не ударился головой о потолок. – Матфей, ты решил здесь гостиницу устроить? Сколько ещё здесь примитивных?

– Больше никого, Гамаюн, – заверил Матфей, он выставил впереди себя руки, не зная кого от кого защищать, или защищаться самому. – Прошу тебя, успокойся.

– Что ты наделал?! Что ты натворил! – Ворон вдруг сник и, тяжело плюхнувшись на подушку, распластался, накрыв белую выпуклую поверхность наволочки иссиня-чёрным вее-ром крыл. – Как ты мог так поступить?

– Они спасли мне жизнь, Гамаюн, – Матфей приблизился к кровати и, впервые видя союзника таким обескураженным и расстроенным, испытал острый приступ вины и непроизвольно начал оправдываться. Не в первый раз за день. – Из меня чуть всю жизнь не выкачал один прилипала, а Сеера его прогнала, хоть не обязана была это делать.

– Прогнала, значит, – прохрипел Гамаюн. – А не задумывался ли ты хоть на минутку, что всё это могло быть спланировано заранее? Может, так и было задумано, чтоб посадить тебя, недотёпу, на крючок, втереться в доверие. Ведь ты ничего не знаешь о них. Не так ли?

– Они мне кое-что рассказали о себе, о своих бывших хозяевах, – мягко возразил Матфей.

– Дайка угадаю, их господ убили вурдалаки или праведники.

– Ну да.

– И они оба так удачно и своевременно оказались рядом, когда реморак качал из тебя жизненные силы.

– К чему ты клонишь? – насторожился Матфей.

– К тому, что это всё слишком, – каркнул Гамаюн. – Время, место, спасение. Так могут действовать наёмники.

– Мы не наёмники, ворон! – возмутилась Сеера, – если уж кто и заслуживает здесь недоверия, так это ты! Скажи своему господину, признайся, что ты остаёшься Низложенным прислужником и не имел права подписывать с ним договор, пока он был в неведении.

– Не тебе меня судить, кошка! – прошипел ворон, и глаза его потемнели от злости. Он вновь поднялся и презрительно взирал на Сееру и Рарога сверху вниз.

– Ты обманул его! – поддержал саламандр подругу. – Ты обманщик.

– Я не обманывал его, я его выбрал и, скажу вам, вовремя выбрал, – возмущённо заметил Гамаюн. – Никто не пришёл к этому дому. Никто не обратился к Спящему. Никто, кроме меня, не пожелал заключить с ним договор.

– А может, это твоя заслуга? – язвительно бросил Рарог.

– Всё! Стоп, ребята! Тайм-аут, – прикрикнул на пререкавшихся меж собой зверей Матфей. Ему не нравилась эта ругань и то, что он выпадал из жаркого диалога, став лишь упоминанием в нём о себе. – Хватит собачиться. Хотя это к вам не совсем подходит. Гамаюн!

Ворон отвлёкшись от перебранки, устремил на союзника взгляд, внимательный и ещё полный гнева.

– Прошу тебя принять на время этих ребят и постараться жить с ними в мире, – как можно спокойнее и миролюбивее попросил юноша. – Они спасли мне жизнь. А вы, – теперь он призывал кошку и ящера, – постарайтесь проявить больше уважения к моему прислужнику и не цепляйте его. Я не хочу слышать наветов и наговоров друг на друга и жить, подозревая каждого во лжи. Либо мы живём слажено и дружно, либо я не знаю, что делать.

– Хорошо, господин, – пропищал первым Рарог. – Заметено, лебедой оплетено.

– Как скажешь, господин, – преклонила бархатистую голову кошка.

– Ну, Гамаюн, остался ты, – произнёс Матфей.

– Хорошо, так и быть. Временный договор. Он свяжет их по лапам и не даст предать тебя, молодой человек, – согласился с тяжким вздохом ворон. – Но я соглашаюсь только потому, что в меньшинстве.

Гамаюн широко развёл по сторонам крылья, и из каждого на коричневую холмистость покрова упало по листку.

– Пусть каждый приложит лапу, смоченную кровью, к договору и на том покончим, – провозгласил ворон.

Сеера и Рарог, надкусив лапки, оставили на белоснежных поверхностях бумаг по красноватому оттиску. Матфей повторил за ними, уколол палец и прибавив рядом свой отпечаток. Тут же проступили тексты, идентичные по смыслу, но расходившиеся лишь в обозначении прислужников. Отныне вступали в действие временные договоры, обязывавшие новых союзников к верности и преданности и грозившие скорой расплатой за нарушение условий. Если Матфею удастся найти для временных прислужников новых хозяев, то союзам его с Сеерой и Рарогом придёт конец.

На следующее утро, пока весь дом ещё пребывал во власти сна, Матфей с трудом продрал глаза, наскоро оделся и, пообещав Сеере, которая единственная бодрствовала, как и положено кошкам, не задерживаться дольше чем, на час. Гамаюн с вечера настоял на их утреннем randevu подальше от дома, наметив для встречи Ясневый парк. Ворону ещё предстояло свыкнуться с мыслью, что он не единственный прислужник в жизни Матфея и пока он не мог превозмочь своё эго и откровенно общаться с союзником при саламандре и кошке.

– За тобой точно не было слежки? – каркнул Гамаюн и слетел с ветки высоченного ясеня.

– Никого, – подтвердил Матфей, ёжась от морозного воздуха и влажности тумана, накрывшего плотным куполом Горницы в это утро так, что небо не проглядывало. – Я проверял.

– А эти, временные, как? – поинтересовался ворон.

– Рарог спит, а Сеера ждёт меня. Ты какой-то подозрительный. Нельзя же всё время всем не доверять. Когда-то нужно поверить.

– Если бы я имел дело с другим союзником, а не с тобой, то о доверии можно было вести речь, – ворчливо буркнул Гамаюн.

– Я, наверное, никогда не заслужу твоего доверия, раз ты считаешь меня недотёпой, – вздохнул Матфей и уселся на пустую деревянную скамейку с выгнутой спинкой. По правде говоря, и другие скамьи, примыкавшие к центральной дороге парка, были пусты в этот ранний час, как сам парк и основная уличная часть города.

Ворон не удостоил его ответом, он расположился рядом на покато́й, наборной из дощечек поверхности скамьи.

– Я хотел с тобой поговорить о кошачьем роде, – начал Гамаюн. – Не о твоей новой прислужнице, а о кошках в целом. Как я подозреваю, ты ничего не читал о прислужниках.

– Ну, я пролистал книгу, но времени её прочитать от корки до корки, у меня не было, – честно сознался Матфей, предвкушая новое порицание от союзника.

– Я так и думал, – спокойно выговорил ворон. – Поэтому я собираюсь заполнить твой пробел сам. Это и моя обязанность, как прислужника, хоть и вольного, следить за твоим образованием и осведомлённостью.

– Я слушаю. – Матфей не смог подавить зевок. Он ужасно хотел вернуться в тепло постели и доспать сладкий час до подъёма на работу.

– Кошки бессмертны, все без исключения, – назидательно заявил Гамаюн.

– Но они же умирают! Я сам видел не раздохлых кошек, а уж на их разлагающиеся тела вдоволь насмотрелся – благо трасса за городом богата этим добром. Бедолаги, частенько перебегая дорогу, угоджают под колёса фур или легковушек. Так как же они могут жить вечно?

– Всё элементарно, – самодовольно каркнул ворон. – Когда кошачья оболочка созревает до финального этапа и более не годна своему хозяину или хозяйке, то кошка расстаётся со своей физической оболочкой, но ненадолго.

– Это как же? Переселение душ что ли?

– Можно и так сказать. Кошки же тоже демоны в своём роде, что даёт им ряд удобных возможностей. Слышал о девяти кошачьих жизнях? Не совсем точное упоминание. Девятью девять – вот сколько раз они могут перерождаться.

– Ничего себе! И как же это происходит? Они же, как и люди, воспроизводятся обычным путём. А как насчёт котят? – ехидно заметил Матфей.

– Одно другому не мешает, – фыркнул ворон по-человечески. – Воспроизведение своего вида – это не обновление, а приумножение. Не нужно путать столь очевидные действия, молодой человек. Даже собаки размножаются, но они, увы, примитивы в сравнении с кошачьим родом, хоть и более близки к людям, да и не способны перерождаться.

– Так как же кошки умудряются обеспечивать себе вечную жизнь? – упрямо не сдавался юноша.

– Я же упоминал, что они расстаются со своим физическим телом, когда то негодно для дальнейшего применения, – терпеливо и медленно повторила птица, словно объясняла очевидную истину неразумному ребёнку.

– Но, а как дальше-то?

– А дальше, всё ещё проще. – Ворон прикрыл глаза и продолжил урок. – Кошачья душа образует новую телесную оболочку и вселяется в неё. И живёт себе далее. И так далее, и так далее.

– Но как кошка может образовать оболочку? – изумился такому объяснению Матфей. – Это же колдовство!

– Конечно, колдовство, – вздохнул Гамаюн. – Кошки же – демонические сущности. А раз им присуща тёмная природа, то и способностями демонов они не обделены. Это же так очевидно!

– Но как они себя воспроизводят в пространстве?! – воскликнул взволнованный невероятной мыслью Матфей.

– Они – искусные актёры и иллюзионисты, эти твари когтистые, – прислужник издал противный смешок. – Когда им нужно пустить пыль в глаза, они это делают по первому классу. Но заметь, если кот задумал красочно «покинуть» этот мир, он старательно пытается смыться из дому или с глаз долой. А затем где-то появляется поблизости бродячий кот или кошечка. Все беспризорные якобы коты и кошки – это обновлённый вариант переродившихся мертвецов.

– Ерунда какая-то, – пробубнил человек-союзник. – Бродячие коты – воскресшие домашние кошки? Быть такого не может.

– Если бы это было ерундой, то за мной триста лет не гонялся бы один наглый тип, аккурат каждые пятнадцать лет меняющий шкурки, будто модница шубы, – с шипением пробурчал ворон. – Вот полюбуешься, каким шрамом он одарил меня двести семьдесят три года назад, когда я имел неосторожность уснуть на ветке старого дуба!

Ворон демонстративно приподнял чёрный веер левого крыла, в доказательство полученной старым обидчиком раны.

– Ого! Отменная царапина, – согласился Матфей, разглядывая глубокий бурый росчерк – затянувшийся от времени рубец под крылом птицы.

– Его зовут Лиандр, – произнёс ворон имя врага с особой неприязнью и в тоже время с некой долей уважения. – Это могущественный демон кошачьего рода. И он не уgomонится, пока не перегрызёт мне горло.

– Но как тебя угораздило нажать себе в недруги этого демона-кота? – полюбопытствовал Матфей. Имя недруга прислужника ему отчего-то показалось знакомым.

– Я съел нескольких котят, по незнанию. Позже выяснилось: они были отпрысками Лиандра, – просто ответил Гамаюн. – Где ж мне было знать, что он так привязан к ним. Ведь кошкам из-за их бессмертной сущности редко присуща преданность. Они сами по себе. Точно проклятие какое-то.

– Тогда понятно, почему этот хвостатый чёрт за тобой гоняется. За такое и я бы тебя желал растерзать, – признался Матфей.

– Благодарю за милость, – холодно ответил ворон.

– Ты только об этом хотел со мной поговорить в эту рань? – спросил Матфей и снова зевнул от души.

Сон не оставлял его даже на морозной свежести улицы, затаившись, словно воришка за спиной и выжидая удобного момента, дабы накинуть на голову мешок дремоты.

– Не только, Матфей, – задумчиво сказал Гамаюн, он будто всё решался поведать о чём-то важном, но не осмеливался одолеть перепутье сомнений. – Эти твои новые друзья. Как бы нам всем плохо не было от этих нелепых союзов.

– Расскажи мне о бывшем союзнике, – попросил Матфей.

– Это не праздная история, молодой человек, это тёмное пятно моей памяти и скорбное бремя, – холодно буркнул ворон.

Прислужник вдруг отвернулся от собеседника, и Матфею показалось, что Гамаюн его элементарно бросит, взлетит и скроется в листве стремительно лысеющих ясеней, оставит союзника-человека одного.

– Мне важно это знать, Гамаюн. Важно знать всё о тебе, – поспешно прибавил к просьбе юноша.

– Зачем это? – Ворон обернулся, его глаза казались прозрачными в свете утра.

– Сеера сказала, что он был всеслухом, вроде меня. Ты должен понимать, что для меня это очень важно. К тому же, такие совпадения редко бывают.

– Ты послушал кошку и решил, что старый Гамаюн тебя обманул? – горестно упрекнул ворон. – Старый Гамаюн совершил ошибку дважды! Вот что совершил Гамаюн.

– Честно, мне плевать, как и что повлияло на твой выбор, Гамаюн, – несколько резко произнёс Матфей, но тут же сбавил обороты. – Ты мой прислужник, мой союзник и надеюсь, что в дальнейшем – и друг. Просто я не хочу совершить те же ошибки, что совершил твой ... э...предыдущий господин, чтобы самому их не повторить.

– Чего проще, – каркнул Гамаюн. – Не трепись со всеми подряд и не пей кровь. Тогда есть вероятность дожить до старости.

– Пить кровь? Твой союзник пил кровь?!

– Да. А что тебя так удивляет?

– Но кровь пьют только вампиры, да и то в страшилках! – воскликнул юноша. – Это ж чушь какая-то.

Ворон наклонил голову и с наслаждением почесал коготком в том месте, где под оперением было спрятано ушное отверстие.

– Молодой человек, демоны, конечно, питаются, как и люди обычной, привычной пищей. Но есть различие и в этой стезе меж кланами.

– Это ж что я ещё не знаю? – подозрительно прищурился Матфей.

– Ну, если демон растеряет силы, а они ему позарез необходимы, то он может восполнить их у другого демона, – изрёк ворон. – Этого ты тоже не прочёл. Не так ли?

– Я читал о демонах, Гамаюн, но о крови там ни слова не было, – напрягся юноша. – Это как же? Высосать энергию?

– Энергия питает силу. А в демоне её порой хоть отбавляй. Особенно в жирных и полных особях, – пояснил ворон. – Демон, можно сказать, окажет жирдяю услугу бесплатной липосакцией, если отсосёт ненужную подкожную оболочку одного.

– Фу! – Матфея передёрнуло от сказанного птицей, он поморщился. – Что за гадость ты говоришь?

– Это звучит гадко, молодой человек, но это действенная вещь, – фыркнул ворон, – и она может спасти тебе жизнь. Естественно, подобная процедура производится не каждый день, а в особых экстренных случаях.

– Я не буду высасывать чей-то жир! Это гадко, противно и негигиенично! – возмутился союзник, скривив рот в отвращении. – Противно!

– Тогда остаётся второй вариант, – подытожил ворон. – У демона есть кровь, в которой также накоплен приличный объём энергии. И уж она-то повкуснее жира.

– А это уже ни в какие ворота не лезет! Я не из вампиров, чтобы пить чью-то кровь!

– Поправочка: не вампиры, а вурдалаки. Они лишь агрессивная ветвь демонов, но всё-таки такие же демоны, как и ты, – заметил напыщенный ворон. – У них кишка не так тонка, как у большинства веганов.

– Веганов? – переспросил Матфей.

– О, веганами вурдалаки называют всех, кто питается обычной пищей или посасывает временами жирок, брезгуя запачкаться в кровушке. А вот они, эти кровососы, настоящие хищники и претендуют на главенствующую роль в демонической иерархии. Слава Тьме, эти кровопийцы пока не имеют веса во власти, иначе бы всем пришлось худо, и демонам и прислужникам.

– Час от часу не легче, – проворчал Матфей, сильнее ёжась от заметно набравшего силу утреннего ветерка. – Так твой бывший стал вурдалаком?

– Симеон, если быть справедливым в упоминании, – заметил Гамаюн. – Он был прекрасным юнцом, воспитанным, образованным, с амбициями и перспективами. Но его сгубило тщеславие. Одно роковое знакомство с вурдалаками и парень пропал. Поддался на их лесть и обещания, поверил их рассказам о грядущем могуществе. Он стал таким, как они, обычным наркоманом. И сгорел за полгода. Его естество не вынесло бремени крови и жестокости, что требовала его новая натура.

– Ты пытался ему помочь?

– А что толку? Он был невменяем. Ты видел наркоманов? Они адекватны? Вряд ли. Конечно, я был с ним до конца. До его конца, что был жалок и печален. Его имя помню лишь я и больше никто. И такой итог ждёт любого, кто свяжется с вурдалаками, кто попробует кровь и подастся её вкусу. Так и знай.

– Я не собираюсь кого-то кусать и пить чью-то кровь, – поспешно заявил Матфей, его передёрнуло от одной мысли о подобной перспективе.

– Симеон также говорил, но вурдалаки хитры и изворотливы. Они обманом способны подвести к последней черте новичка и утопить его единственным глотком.

– И всё-таки, я не собираюсь становиться одним из этих наркош, – повторил Матфей. – Гамаюн, давай на сегодня сделаем паузу, мне скоро на работу, ещё домой надо вернуться и незаметно проскользнуть мимо родителей. Иначе они начнут задавать вопросы, а это меня доконает вконец. Я не готов в такую рань давать объяснения. Пока я живу в одном с ними доме.

– Хорошо, молодой человек, – согласился ворон. – Вечером я загляну к тебе. И... это... будь осторожен.

Туман скоро растаял. Ветер крепчал, будто сатанея на весь мир за какую-то провинность, нагонял на безмятежную синь неба грязные, серые тучи, силясь скрыть надземную бирюзу, спрятать её от всех земных глаз выцветшими рваными тряпками мутных облаков, изношенных и старых как само время.

Матфей прибавил шаг, по легкомыслию он надел тонкую куртку, отправившись в Ясеновый парк, и теперь ругал себя за опрометчивость, ёжась и засунув ладони глубже в карманы.

Листья, точно снаряды, срывааемые лихим озлобленным ветром с возмущённых подобным произволом деревьев, летели юноше в лицо, неприятно шлёпая по щекам, будто вызывая на дуэль. А затем на краткий миг Матфей обернулся назад, сам не зная зачем – что-то потребовало его немедленного внимания позади. Что-то, что он почувствовал.

Мешанина из охристо-красных и зелено-бурых листьев следовала за ним. Вначале Матфей решил, что это ветер подгоняет кучку листьев аккурат по его следам, ведь воздушный напор порывистыми толчками пихался в спину. Но пройдя ещё с десятков шагов, молодой человек обратил внимание на то, как принималась извиваться и вилиться палая листва, когда он попытался идти зигзагом. А когда он резко остановился, то этот лиственный шлейф, натолкнувшись на его ноги, замер на месте и не двигался до тех пор, пока Матфей не возобновил ход.

Тогда юноша побежал, надеясь оторваться в Ивовом переулке от преследовавшей его буквально по пятам змеившейся чертовщины. Он вспомнил предыдущие подобные случаи, правда, они прекратились ещё десять лет назад, и сегодня был первый раз за то истёкшее время. Но что-то же это спровоцировало? От этого живого хвоста из палых листьев ему и в прошлом было не по себе, но сегодня стало особенно жутковато, наверное, оттого, что он успел подзабыть, а память заботливо спрятала неприятное воспоминание в один из бесконечных уголков-тайников, успев за десять лет покрыть детское восприятие пылью забвения.

– Молодой человек! – его окликнул незнакомый мужской голос.

Матфей едва не споткнулся от неожиданности, он сбавил шаг, но по инерции ещё брёл, сильно отдуваясь.

– Э, юноша! Прошу!

Незнакомец стоял в стороне по другую сторону проезжей части, небрежно прислонившись боком к кирпичному фасаду здания и скрестив ноги. Безмятежный и не обращающий внимания на ветер, будто его и не было. Серый человек. Всё в нём было серым: пальто с высоким воротником-стойкой, доходившее до колен, прямые и идеально выглаженные со стрелками брюки, лакированные ботинки и продетые в них шнурки и те были мышиного цвета. Даже возраст незнакомца имел налёт невзрачности – одолевший рубеж зрелости, но ещё не старик. Лишь гладко зачёсанные назад волосы ярко чернели, разбавляя серость необычного господина. На правом плече «серого» человека величаво восседала сова, огромный филин, выпучив на Матфея в каком-то особом интересе янтарные глазища.

– Ну же, прошу, подойдите, я не кусаюсь, – шутливо обратился к юноше незнакомец, но при этом его глаза стального оттенка ничего не выражали. Застывшим было и лицо, будто жил в том человеке только голос.

– Что вам нужно? – рассеяно, спросил Матфей, не имея никакого желания приближаться хоть на шаг к странному типу и оглядываясь назад. Листья вроде бы отстали от него.

– Вы что-то потеряли? – переспросил незнакомец.

– Что?

– Ну, вы всё смотрите позади себя, будто что-то потеряли или обронили, – в насмешливой манере продолжил говорить мужчина, но юноше послышались нотки издёвки в голосе «серого» с совой. – А может, за вами кто-то гнался? Вы ведь бежали куда-то. Или от кого-то?

Матфей тут же вскипел. Наглая манера и бесцеремонное любопытство чужака в его дела вызвали не столько удивление, сколько раздражение. Да кто он такой, в конце концов, этот серый типчик, чтобы подобным образом обращаться к нему?!

– Я не понимаю, кто вы и какое вам дело до того, куда и зачем я бегу? – взорвался парень.

– Я просто человек на улице, – спокойно ответил незнакомец. Скошенные уголки его рта чуть приподнялись в подобие ухмылки, гнусной, отталкивающей. – Не кипятитесь. Все проблемы нынешней молодёжи в несдержанности. Не так ли, Шаакс?

Вопрос был адресован филину до того невозмутимо хранившему молчание.

– Полностью согласен с тобой, господин, – низким зычным голосом отозвалась сова и, впери в Матфея недобрый взгляд, добавила. – Молодёжь совсем обнаглела, воспитание из года в год всё хуже и хуже. Скоро эти молокососы будут вместо почтения плевать в спины старикам. Куда катится мир? А, куда?

Матфей едва сдержался от ответа нахальной птице, но вовремя вспомнил наставления Гамаюна и решил проигнорировать едкие высказывания. Он резко перевёл взгляд на фасад соседнего дома. Какая ирония: стена словно импонировала нагловатой парочке ровной серой твердью.

– Да нет, Шаакс, не все юноши высокомерны и не воспитаны, как этот молодой человек, – язвительно заметил серый мужчина. – Но всё-таки, куда же он так спешит?

– Куда ты спешишь, сопляк? – ухнул филин и посмотрел на Матфея столь дерзко и вызывающе, что у юноши от подобной наглости сжались ладони в кулаки и нестерпимо захотелось свернуть задиристой птице шею. – Чего молчишь, будто язык в одно место засунул? Я же вижу, что ты меня *понимаешь*.

Тут Матфею пришла в голову мысль – продолжить свой путь, целиком игнорируя странную заносчивую парочку. Что он и сделал, резво развернувшись и быстро зашагав прочь. Но как только он проделал несколько шагов, мужчина вновь его окликнул с издёвкой, сильно отдающей желчью:

– Молодой человек, разве вам не кажется странным, что человек разговаривает с птицей? Или вы подобное наблюдаете повсеместно и каждый день?

– Мало ли сумасшедших в наши дни, – бросил Матфей, не оборачиваясь, он опасался, что не совладает и выдаст себя перед незнакомцем и его чересчур наглой птицей. – Что ж теперь на каждого внимание обращать?

Ответа он не расслышал, потому что вступил в подворотню и угол скрывшего его дома приглушил уханье филина.

– Ну что, друг мой, Шаакс, – обратился человек в сером к пернатому спутнику. – Это он?

– Безусловно, господин Идёр, – учтиво отозвался филин с новой интонацией в голосе. Весь облик птицы изменился – прежние невозмутимость и вальяжность исчезли, уступив место суровости и холодной расчётливости. – Это всеслух.

– Но он не отреагировал на твою провокацию, – с долей сомнения заявил хозяин совы. – Я должен быть уверен на все сто, что он именно тот, кто нам нужен.

– Уж поверь, господин, он ещё как отреагировал, – сухо и твердо произнес филин. – Шаакс видел достаточно.

– Что ж, наше дело сделано, остальное за ребятами из зачистки.

9. Круг сужается

Не успел Матфей прикрыть за собою дверь, как комнату огласил напористый и громкий стук. Шум исходил со стороны окна. Матфей, старавшийся пробраться в спальню как можно тише, считал себя неповоротливым слоном: не мудрено, в столь ранний час любой звук удесатерялся и разносился по дому, а у Виды сон утренний был чуток.

Вот и помчался к окну Матфей, раздосадованный дополнительным источником шума, надеясь, что мать ничего не услышит. Он отдернул занавеску и обнаружил то, что и ожидал

увидеть – Гамаюн молотил клювом по стеклу с частотой, которой мог позавидовать барабанщик. Как только ворон понял, что его усилия замечены, барабанная дробь тут же прекратилась.

– Слушай, приятель, когда-нибудь стекло не выдержит твоего напора и разлетится к чертям. Ты бы лучше по раме колотил или карнизу что ли, – полушёпотом процедил Матфей, приоткрыв окно и впуская ворона. – Мы же недавно расстались, и ты вроде бы не собирался возвращаться сюда до вечера. Что-то случилось?

– Если бы я не знал, что ты так невоспитан, то решил бы, что ты не рад мне, – с незыблемым апломбом раскатисто прокаркал Гамаюн. – Я твой союзник и вольный, мне не нужно заведомо уведомлять тебя о своих визитах. Это унинительно и лишне.

– Я рад тебе, но буду признателен, если ты не будешь шуметь, – шёпотом попросил юноша и тут же пояснил, – родительская спальня напротив моей комнаты. Нам же не нужны лишние проблемы?

– Ты прав, молодой человек, – согласился ворон и заговорил тише, – но обстоятельства несколько изменились. Поэтому я здесь.

До сего момента Сеера недвижно возлежавшая на подушке как на пьедестале, словно египетская кошка в древнем храме, поднялась и сошла с нагретого ложа, предпочтя перекочевать на колени человека, который устало плюхнулся на постель. Рарог осторожно высунул голову из своего укрытия внизу, считая разумным оставаться до поры под кроватью.

– Что произошло, Гамаюн? – спросил Матфей. Его ладони опустились на гладкую шёрстку кошки и рассеяно принялись гладить её голову и спинку, в ответ раздалось довольное мурлыканье.

– Когда мы распрощались в парке, по пути обратно ты ничего необычного не заметил? – поинтересовался ворон, он был крайне чем-то обеспокоен, его глаза потемнели и стали черны, как шкурка Сееры.

– Даже не знаю, – задумчиво произнёс Матфей, поглаживая наострѐнные кошачьи ушки. – Не считая одного наглого типа, ничего.

– Что за тип? Расскажи подробнее, – потребовал Гамаюн, его хриплый голос наполнился волнением и тревогой, как в тот день, когда он выяснил, что Матфей – необычный демон.

– Да какой-то никакой, серый. В первый раз встречаю человека одетого во всё серое, – заметил Матфей и тут же нахмурился. – Безликий тип. А вот птица его была сущая гадость. Грубила, обзывалась. Противная сова.

– Что?! Ты сказал сова? – встрепенулся Гамаюн, гладкие, аккуратные пѐрышки на голове и шее птицы тут же взъерошились, как у ежа иголки. – А точнее? Филин?

– Не знаю, я не разбираюсь в совах. Может, и филин. У неё ушки были, – неуверенно отозвался юноша. – А что не так с совой-то?

– Ой-ой-ой! Ой-ой! – раздался испуганный возглас из-под дивана. Саламандр снова забился в своё укрытие, выдавая писклявые завывания – ну точь-в-точь азбука Морзе.

– Дьявол Вездесущий! Да всё не так! – прокричал Гамаюн, тотчас позабыв об обещании не шуметь. – Матфей, это же филин праведника!

– Только не это! – кошка напряглась и вздрогнула на коленях.

– Какого праведника? Того в сером? – переспросил юноша. Неприятный холодок прошѐлся меж лопаток, хотя Матфею было даже жарко после полуходьбы-полубега домой.

– Да. А ты думал, что сотрудники этой службы ходят в чёрном? – с иронией произнес ворон и издал клокочущий звук, который однозначно означал нечто неприятное, но непереводаемое на человеческий язык.

– И что из того? – Юноша нахмурился, думать ещё об одной проблеме не хотелось. Слишком уж их много скапливалось на одной неделе. А что же дальше тогда его ждёт?

– Да ты просто неуч непробиваемый! – воскликнул Гамаюн так громко, что Рарог, испугано пискнув, утих, а Сеера недовольно фыркнув, неодобрительно зыркнула в сторону птицы. –

Сколько я тебе твердил – читай, учи, наматывай на корочку. А ты? Тебе бы где-то шлаться, да с девицами болтать. Конечно, это приятнее, чем образование повышать. Я же тебе говорил: ты – мишень номер один для праведников и лакомый кус – для вурдалаков. Горе, горе, горечко! То-то я чуть не столкнулся в небе с филином, смотрю, тот несётся, как ошпаренный в сторону запада. Наверняка в Аркону наострился, там их центральный штаб.

– Может не всё так плохо? Просто чудак какой-то с совой, – осторожно предположил Матфей, хотя в такого рода крупное совпадение верилось не то чтобы с трудом, вообще не верилось.

Сеера спрыгнула с колен на пол и встала под подоконником, на котором в тревоге расхаживал ворон. Кошка села на задние лапы, вновь напомнив изящную статую древности, её зелёные глаза сохраняли покой, а месяц поперёк левого глаза белел ярче обычного.

– Ворон прав, господин, – наконец и она вступила в напряжённый диалог. – Вне всяких сомнений то был праведник. Я подобных навидалась. Не в этой жизни, но в предыдущих достаточно. Это скользкие и опасные демоны. Они не лучше вурдалаков, даже хуже.

– И что же теперь делать? – задал самый очевидный вопрос Матфей.

– Бежать! Линять! Рвать когти и крылья! Сматываться! Спасать шкуры и головы! – записал особо тонко и гнусаво Рарог.

Саламандру надоело отсиживаться в тени, и он выполз на свет, заняв позицию между кошкой и человеком.

– На этот раз я согласен с саламандрой и советую принять совет, как можно скорее, – назидательно каркнул Гамаюн. – В нашем случае любое незначительное промедление может стоить жизни каждому из нас.

– Ну и что же? Мне сию минуту паковать чемодан и вместо завтрака расцеловать мать в щёки, обнять отца и свалить в неизвестном направлении невесть на какой срок? – иронично заметил Матфей. – Вы это мне посоветуете? Поддаться всеобщей панике и бежать, куда глаза глядят?

– Панике не стоит поддаваться, молодой человек, – осёк его ворон, он пристально посмотрел на кошку, затем на ящера и после продолжил. – Не бежать, а уходить, необходимо сегодня до наступления ночи. Эта праведная братия планирует захват в тёмное время, когда демоны особенно расслаблены и особого отпора не смогут дать. Прислужники не в счёт. Их первыми устранят, как помеху.

– То есть, Ксафан и мамин хорёк...

– Да, они будут первыми, если ввяжутся в бой, – сурово подтвердил Гамаюн.

– А если нас здесь не будет, а праведники об этом знать не будут, то они же всё равно нападут и тогда, тогда..., – юноша запнулся, от жуткой мысли и живо представившейся картины бойни в родном доме дыхание спёрло до глухой колкой боли в груди.

– Если мы покинем дом задолго до вечера и дадим знать этим мерзавцам, что тебя, господин, там нет, то, думаю, они отменяют облаву, – промурлыкала Сеера.

– Но как им дать знать, что меня тут нет?

– Достаточно пошуметь где-нибудь в городе, подальше от дома, – подсказал Рарог. – Эти серые мозгляки везде имеют свои уши. Ночью им глазами служат совы, а днём – куницы, которые обладают отменным нюхом и острым слухом.

– Но сперва, нужно решить, куда мы отправимся, Матфей, – каркнул Гамаюн. – В Вирии находится опасно. Если они вычислили тебя в Горницах, то и в остальной части страны им не составит труда тебя отыскать.

– А в другой стране они меня не разыщут?

– Разыщут, но мы выиграем время. Охота на всеслуха объявлена открытой, раз один из их агентов оказался так близко от твоего дома.

– Странно, что он не последовал за мной следом, тогда бы мог узнать и мой адрес, – озадачено произнёс юноша.

– Он прекрасно знает, где ты живёшь, раз устроил тебе проверку, – каркнул ворон. – Неужели ты думаешь, что он случайно там оказался в ранний час? Всё спланировано заранее. Это была проверка. И ты её провалил, раз филин полетел на запад, оставив своего господина. За тобой давно мог быть хвост.

– Хвост, хвост, – задумчиво произнёс Матфей, – сегодня меня преследуют сплошь хвосты.

– О чём это ты? – насторожился Гамаюн.

– Ну, я не придал значения тому, что было после нашего с тобой разговора и до встречи с тем неприятным типчиком и его зловредной птицей, – неуверенно сказал Матфей.

– Ну и? Из тебя клещами нужно всё вытаскивать, молодой человек? – нервозно каркнул союзник.

– За мной волочились листья, – вовсе утратив уверенность в голосе, промолвил юноша. Он крепко сцепил ладони вместе, да так сильно, что костяшки побелели. – Я не знаю, как это объяснить, но они будто следовали за мной. Как бы преследовали. Я раз остановился, чтобы убедиться в этом и эти самые листья замерли у моих ног. Странное зрелище.

Рарог забавно пискнул, Сеера протяжно мяукнула, а Гамаюн издал надрывный трескучий звук, больше напоминавший кашель старика.

– Это же плетун! – первым выкрикнул Рарог. – Давненько о них не слышал. Умора у вора, а у кота маята.

– Кто это? – тихо спросил Матфей, сконфуженный непонятной реакцией союзников.

– Это самое безобидное создание, господин, – с готовностью услужить, пояснила кошка. – Плетуны или Плетущиеся всего-навсего – безмолвные призраки. Они всего и могут, что управлять мелкими и лёгкими предметами, вроде листьев. Но плетуны редко себя обнаруживают, выбирая в объект сопровождения исключительных демонов.

– Ну ещё бы, всеслух как раз – исключительный демон. Разве не так? – угрюмо заметил Матфей.

– Возможно, господин, – пискнул Рарог. – В других странах их называют Сопроводителями или Сопровождающими.

– А я слышал, – не упустил своего случая вставить поучительную нотку и Гамаюн, – что они появляются накануне чего-то важного, чего-то рокового. Будто бы они – вестники, – и тут же поспешно добавил, ощутив, как зловеще прозвучали его слова для остальных, – но это всего лишь слухи, в книгах же нет ничего подобного.

– Нет, ну почему же, – откликнулся Матфей. – У меня же состоялась встреча с этим серым типом, значит, не все слухи – выдумка. Если подумать, то это не первая моя встреча с плетуном. До двенадцати лет я частенько их замечал, особенно по осени.

– Значит, в твоей жизни тогда было много чего важного, но ты просто не знал о плетунах и не мог сопоставить их связь с событиями, – изумлённо присвистнул Рарог. – Да и откуда тебе было в ту пору знать о них.

– Это сейчас не важно, – оборвал восхищение саламандра ворон. – Давайте решать, куда нам направлять путь. Есть соображения?

Не просто жаркий, нет, до исступления яростный спор добрых полтора часа сотрясал наэлектризованный до предела воздух Матфеевой спальни. У каждого союзника имелись убедительные доводы в пользу своего выбора.

– Ну, конечно же, нужно идти в Агнишандир, – напористо выкрикивал Рарог, тыча коготком в оранжевый силуэт диковинной страны, таинственно взиравшей на спорщиков с разво-

рота карты Терриуса. – Это, безусловно, великолепный культурный край. И там нас праведники не смогут так легко отыскать, как в Горницах.

– Признайся, Рарог, ты хочешь воспользоваться случаем и навестить родню, – язвительно упрекнула ящера Сеера. – Всем известно, что в Дханпуре обитает клан огненных саламандр. И ты ни за что меня не переубедишь, что туда тебя толкает не личная выгода, а святая бескорыстность.

– Может и так, – пискнул глубоко задетый саламандр. – Но, а ты-то что предлагаешь? Гористепь? А, может быть Ялины? Нет, дай-ка угадаю... Чимантус! Верно?

Кошка холодно зыркнула и предпочла смолчать.

– Я даже знаю, почему именно Чимантус, – заверещал гневным гномьим голосом Рарог. – Не оттуда ли ты родом, подруга?

– Не в этом дело, – решительно начала кошка. – Там довольно тихо и мирно, долина серебряных гейзеров. Можно было бы затаиться на время, пока...

– Пока что? Там делать нечего, – зашипел ящер. – Гейзеры да бескрайние пустоши. Никакой культуры.

– Мы можем отправиться в Диспатренг для начала, – вставился в горячий поединок ворон. – А оттуда можно продвигаться на запад.

На какое-то время Матфей предпочёл за благо отстраниться от жарких прений. При очередном выкрике неизвестной области, он тут же устремлял взгляд на карту, выискивая новинку, а обнаружив, тщился тут же записать название на корешок памяти. Оставалось гадать: так ли сильны различия меж знакомым ему миром и этим, причудливым, цветастым узором на сложенном вчетверо листе обычной бумаги.

– А может на остров Элигас? – проревела Сеера, совершенно игнорируя слова Гамаюна.

– Ты в своём уме? – с присвистом прошипел Рарог. От возбуждения он встал на лапки и, выгнув спину, принялся покачиваться взад-вперёд. – Там время и скорость расходятся. Время отстаёт от скорости мысли. Демоны там медленно стареют, а смертность на острове низка.

– Разве это плохо? – поинтересовался Матфей, нервозно посматривая на часы. На работу он опоздал и ожидал с минуты на минуту звонок из «Вижин-Март». Самому звонить туда не было никакого желания.

– Это хорошо, пока ты на острове, – принялся объяснять Рарог. – А стоит его покинуть, и всё заторможенное время вернётся к тебе сторицей. Это опасный эксперимент. Я против.

– Хорошо, тогда остров Пут, – кинула очередное предложение Сеера, она не собиралась проигрывать спор. – Чем не отличное местечко для временного житья.

– Ты в своём уме, милочка? – на этот раз на кошку накинулся ворон. – Да я сам скорее дам себе перегрызть горло, нежели допущу подобную глупость и отправлю на остров Матфея. Пут перенасыщен удушливыми газами – из-за избытка нефти на острове, чужакам там нечего делать. Мы и часа там не продержимся. А вот Персиадандж вполне сойдёт для нас всех.

– Осо! – выкрикнул Рарог. – Знаю, вы не одобрите, потому что там живут мглистые шаманы и на чужаков они насылают белый туман. Туман выходит из чудовищного по мощи взрыва и порождает сильный, шквалистый ветер, способный сметать недругов, деревья и даже дома. Если что-то идёт не по сценарию мглистых шаманов, то из тумана исходит отвратительный запах – горький, выманивающий из укрытия, чтобы жертва, не выдержав вони, покинула убежище и попала под силу ветра. Но если нам удастся с ними договориться, то вся эта пакость нам не страшна. И там мы точно сможем надолго задержаться.

– Я бы не строил столь иллюзорных планов насчёт Осо, – сухо заметил Гамаюн. Ворон был взъерошен сильнее прежнего и, казалось, ещё немного испытания его терпению и он накинется на саламандру и кошку. – Учитывая столетнюю вражду шаманов и демонов, нам там кроме зловонного тумана ровным счётом ничего не светит. Советую не останавливать выбор

на островах, лучше присмотритесь к материкам. Чем больше земля – тем труднее на ней сыскать нужный камень. Так говорил мой дед, а он был великим прислужником.

– Но как же Ситрич, или Фонзага, или Эйшет? – упрямо гнула своё Сеера. Кошачьи глаза-изумруды полыхали нетерпением и жадой победы. – Наот-Ра – превосходный уголок для беглецов. В стране вечные сумерки, нет дня и ночи. Чем не убежище для нас всех?

– Так-то так, но я плохо вижу в сумерках, а для господина долгое пребывание в землях Наот-Ра может пагубно сказаться на рассудке, – мрачно изрёк ворон. – Об этой стране ходят всякие мрачные рассказы. Говорят, в тех землях сокрыт прямой вход в Навь. Я не хочу лично проверять – правда это или рассказы.

– Ну, тогда, может, ... – продолжил попытку Рарог.

– Хватит! Я устал выслушивать предложения одно нелепее другого, – пронзительно каркнул Гамаюн, грубо прерывая саламандра, чем вызвал новую порцию шипения и покачивания ящера. – Это поход нашего союзника и решать только ему. Матфей, ты должен принять решение за всех нас. Это твой путь.

Такого поворота юноша явно не ждал. Он застыл в растерянности, всецело позабыв о работе и всём прочем, что держало его в реальном привычном мире.

– Но я не знаю этих стран, – упавшим голосом бросил он в тишину мгновенно образовавшуюся, зловещую и беспощадную. – Я ничего не знаю о Терриусе и его землях. Как я могу?

– А ты просто ткни наугад, – желчно пискнул Рарог. – Всё равно, куда ни кинь, всюду что-то с подвохом.

– Я бы не советовал так поступать, – поспешил остеречь ворон. – Я не верю в удачливость.

– Оно и видно, пернатый, – ехидно промурлыкала кошка, пройдя мимо Гамаюна и как бы ненароком легонько хлестнув ворона хвостом.

Матфей придвинул карту ближе и, вглядываясь пристально в очертания материков и островов, нахмурился. Выбрать место для временного убежища – слишком ответственный шаг. Он верил в удачу до этих пор и надеялся, что она не оставит его и в дальнейшем. Поэтому вдохнув глубже и затаив дыхание, он произнёс на выдохе:

– Пусть будет Тартарруса!

Обозначенная тёплым жёлтым цветом, земля уютно льнула к Вирии с запада, обхватывая левый бок страны, как заботливая материнская рука.

– Ты уверен, господин? – тревога прозвучала в словах Сееры. Что-то пугало её в выборе Матфея.

– Не знаю, я ведь ничего не знаю, – ответил юноша и уже вознамерился поменять решение, как ворон решительно пресёк его пронзительным ором.

– Дьявол Всезрящий! Решено! Тартарруса! Так тому и быть.

И Матфей сдался, решив надеяться на удачу, благо ему не досталась в наследство материнская невезучесть.

– Сына, ты куда? И почему ты не на работе? – окликнул Матфея голос матери, когда он тишком постарался проскользнуть мимо кухни, дабы незамеченным выйти из дома.

– Проспал, мам, – поспешно соврал Матфей, как обычно залившись румянцем и проклинавшая предательскую натуру своего естества – отчего-то он не умел врать, всё в нём противилось лжи, и даже самая невинная выдумка давалась ему с трудом и угрызениями совести. Друзья его порой за это качество дразнили «юродивым» и «правильным». – Как раз спешу в Вижн. Что-то случилось?

Мать возникла в кухонном проёме, и нечто в облике Вида насторожило Матфея. Женщина, всегда дотошно следившая за собой, предстала пред ним совершенно иным человеком: прежде идеальные завитки волос сваялись в хаотичные колтуны, будто над ними поработал

сумасшедший парикмахер; светлая зелень глаз потухла и поблёкла, а под нижними веками обозначились едва заметной синевой полукружья. За одну ночь Вида состарилась лет на десять.

– Что-то случилось, мам? – переспросил Матфей, прервав свой отход к прихожей и тут же нацелившись к кухне.

– Мы можем поговорить, сына? – спросила она в свою очередь убитым и, как ему показалось, загробным голосом.

– Конечно, мам, но что случилось-то?

Велизар был подле хозяйки, он белым облачком кружил вокруг госпожи, беспокойно поскуливая и натирая Видины ноги пушистой мордочкой, будто пытался утешить женщину. Даже появление Матфея не отвлекло хорька от долга.

– Что это с твоим хорьком? – поинтересовался Матфей, но мать, будто не расслышав его, повернулась спиной, прошла в кухню, тяжело плюхнувшись на один из столовых стульев у окна.

– Правильно говорят: беда не приходит одна, беда приводит орду напастей, – глухо заговорила Вида. Велизар жалобно пискнув, взобрался к ней на колени и, облокотившись лапками на грудь, потянулся мордочкой к её лицу. Его красные глазки с тревогой взирали на госпожу и умоляли о чём-то. – Мичлов Граник мёртв.

– Это тот, что с отцом работает?

– Он самый, – кивнула мать и склонившись к хорьку, обхватила того и прижала к себе, будто маленького ребёнка. Велизар лишь еле слышно тяфкнул. – Рано утром позвонили отцу и сообщили, что Граник мёртв. Его убили, Матфей.

– Как убили?! – вскрикнул юноша, ощутив, как ледяная струя страха пробежала по его телу.

– Мы не говорили тебе, сына, но Мичлова искали больше недели, – продолжила Вида нелёгкое повествование, отбравшее у неё последние остатки сил. – Мы не хотели тебя попусту тревожить. Напарник Юстина не вышел на работу и сперва решили, что он приболел или загулял. Что взять с холостяка в тридцать девять лет. Бес в ребро и всё такое. Но прошёл день, затем второй, третий, начальство забеспокоилось, на звонки Мичлов не отвечал. Тогда-то к нему и отправили Юстина, чтобы он вразумил напарника. Но Юстин не нашёл в квартирке Граника и намёка на его пребывание. Голый шкаф, кровать без белья да отключённый холодильник с пустыми полками. Мичлов покинул жилище с вещами.

– Но зачем? – Матфей сел напротив Виды не в силах стоять. Ноги дрожали и холодели в ступнях.

– Этого нам неизвестно, – продолжила женщина. – Но с того дня Граника объявили в розыск, негласно, конечно. Раз он сбежал с вещами, да так поспешно, значит, на то у него были свои причины. Но руководству компании необходимо было закрыть это дело чистым, без мутных концов. Понимаешь?

– Ага, – кивнул Матфей.

– И вот утром Юстину позвонили и сказали, что Мичлова Граника нашли. Да ни где-нибудь, а в Калиновой пустоши.

О Калиновой пустоши знал каждый житель Горниц. На востоке городка, словно когтистый репей, цеплялся к объездной автостраде кусок болотистой земли, заросший частоколом кустарника калины. Мелкую детвору пугали этим местом ребята постарше, рассказывая всяческие страшилки и небылицы, в то время как сами меж собой устраивали соревнования на храбрость по одолению брошенной земли. Взрослые же, правда, далеко не все и не часто, навевались в Пустошь за ягодой и грибами, произрастающими в избытке каждый год с завидным постоянством.

– Что он там делал? – спросил Матфей.

– Не знаю, сына, но чтобы он там ни забыл, это стало его последним делом в этой жизни, – отозвалась ледяным голосом Вида. – Видишь ли, Матфей, всё дело в том, как он умер. У него была разодрана шея. Головы и вовсе не было. Тело нашли безголовым, а это может говорить только об одном.

– Собаки? Волки? – предположил юноша, не в силах оторвать руки от груди, где они были скрещены в защитном обереге.

– Хуже, Матфей, всё намного хуже, – донёсся, словно из глубин бытия голос Виды. – Так поработать могли только волчьи псы.

– Что ещё за псы такие?

– Это прислужники вурдалаков – смесь волков Мириса и собак Мирностана. Жуткие твари, громадные, жестокие и послушные только своим хозяевам. Они убивают жертву как волки и собаки, но в отличие от тех, волчьи псы способны отгрызть голову.

– Какая жуть. Откуда тебе известно столько подробностей, мам?

– Это сообщили Юстину по телефону, – произнесла Вида ровным, как линия смерти на мониторе кардиографа, голосом. – Уж не знаю, стал ли Мичлов одним из этих упырей или пал их случайной жертвой, но всё это не к добру. Насколько мне известно, город около двух недель будоражат таинственные исчезновения демонов. Тела некоторых находят какое-то время спустя, как Мичлова обезглавленными. Может, и других позже обнаружат где-нибудь в Пустоши или в другой какой дыре. Сейчас меня беспокоит другое.

Видины руки бессильно упали, разжав крепкие до того объятия, и хорёк повис на её правом плече, цепляясь коготками за платье. Велизар ловко подтянулся и, обвинив хозяйку позади шеи, словно шикарный снежный ворот, замер на плечах, свесив задние лапки.

– Госпожа, – проскулил хорёк тихо-тихо, но хозяйка не отреагировала на его молящий призыв.

– После семи за твоим отцом приехала машина и увезла его, – потухшим, как глаза, голосом выговорила мать. – По телефону в единственном звонке было сказано, что его отвезут в морг для опознания, а затем зачем-то в участок для каких-то показаний. Нелепица какая-то. Я возражала. Такая рань. Всё это могло и подождать, ведь Мичлов уже никуда не денется... Но что-то сказанное в трубке подстегнуло Юстина, и он заторопился. Никто не звонил в дверь. Мы услышали шум подъехавшей машины и короткий требовательный сигнал клаксона. Юстин оделся и вышел. Даже когда он приблизился к машине, никто не вышел, пассажирская дверца отворилась, и Юстин сел. Я пыталась разглядеть водителя и тех, кто мог быть с ним, но стёкла были непроницаемо черны. Тогда страх поразил меня, и я вылетела, как ошпаренная на улицу, выкрикивая имя твоего отца, но к тому моменту машина скрылась с Пихтовой улицы.

– Может не всё так страшно, мам? – Матфей дотронулся до ледяной ладони матери.

– Боюсь, что всё ещё хуже, сына. Юстин обещал позвонить, как только освободится. Но прошло уже больше трёх часов. Я звонила, но его телефон выключен. Я не понимаю, что там так долго...

– Может он забыл, ты же знаешь, что отец частенько забывает про телефон.

– Не думаю, Матфей. Это не тот случай. К тому же Ксафан исчез из дому час назад. Велизар предполагает, что он отправился на розыски хозяина, тот второпях забыл прихватить прислужника, и Ксафан себе места не находил, и видимо окончательно отчаявшись решился разыскать Юстина. Может, ему и удастся.

– Ты полагаешь, что это... это вурдалаки? – осторожно предположил Матфей.

– Не обязательно, – ответила мать, сидя безвольной куклой перед ним. – Кроме них полно паршивцев.

Отчего-то слово «праведники» вслух никто не желал произносить, будто опасаясь лишить себя последней надежды или ненароком накликать беду. Вдруг Вида напряглась, а

лицо её побелело. Велизар, точно ударенный током, слетел с хрупких плеч хозяйки и, жалобно твякнув, вжался в пол под её стулом.

– Ну что, доволен, мальчишка? – Красные глазки-бусины злобно сверкнули снизу-вверх. Хорёк говорил так, что слышно было только Матфею. – Радуйся, ты навлёк на дом госпожи беду. И если она пострадает, если хоть слезинка омочит её прекрасный лик – я найду тебя, где бы ты ни был и перегрызу тебе глотку! Фых!

От подобной яростной до иступления речи юноше стало не по себе. Хоть он и сильно сомневался, что альбинос сможет осуществить план мести в случае худших прогнозов, красные огоньки бешенства в глазах Велизара, убедили, что в покое Матфея он точно не оставит.

– Матфей, тебе срочно нужно бежать! – с возбуждением столь внезапным, и резко противоречащим спокойствию сомнамбулы секундой назад, выкрикнула Вида, крепко вцепившись холодными пальцами в ладони сына. Лицо её исказили страх и отчаяние. – Они вернутся! Обязательно вернутся. Это вопрос времени. И ты будешь следующим. Эти дьяволы пронюхали и знают *кто* ты! Не мешкай и беги. Я помогу, дам денег, только беги, спасайся, сына! Ещё одной утраты я не переживу.

– Мам, ты говоришь так будто отец уже...

– Я боюсь этого, но оттого, что я боюсь, не значит, что с ним уже не может быть всё кончено. Если *они* садятся на хвост, то не слезают.

– Я как раз собирался тебе сказать, но чуть позже – сегодня днём я уйду и...

– Не говори мне, *куда*, Матфей, чтобы я не могла тебе навредить. Они умеют вытаскивать на дьявольский свет истину даже из самых стойких молчунов. Даже, если ты всем нутром против этого.

Пять минут потребовалось на подъём и скорый сбор необходимого. Ещё пара вязких, словно древесная смола, минут растеклась в цепких объятиях, из которых Вида с глухим воем высвободила сына, вытолкнув его за дверь, чтобы тут же её наскоро захлопнуть.

10. Собрание дружеского круга родственных душ

Он не желал быть трусом, ведь бегство из родного дома, на его взгляд, само по себе являло поступок постыдный, низкий, не достойный его. Неопределённость отцовской участи ещё сильнее разрывала его изнутри. Как мог сын оставить мать одну, не зная, что случится с ней после его ухода, и как возможно оставлять Горницы за спиной, когда судьба Юстина мрачнела в тени неизвестности? Он не мог, не желал, не хотел. Если бы только знать, что с отцом и матерью всё будет в порядке, тогда бы он отчалил из городка с меньшим грузом вины.

Союзники нагнали его за калиткой. Рарог перекочевал с земли в карман куртки юноши, а Сеера семенила тонкими лапками чуть позади, всё больше ныряя в сумрачные уголки Пихтовой улицы. Ворон же кружил сверху, напоминая древнюю хищную птицу, выискивающую зазевавшуюся жертву.

– Что ты надумал, господин? – донёсся обеспокоенный писк из левого кармана куртки. – Куда мы направляемся?

– Я не могу так просто взять и уйти, – процедил сквозь зубы Матфей. Новая для него решимость, пугающая своей одержимостью, завладела им, как только дверь позади захлопнулась с надсадным скрипом, будто дом стонал, страдая вместе с ним. – Не могу! Я должен поговорить с ними.

– С кем?! – взволновано заверещал саламандр, нервозно заёрзав внутри тёплого укрытия. – Только не с праведниками! Скажи, что ты не с ними умыслил говорить! Ложки-поварёшки.

– Успокойся, Рарог, – тут же шепотом заверил его Матфей, он уже почти поравнялся с домом Виктора. – Я с друзьями хочу попрощаться. Мне нужно их увидеть, если это последний раз, когда я могу.

– Ах, вот оно что, – облегчённо выдохнул ящер с тонким протяжным присвистом, да так громко, что проходившая мимо женщина с недоумением посмотрела на Матфея. – Но это может стать лишним в нашем отходе, господин. Праведники – ещё те хитрецы, раз они о тебе знают, то сто пудов знают и о твоих приятелях. И могут устроить нам ловушку. Я бы не советовал, господин.

– Мне всё равно. Я так решил! – твёрдо повторил Матфей. – Не желаю слыть трусом. Мне тошно от того, что мы бежим, словно крысы.

– Мой долг прислужника – давать советы и оберегать тебя, господин, – с упрёком пропихнул Рарог. – Ты волен поступать так, как тебе разумеется. Но ты должен думать и о нас. Ты спросил совета у ворона и кошки? Они ведь думают, что мы просто уходим подальше от твоего дома. Они имеют право знать, куда ты нас всех ведёшь.

– Ты прав, Рарог. Я не подумал об этом. Пожалуй, самым честным было бы отпустить тебя и Сееру, чтобы вы ненароком не пострадали из-за меня.

– Нет! – Тут же возмущённо заходил ходуном левый карман, оттуда выскользнул чёрной змейкой кончик хвоста. – Нас связывает договор, и мы не бросим тебя, господин, так же, как и ты нас не бросишь. Мы нужны друг другу, особенно сейчас. Скажи им. Они должны знать о твоих намерениях.

Матфей резко остановился и обернулся назад. Кошка, настороженная его внезапной остановкой, спешно приблизилась к юноше и замерла перед мыском кроссовка. Ворон спикировал вниз и опустился на край забора. Прямо напротив Матфея стелилась дорожка к дому Виктора Сухманова от раскрытых настежь ворот.

– В чём дело, молодой человек? – спросил Гамаюн. Он беспокойно смотрел по сторонам и то, что Матфей прервал свой путь недалеко от родного жилища, ему совсем не нравилось.

– Я должен попрощаться с друзьями.

– Ох уж эти мне сантименты! – раздражённо каркнул ворон. В свете солнца он казался ожившей эбонитовой фигурой, натёртой маслом для пушного лоска. – У нас нет времени на эти сопли, юноша. Каждая минута промедления отбирает у нас шанс благополучно покинуть Горницы и попасть туда, куда ты определил нам следовать.

– Мне всё равно. Я решил, – упрямо буркнул в ответ Матфей.

– О, Дьявол Всезрящий! Что за олух! Крух.

К удивлению юноши Сеера ничего не сказала, согласно принимая решение союзника-человека. За это Матфей ей был благодарен и, наклонившись, удостоил прислужницу коротким и быстрым поглаживанием по бархатистой голове.

Ветер, бесновавшийся часом ранее и с залихватским куражом ворошивший полутолые деревья Горниц, притих и кротко, но с проскальзывавшим озорством шелестел крепкой листвою.

Собак, любимцев Виктора во дворе Матфей не заметил, что существенно его порадовало – можно было безбоязненно добраться до дома, не опасаясь за кошку. Дом оказался заперт, а на стук в дверь и окно никто не отзывался. Хозяин отсутствовал.

Бредя назад к воротам, Матфея вдруг окатило ледяным холодом, пробежавшим колкими жёсткими иголками от макушки головы до самых ступней. Кожа на теле съёжилась и сплошь покрылась мурашками.

– Нет собак, – проговорил он с суеверным трепетом. – В его отсутствие их нет.

– И слава дьяволу! – мяукнула Сеера, всё это время жавшаяся к ногам господина. – Зачем ты нас завёл сюда, господин? Здесь каждый кусок земли пропах псиной.

– Но ведь они должны быть здесь, он так говорил, – не слушая кошку, продолжил Матфей. – Что-то не так. Они должны быть здесь, должны сторожить его дом, пока он не вернётся.

– Это собаки, господин, – презрительно фыркнув, произнесла кошка. Короткий ворс на её гибкой узкой спинке встал торчком: Сеера чувствовала себя во дворе Виктора крайне уязвимо. – Что взять с блохастых шавок, слоняющихся по помойкам и служащих любому за кость?

– Насколько мне известно, и кошки не брезгают помойками, – тут же вставил своё едкое словцо Гамаюн.

– Как и вороны, – холодно парировала Сеера и одарила ворона не самым ласковым взглядом. – Но у нас есть достоинство!

– Что?!

– Нужно идти к Юне, – раздался голос Матфея. Он находился в стороне от назревавшей перепалки союзников, кокон тревог стягивался вокруг него плотнее, грозя намертво спеленать и лишить воли трезво мыслить. – От неё позвоню на работу Виктора. Мне нужно знать, что с ним всё в порядке.

– Ну вот, снова – здорово, – недовольно пискнул Рарог, ненадолго прикинувшись мёртвым в кармане.

– Я всё равно хотел со всеми попрощаться лично, – заявил Матфей, игнорируя чересчур уж громкие вздохи из кармана.

За спинами союзников в непроницаемой толще окна сверкнули два крошечных медовых огонька и тут же погасли. Гамаюн, круживший в тот момент над прямоугольником распахнутых ворот, уловил причудливый блеск, но задержавшись взглядом на оконном стекле и более не видя там ничего странного и подозрительного, решил – то игра солнечного света.

Как только Матфей и прислужники скрылись из виду, с задней стороны дома на дорожку выбежал серый кот, устремившись вслед за чужаками.

Им повезло, Юна была дома и встретила их.

– Я сегодня выходная, Фей, – улыбнулась она. Её обычная приветливая улыбка отдавала искренним удивлением от образовавшегося в неурочное время друга да ещё и в столь необычной компании. – Мне завтра на работу. А ты чего не в Вижине? И откуда с тобой столько живности?

На последнем курсе университета уже училось проще, вполне можно было себе позволить совмещать дневную трудовую занятость с учебной деятельностью без ущерба в ту или иную сторону. Вот Юна Дивия и подыскала себе подработку: курьерскую должность в одной частной типографской конторке. Шел крайний семестр, за которым впереди полгода дипломной работы, затем защита корочки социолога, а там уже полноценное течение свободного выбора жизни.

– Долгая история, Юн, – торопливо отозвался юноша, проходя вслед за девушкой на кухню. – У тебя есть рабочий номер Вика? Нужно позарез с ним связаться.

– Что-то случилось? – насторожилась она и вдруг, заметив Рарога, вытянувшего голову из кармана куртки вскрикнула. – Что это?!

– Возмутительно! Я не что – я кто! Я – саламандр! – пропищал ящер, чьих слов, естественно, разобрать Юна не могла, слыша лишь тонкий, надсадный писк.

– Это – Рарог, – без обиняков сообщил Матфей. – Он саламандр из рода Огненных. Это Сеера, – он указал рукой вниз на кошку, та с любопытством осматривала помещение, где семейство Дивия собиралось за огромным столом и вкушало пищу за завтраком и ужином, и всё реже за обедом. – А это Гамаюн из рода Чёрных. О нём я тебе говорил.

Ворон смиренно сидел на правом плече союзника-человека, когда тот вошёл в Юнин дом, но как только его официально представили, покинул вынужденный насест и с раскатистым, но коротким карканьем приземлился на край выпуклой спинки самого высокого стула.

– Дедушке это не очень понравится, – продолжая растеряно улыбаться, выговорила девушка.

– Мы ненадолго, Юн, – заверил её друг. – Только дозвонюсь до Вика и после уйду.

– Ты не сказал, что с ним. И где твой телефон?

– Я и сам не знаю, – рассеяно пробормотал Матфей, набирая на мобильном устройстве, который протянула Юна, нужный номер. – Телефон дома забыл.

Из всех друзей у Виктора Сухманова работа была из разряда, как бы сказали, – «бей лежачего». Если Матфея кормил язык, Юну – ноги, то Виктору в прямом смысле слова пропитание добывали руки. Слесарь-станочник в механическом цеху Горницкого тракторного завода с повременной оплатой – вот чем довольствовался на данном этапе лучший друг Матфея. Виктору пришлось забросить учёбу в универе, когда тяжело захворала бабушка Валя, кому-то нужно было за ней ухаживать, вот внук и взял на себя обязательство. А когда бабушки не стало, восстанавливаться уже отчисленный к тому времени юноша не стал, втемяшив себе, что только время потеряет на «доучивании». Благо имелась работа на заводе, да и перспективы какие-никакие. Да и нужно ли учиться на инженера, когда познаёшь всю работу с низов, смакуя на собственной шкуре всю трудовую изнанку? Так и затянуло. Но Матфею было очевидно, что в одно прекрасное утро всё изменится для его приятеля: слишком уж много в жизни тот хотел попробовать и изведать. Это утро могло случиться в любой день, абсолютно любой.

Аппарат вначале издавал короткие гудки, кто-то с кем-то говорил на том конце провода. Затем переговоры окончились, и бесконечное пространство сигнала наполнилось протяжно длинными гудками, бившими жёстким хлыстом по нервам. Матфей заново набрал номер, но результат был тем же. Не ожидая положительного результата, он в третий раз повторил набор номера, и на этот раз ему ответил незнакомый мужской голос, грубый и колючий:

– Да!

– А... доброе утро, могу я поговорить с Виктором Сухмановым? – несколько замешкавшись от злобного рывканья, выдал Матфей.

– Не могу ответить тем же, – выговорил враждебный голос на противоположном конце. Матфею показалось, что его собеседник прямо-таки упивается гневом, причины которого юноше, естественно, были неясны. – На кой ляд он вам сдался?

– Мне очень нужно с ним поговорить.

– Интересно, что такого важного можно сказать человеку в самый разгар рабочего времени? – не сбавляя оборотов грубиян.

– Не ваше дело! – не выдержал Матфей. – Позовите Виктора!

На конце провода раздалось нечто похожее на рычание и чертыханье, затем что-то щёлкнуло, и голос вновь ответил:

– Окей, ваше сиятельство, так и быть приглашу вашего друга мистер-руки-из-задницы к аппарату.

Трубка издала громкий скрежещущий лязг, будто ею зарядили об стену, Матфею подумал, что сейчас он вновь услышит долгие гудки, но спустя бесконечно долгую минуту, он услышал знакомый голос друга, правда несколько обескураженный.

– Аллю, кто это?

– Привет, Вик, – облегчённо вздохнул Матфей.

– Здорово, Маф. Ты чего звонишь? Наш Адольф и так на изжоге с начала смены, а ты его довёл до апофеоза.

– Кто этот Адольф? Суший говнюк, на мой взгляд, хоть я его впервые слышу.

– Согласен, – с усмешкой отозвался Виктор. – Наш бригадир. Характер у мужика не сахар со сливками. Но сегодня у него полный аншлаг по всем направлениям. Жена с вещами укатила из дома к хахалю. Кажется, их роман длится аж четыре года. Да ещё проверка на носу, шишки там из столицы приедут. Сам понимаешь, геморрой полнейший. Вот Адольф и душка с утра.

- От слова «душить», – вырвалась усмешка у Матфея.
- Так ты чего звонишь? Неужели узнать, как у меня дела? – в трубке раздался смешок.
- И да, и нет. Вик, мне нужно с тобой увидеться. Сейчас.
- Э, приятель, а нельзя это сделать в обед? А то меня чего доброго уволят.
- Боюсь, меня уже не будет в обед. Вик, я уезжаю из Горниц. Сейчас.

Он согласился. Конечно, он опасался потерять место, да и время выбрано совершенно неудобное во всех отношениях, но грустная обречённость в голосе друга его испугала куда сильнее. Они условились о встрече в домике Юны, откуда уходить у Матфея не было никакого желания.

Когда разговор окончился, Юна переняла телефон из дрожащих рук друга и по очереди позвонила Нилу и Эрику. Как и Виктор, ребята обещали прийти в её дом в течение часа, чтобы попрощаться с другом. Не то чтобы те были свободнее Виктора Сухманова, даже напротив, скорее сильнее заняты.

Эрик Горденов, завязтый франт, после университета согласился войти в штат персонала отцовского страхового агентства, где уже несколько месяцев успешно осваивался простым страховщиком, без заносчивости и лени, но и не забывая о внешнем лоске.

Сосед Юны, Нил Хотин, как и его подруга, совмещал работу с учёбой. Ему оказалось тяжелее поспевать, чем его приятельнице-соседке, но всё ж он умудрялся таким чёртом пахать в мясном цехе гипермаркета «Атлас» и заочно учиться в местном колледже на пищевого технолога. Работа его и натолкнула на выбор специальности: после школы Нил неприкаянным перекаати-полем метался от одной подработки к другой, не видя истинного призвания, пока не осел в недрах «Атласа».

Естественно парни дали слово прийти, несмотря на загруженность, в устах Юны случай звучал ошеломительным, будоражащим, интригующим своею внезапностью.

– А что с работой, Фей? – спросила девушка, заметив долгий взгляд Матфея, буквально прилипший к окну, за которым через дорогу стоял «Вижин-Март».

– Понятия не имею, – отозвался сухим отрешённым голосом юноша, продолжая смотреть в оконный проём. – Не это сейчас главное.

– Тогда что, Фей? Что случилось? Расскажи.

– Скажу, когда все соберутся.

За окном в видимом лоскутке неба медленно собирались, растекаясь и наслаиваясь друг на друга, пузатые облака – кусочки нелепой мозаики. Пролетела стая серых ворон, а может галок, точнее разглядеть было не возможно, их тёмные силуэты чётко и гордо вырисовывались на фоне молочной белизны облачности. Прямым курсом пропорол и высек жирный сизый след в самой гуще небесного пастбища самолёт – несомненно, задиристый наглец и отчаянный задавака в понимании облаков. Так тихо и покойно было сидеть в крошечной кухоньке, взирая на простор и мир неба.

Юна поставила воду на огонь и насыпала чайную заварку в большой круглый чайник белого цвета с крупными вишнёвыми цветами. Ей было не по себе от Матфея, далёкого и близкого одновременно. Её пугала его недосказанность и намерение уехать из города так вдруг, с бухты-барахты. Да и его животные, тарашившиеся на неё со странным интересом, усиливали эффект беспокойства. Особенный трепет у неё вызывал ворон, его по-человечьи пристальный взгляд прозрачно-синих глаз вынуждал Юну отводить взор в сторону.

Когда ожидание условленного срока встречи приблизилось к концу, Матфей вышел из оцепенения и ослабил упорный взгляд, которым сверлил облачный лоскут последние полчаса. Кухня, в которой юноша бывал много раз, всегда казалась ему одной из приятнейших в домах знакомых, после своей домашней, разумеется. Невысокий выбеленный потолок; просторный квадрат стен, обклеенных бежево-зелёными обоями с теснением из бронзовых ромбов; сереб-

ристый великан-холодильник в дальнем углу, обклеенный яркими магнитами, напротив которого важничала беленькая раковина. Соседка раковины – газовая плита, в её недрах испеклось столько вкуснейших блюд, а готовить здесь умел почти каждый, кроме дедушки, разумеется. Шкафчики и навесные полочки, окрашенные в кислотный лаймовый цвет, сколько всего они хранили в своих тайниках – ровно столько, чтобы кухня была центром дома, пульсирующим чудом, собирающим всю большую семью Юны. За длинным столом с высокими стульями, из которых самый высокий, разумеется, принадлежал дедушке.

Раздался звонок в прихожей. Первым примчался Нил. Он впопыхах скинул обувь и куртку, а затем широким шагом прошёл в кухню.

– Ну, и что всё это значит, Маф? Какого хрена, дружище, ты позвал меня в такое время, да ещё и в дом Ласточки?

Лицо Нила зарумянилось с улицы, а дыхание было чуть прерывистым и учащённым из-за быстрой ходьбы.

– Я всё объясню, Нил, когда ребята подтянутся, – пообещал Матфей, игнорируя вопрошающий взгляд друга.

– Приятель, ты меня интригуешь, надеюсь, я не зря улизнул из цеха, – произнёс Нил. Он улыбнулся Юне и, пожав плечами, изобразил обескураживающий вид. Его, по-видимому, всё это забавляло. Заметив Гамаюна и Сееру, он спросил. – А это ещё что за зоопарк?

– Они со мной, – рассеяно отозвался Матфей, его голос, впрочем, как и его вид полнился напряжением и угрюмостью от предстоящей тяжести расставания.

Эрик и Виктор подошли одновременно, и когда ребята расселись вокруг стола, недоумённо и озадачено впиваясь в Матфея взглядами, Юна разлила настоявшийся чай по кружкам и расставила на столе.

– Ну, так в чём дело, Маф? – заполнил неловкую паузу тишины Виктор. – Какого черта ты нас всех посрывал с работы и пригласил на чаепитие в Юнин дом? Это что, прикол такой? Ты вроде самый разумный среди нас, приятель.

– Не хочу показаться хвастуном и выскочкой, – тут же заявил не без апломба Эрик, как обычно облачённый в добротный костюм и надушенный дорогим парфюмом. – Но насчёт самого разумного в этой честной компании, я бы поспорил.

– И этот самый, естественно, ты, Философ, – иронично уточнил Нил.

– Ты как всегда впереди паровоза, Blond, – игнорируя замечание Нила, беззлобно парировал Эрик. Он всегда «цеплял» Нила этим прозвищем, когда тот начинал кидать шпильки в его адрес.

– Зато не хвастун и не педант, – широко ухмыляясь брякнул юноша.

– Так, ребята, мы здесь не для того, чтобы нахваливать друг дружку и не на чайном приёме английской королевы, – пресёк дурачливые излияния приятелей Виктор Сухманов. – Нас Маф позвал и не просто так.

– Вик прав, – поддержала его Юна, до этого молчавшая. – Происходит что-то важное. Фей, рассказывай.

– Думаю, что все в курсе про демонов, – не спеша начал Матфей, тщательно обдумывая слова. – И тех, кто им служит.

– Я чего-то не схватываю, Маф, – обескуражено промолвил Нил. Он растеряно почесал белобрысый затылок. – Ты нас собрал посреди рабочего дня, чтобы премило поболтать о демонах и прочей жути за чашкой чая?

– Не совсем, – тяжело глядя на друга, ответил Матфей. – Остальные, я надеюсь, меня понимают?

– Да, – произнёс Виктор, недвижно восседавший на стуле, скрестив на груди мощные руки.

– Ещё как, – многозначительно отозвался Эрик Горденов, чинно устроившийся за столом.

– Ага, – кивнула Юна, чем вызвала удивлённые взгляды Вика и Эра.

– А я ни черта не понимаю, – возмущённо выпалил Нил Хотин.

– Потому что ты Спящий, Нил, – спокойно сказал Матфей. – И ты не должен ничего узнать из того, что я скажу, до своего дня рождения. Но у меня нет выхода.

– Что значит, спящий? Я же не сплю, я здесь. Или ты намекаешь, что я туго соображаю, инженер ты наш самородковый.

– Спящий, значит, не ведающий, – пояснила Юна. – Незнающий, неосведомлённый. А вовсе не то, что ты вообразил.

– А я хочу знать! – глядя в глаза Матфею, жёстко и недружелюбно произнёс Нил, явно уязвлённый своею «неосведомлённостью». – Пусть он расскажет, осведомит меня, чтобы я не чувствовал себя дураком и белой вороной.

– Дурень! Ворона ему не угодила, – фыркнул Гамаюн со своего места, но все, кроме Матфея услышали хриплое карканье.

– Уйми своего прислужника, Маф, – угрюмо потребовал Виктор. Этот разговор ему всё больше и больше не нравился. – Уж больно он громок.

– Ему не нравится, когда плохо отзываются о вёронах, – предупредил Матфей.

– Какие нежности, – усмехнулся Нил, чем заслужил строгий и недобрый взгляд вороновых глаз. – Он меня заключёт что ли?

– Если разозлишь его.

Тут Эрик, терпеливо державший паузу, тихонечко и требовательно постучал чайной ложечкой о кружку, требуя внимания.

– Мы снова ушли от главного. Маф, что же случилось с тобой, что ты решил прямо сейчас оставить дом, город и бежать незнамо куда?

– Ребят, – выдержав мгновение, ответил с дрожью в голосе Матфей. – Как недавно выяснилось, я – всеслух.

– Что?! Но это же сказки, – тут же отреагировал Эрик, нервно махнув рукой и едва не опрокинув чашку с отпитым на четверть чаем. – Это бред. Бабушкины рассказы.

– Ты уверен? – переспросил Виктор. Теперь он начал догадываться о причине Матфеева бегства. – Это точно?

– Точнее быть не может, – грустно выдохнул Матфей.

– Эй, ребят, а мне кто-нибудь объяснит, какого лешего тут происходит? – выкрикнул Нил. Обеспокоенные лица друзей, а самое главное, их понимание и вера в то, о чём рассказывал Матфей, взволновали юношу не на шутку. Его маска курьёзности и беспечности слетела с лица, как листва облетает с дерева под натиском ветра.

– Нил, не всё так просто, – виновато произнёс Матфей.

– А ты упрости, дружище, – попросил юноша, его почти белые, как у облаков за окном волосы встопорщились ёжиком и он их нервно поглаживал, пытаясь успокоиться таким образом. – Я ж не дурак, пойму.

– Дело не в том, чтобы понять, а в том, чтобы принять.

– Я жду, Маф, – требовательно повторил Нил просьбу.

– Хорошо, Blond, – согласился Матфей, нервничая, он и не заметил, как произнёс вслух прозвище. – Вот видишь этого ворона? Он прилетел ко мне за пятнадцать минут до полуночи в канун моего дня рождения и заключил со мной договор на крови. Он говорил по-человечески. Да, я, как и ты сейчас, решил тогда, что тронулся умом, или что сплю и мне снится кошмар. Утром я проснулся и обнаружил договор на кровати, а после Гамаюн вернулся и объяснил мне всё.

– Ворон? Ворон говорил с тобой? А может, у тебя просто шарики за ролики заехали и ты тю-тю? – Нил повертел указательным пальцем у виска.

– Зря, зря ты им всё рассказал, – с упрёком высказался Гамаюн, естественно, остальные услышали хриплые вскрики птицы. – Надо было тихо уходить. Теперь ты их всполошил, и раскрылся перед Спящими. Это плохо, плохо. Дьявол Всезрящий!

– Прошу не сейчас! Ты только мешаешь.

Матфей нервно махнул рукой, он не был уверен, правильно ли его поймут все, ведь он отмахивался от себя, а не от кого-то конкретного. Как бы было замечательно только пожелать, и взмахом руки прогнать от себя все напасти, будто ты волшебник какой, а не неудачник-все-слух. Удивительно, но как никогда, бравый забияка Рарог молчал и изображал из себя дохлую саламандру в кармане его сумки, а Сеера и вовсе заделалась немым истуканом где-то под столом, в тени невнимания к собственной персоне. Вот вам и поддержка от прислужников.

Повисла секундная пауза-заминка. От неё ему стало ещё хуже, неудобнее, холоднее. Но он набрался сил и продолжил:

– Если бы. Всё намного хуже. Дело в том, Нил, даже не знаю, как это лучше сказать, но люди в привычном своём понимании не люди, а демоны. А демоны – это людины. И демоны делятся на Спящих – тех, кто пребывает в неведении до своего двадцати двухлетия, и Проснувшихся, чьё сознание будят прислужники.

– Ты в это веришь, Маф? Только честно, ты веришь тому, что говоришь? Это же бред.

– Это правда, Нил, – на этот раз слово взял Виктор. – Тебе не положено всё это знать. Но ты бы узнал обязательно в свой день рождения. Прислужник выбирает господина и заключает с ним договор пожизненно.

– Но он мог и не узнать, – тут же добавил Эрик. – Его могли бы не выбрать, и он остался бы на всю жизнь Спящим и ни черта ничего бы обо всём этом не узнал.

– Что за чушь вы тут несёте? – раздражённо пробурчал Нил. Его взгляд озадачено и даже несколько затравлено бегал по лицам друзей в надежде различить искорку затянувшейся шутки. – Вы меня разыгрываете. Признайтесь. Это всё розыгрыш.

– Нет, Blond. Это не розыгрыш и не прикол, – уверял его Матфей. – Ещё есть праведники и вурдалаки. Кстати, из-за первых я и уношу ноги из Горниц.

– Они тебя выследили? – серьёзно встревожился Эрик. – Но как?

– У этих козлов везде уши, – угрюмо и с внезапной злостью выговорил Виктор. – Ты прав, тебе срочно нужно валить отсюда.

– Столкнулся сегодня лицом к лицу с одним из них, – пояснил Матфей. – Серый неприятный тип с совой. Не знаю даже кто из них противнее – этот тип или его птица.

– Кто такие эти праведники, Фей? – с тревогой в голосе обратилась к нему Юна.

Девушка давно отставила свою едва начатую чашку и сильно, до белизны стиснула пальцы в кулаки, так крепко, что кожа ныла под вонзившимися в неё ноготками.

– Это хрен-знает-какая организация по истреблению вурдалаков и других неблагонадёжных элементов, Ласточка, – ответил за Матфея Эрик. – И от них очень трудно спрятаться.

– А кто такие вурдалаки?

– Это демоны-наркоши, употребляющие, исключительно, демонскую кровушку.

– Что за бред! – вновь вспыхнул Нил. – Ну какие ещё упыри и праведники? Это пахнет игрой, квестом.

– Нил, я видела книги, это правда, – поделилась Юна с недоверчивым другом. – Покажи их ему, Фей. Тогда он поверит.

– Не могу, я обещал Гамаюну.

– Не смей, молодой человек!

– Но всё же...

– Ребят, хватит, – прервал гомон за столом Виктор. Он тяжело грохнул увесистой ладонью о столешницу, отчего все вздрогнули, даже неподвижный Рарог, и смолкли. – Какая разница, кто и во что верит или не верит. Сейчас на кону жизнь нашего друга. Он нас позвал,

чтоб проститься и скорее всего навсегда. Не будем тратить его время и просто пожелаем ему благополучного пути и чтоб эти выродки не добрались до него и его близких.

– Они, кажется, взяли моего отца, – Матфей вспомнил разговор с матерью. – Утром за ним приехала подозрительная машина и увезла якобы в морг на опознание напарника.

– Думаю, что пока ты им не попадётся в руки, они перестрахуются и не причинят твоему отцу вреда, – холодно выдавил Эрик. – Но гарантий нет. Это праведники.

– Если есть хоть ничтожный шанс спасти родителей, я им воспользуюсь, – понимающе откликнулся Матфей. – Мне пора.

– Ты належке? Без вещей? – удивилась Юна.

– Я прихватил конверт с родительским подарком, – спокойно заверил её юноша. – Он во внутреннем кармане куртки. Плюс мои накопления, да и мама кое-что прибавила. Денег хватит на первое время. Должно хватить.

– А потом? Если это затянется надолго? Что тогда?

– Придумаю. Я же не один. Со мною трое помощников.

11. Потери и расставания. Новая сделка на крови

Так запросто они не могли распрощаться с ним у дома Юны, словно это было очередное расставание после дружеской встречи. Понимание разрыва, длительного и возможно бесконечно долгого – длиною в жизнь – ошарашило друзей Матфея, взбудоражило и опечалило. Они не решались отпустить его вот так. Работа начисто забылась. Да и о какой работе могла идти речь, когда близкий друг, товарищ, с которым каждого связывал не один год дружбы, покидал их, разрывая крепкий и надёжный круг, который уже не будет прочен как прежде.

Не сговариваясь, ребята условились проводить Матфея, пройтись с ним до автовокзала на Туевой площади, а там уже одарить друга крепкими и горькими объятиями – маленькими благословениями, единственным, чем они могли снабдить приятеля в дальнее странствие.

Шли молча, нужных слов не находилось, даже прислужники сохраняли безмолвие, будто в знак солидарности. Состояние прострации и подавленности схлынуло с Матфея, когда он осознал, что бредя бок о бок с друзьями, зашёл в Айвовый тупик. Неприятное воспоминание об обезображенном мальчугане тут же ожило, а горло отдало болезненным спазмом – напоминанием о беспомощности и смертельной слабости.

– Нам сюда, – торопливо указал Матфей в сторону Шелковичного проулка. Ему как можно скорее хотелось уйти из этого места.

– Ой, Карасу, а ты как здесь оказался? – раздался удивлённый голос Эрика.

Матфей обернулся. Он так торопился убраться прочь с Айвового тупика, что опередил провожатых на добрых пять шагов. Подле Эрика Горденова сидел на задних лапах невесть откуда возникший енот. Зверёк протянул к юноше передние лапки и когда Эрик коснулся их, легонько пожав, довольно провёл ими по мордочке, будто утираясь, а затем уставился снизу вверх чёрными глазами-бусинками.

– Это твой зверь? – поинтересовался Нил, изъявивший желание погладить енота по серебристой голове, но зверёк в явном нежелании чужих ласк, тут же ловко увернулся и порекочевал от одной ноги Эрика к другой.

– Да. Карасу – мой прислужник, – подтвердил юноша, по привычке проведя ладонью по голове, приглаживая волнистые волосы.

– А вы похожи. Ты и твой енот, – широко улыбнувшись, заметил Нил. – Оба следите за своей внешностью, так и наглаживаете волосы.

– Ничего плохого в том нет, чтобы стремиться к совершенству, Нил, – не менее широко в улыбке сверкнул безупречно ровными и белыми зубами Эрик.

– А ты не говорил, что у тебя есть енот, – заметил Матфей.

Столь неожиданное возникновение енота, к тому же прислужника его друга, вызвала новую порцию взброса адреналина в кровь. Подобного рода совпадению Матфей отказывался верить. Время утекало сквозь пальцы, спасительное, дышащее свободой.

– Ну, знаешь ли, и ты не трубил на всех углах, что у тебя есть ручной ворон, кошка и ящерица, – парировал тут же Эрик.

– Господин, господин, – раздался снизу решительный голосок енота.

– В чём дело, друг мой? – Эрик присел на корточки для удобства общения с прислужником. Это выглядело довольно забавно – молодой человек, лощённый, в дорогом пальто поверх элегантного костюма, сидел подле енота, привставшего вновь на задние лапы, и слушал того с предельным вниманием.

– Тебе следует, господин, немедленно, нет, срочно покинуть это место. Они уже совсем близко!

– Кто близко, Карасу? О ком ты?

– Праведники идут по следу парня, – ответил за енота другой голос, тягучий, как древесная смола.

Все вздрогнули, но больше всех Виктор. Голос принадлежал его коту, появившемуся столь же внезапно, как и Карасу.

– Да-да, точно, господин, – поддакнул вслед за котом енот, будто то было самой естественной вещью в мире. – Они совсем близко. Нужно срочно уходить отсюда.

– А ты что тут делаешь, Лиандр? – обратился к коту опешивший Виктор Сухманов.

– Затем же, что и енот, предупредить, – протянул кот. Его серая шерсть взъерошилась и потемнела до такой степени, что сам он теперь казался не дымчатым облаком, а свинцовой, грозовой тучкой.

– Лиандр?! Лиандр! – всполошился Гамаюн и закаркал что есть мочи. – Мой старый недруг нашёл меня! Он выследил меня! Господин, прошу твоей защиты!

– Так это тот самый кот, чьих котят ты переварил триста лет назад? – охнул Матфей.

На миг ситуация показалась юноше даже забавной. Но на секунду. Слишком уж много проблем на сверхзвуковой скорости стремилось в одну точку.

– Если быть точным, двести семьдесят три года, четыре месяца, две недели и один день, – ледяным голосом отчеканил Лиандр, неотрывно и с откровенной злобой взирая на ворона. Глаза кошачьего демона полыхали жёлтыми угольями.

– А у тебя отличная память, хорошая для кота, – слабо улыбнувшись, произнёс Матфей.

– Ты меня понимаешь? – В янтарных глазах Лиандра заиграли искорки изумления. – Но ведь никто, кроме всеслухов не может понимать прислужников.

– Так он и есть всеслух, дурень! – напомнил о себе как раз вовремя Рарог. О саламандре позабыл даже Матфей – юноша, взволнованный внезапным явлением чужих союзников, слишком сильно прижал руку к карману, где таился ящер.

– Так вот почему такой переполох и отчего по всему городу идёт облава! – озадачено промурлыкал кот. Пушистый хвост его встрепенулся и заходил ходуном из стороны в сторону.

– Отчасти. Это ещё не доказано, что из-за меня, – ответил Матфей.

– Фей, – неуверенно позвала Юна, но её зов остался без ответа.

За спиной юноши ребята смущённо переглядывались. Лишь Эрик Горденов осмелился шутливо заметить:

– Маф беседует с котом, будто с министром иностранных дел, а нас как будто бы и нет.

Но его приятелю было не до колких шуточек, даже Юнин тревожный голос выпал из действительности.

– Нет, это точно из-за тебя вурдалаки теребят все притоны Горниц и натравливают своих волчьих псов на всякого, кто хоть что-то может знать о тебе! – настаивал кот, хвост которого напоминал метавшуюся в бешенстве кобру. Медовые глаза Лиандра прямо-таки гипнотизиро-

вали ворона, нашедшего прибежище на низком козырьке покато́й черепичной крыши. – На тебя объявлена охота.

– Даже если так, – невозмутимо заметил Матфей, постаравшись придать голосу жесткость. – Не трогай моего прислужника. Чтобы он не сделал тебе, это в далёком прошлом. И он мне нужен сейчас больше, чем чёрту ад!

– А мне наплевать, что он тебе нужен, демон! – угрожающе завыл кот, с остервенением зыркая на юношу. – Он мой враг! Он – убийца моих детей! Он должен заплатить за содеянное, иначе, зачем нужна справедливость в этом мире?

– Лиандр! – нервно одёрнул прислужника Виктор Сухманов. Чего-чего, а перепалки между котом и другом ещё не доставало. Именно когда сюда стекаются две диаметрально противоположные фракции врагов.

– Это всё хорошо, но с вендеттой можно обождать, – сухо и твёрдо заявил Матфей. – Если ты такой одержимый и выслеживал Гамаюна так долго, считая каждый день, то, что тебе мешает попридержать своё правосудие и отсрочить его?

– А с какой стати, я должен это делать, когда враг мой передо мной, здесь и сейчас? – с вызовом прошипел серый кот.

– А с такой, Лиандр! – твёрдо потребовал на сей раз Виктор. – Что я тебе не позволю лишить моего друга верного помощника, хоть он и преступник.

– Но господин! Закон моего рода требует призвать ворона к ответу сразу, как только я его найду, – возмущённо возопил союзник. Серый хвост отчаянно лупил хозяина по вспученным бокам, будто сам был по себе ненавидел кота пуще всего на свете.

«Что-то не верится, будто у тебя, дружок, до сего дня не было возможности поквитаться с моим вороном. Не верю», – подумал Матфей. Он поймал себя на том, что ему приятно называть своего прислужника «моим». Однако вслух он произнес другие слова.

– По-моему, ты его уже хорошенько наказал, оставив на его теле приличную отметину!

– Всё это чушь! Я достану его!

Кот свирепо зашипел, точь-в-точь как змея, и низко пригнувшись, уже изготовился совершить высокий прыжок, хотя вряд ли бы он достал до спасительного карниза, где горделиво выпятив грудь и по-петушиному распушив иссиня-чёрное оперенье, замер ворон.

– Ты, кажется, забыл о главном, Лиандр, – невозмутимо и, как обычно, с менторской ноткой заявил Гамаюн с высоты своего пьедестала. – Долг прислужника – заботиться и беречь господина, а ты пренебрегаешь безопасностью хозяина и его жизнью, забыв, что сюда направляются праведники.

Тело кота вздрогнуло и пружина, что до предела была сжата внутри, медленно расслабилась. Прыжок не состоялся, Лиандр со свойственным только кошащему роду достоинством приподнялся и удостоил недруга презрительным фырканием.

Если Виктору и Эрику ещё хоть что-то удалось уловить из этого непростого диалога, то Нил и Юна взирали на приятелей в полнейшем недоумении, напрочь выпав из происходящего.

– Ребят, с вами всё в порядке? – вмешался в бессмысленное, как ему казалось, пререкание союзников Нил Хотин. – Вы на полном серьёзе общаетесь с этим зверьём? С этим безмозглым зверьём?

– Я его укушу, – с громким шипением мяукнул Лиандр, чьё терпение напоминало чайник, забытый на огне, крышка коего пританцовывала от избытка пара.

– Я не против, – одобрила его предложение Сеера, грациозно сидевшая поблизости и хранившая молчаливый нейтралитет. – Он несносен и непроходимо туп.

– Безнадёжен, – кратко добавил ворон.

– Невоспитан, – презрительно фыркнул енот.

– Кусай его, котяра, – пискнул расхрабравшийся Рарог, гордо восседавший на плече Матфея. – С него не убудет. Авось и ума прибавится. Ложки-поварёшки, козьи лепёшки.

– Э-э-э, ребят, хорош! Лиандр, не делай этого! – окликнул Матфей кота, заметив твёрдую решительность Лиандра укунить незадачливого Нила.

– Он же не знает, не понимает вас. Всему своё время, – добавил Виктор, правда не проявляя даже намека встать между прислужником и упрямо «спящим» другом.

– Чего я не понимаю? Что вы, олухи, разом спятили и болтаете со своими зверушками, как с людьми? – съязвил Нил. На этот раз его слова были полны досады и раздражения.

– Нил, – тихонько позвала Юна. Она смущенно смотрела на друга, которого знала с детства.

«Как всё не вовремя! Совсем не вовремя. Мы упускаем время». Отчаяние поднялось на поверхность сознания Матфея. Эти перепалки, мелочные распри на руку только врагу, а тут ещё друзья, которые ни в зуб ногой – совершенно не в теме.

К его удивлению слово взял Виктор.

– Всему своё время, Нил, дружище, – добродушно увещевал он приятеля. – Я тоже, да не только я, и Эр, и Маф, все мы поначалу были ошарашены и не понимали того, что произошло. Но теперь это стало порядком вещей и кажется, что иначе и быть не могло.

– Нил, я им верю. – Юна ласково дотронулась до руки друга. – Они же наши лучшие друзья. Разве можно им не верить и ...

– Да брось, Ласточка! – Нил грубо оттолкнул её ладонь. Всё творившееся вокруг казалось ему нелепой, затянувшейся дурацкой шуткой. И это его крайне бесило. – Ты же ничего не понимаешь, верно? Они разыгрывают нас с тобой, типа мы такие дурачки, что с нас взять. Только розыгрыш затянулся, ребят. Хорош. Весёлого понемногу.

– К сожалению, это не розыгрыш, Нил, – угрюмо вымолвил Матфей, одновременно преграждая ногой путь воинственному коту. Лиандр и не думал сдаваться.

– Так что же это тогда, Маф? Вик? Эр? А? – негодуя спросил Нил. – Объясните, сделайте милость. А?

Как его растерянность теперь прекрасно понимал Матфей: несколько дней назад его корабль-мир дрогнул, качнулся и перевернулся под ошеломительным натиском шторма под названием «Привет и забудь!». Целый пласт толщею в миллионы лет позорно и грустно сгинул в безмерных водах новой действительности. Матфей до сих пор продолжал барахтаться на поверхности, силясь взбить масло, но чудо не торопилось к нему. Время Нила не пришло, всё стремительно летело в пропасть со скоростью света, а может, и того быстрее. Юнка восприняла грядущее будущее, как сказочный сон, который вот-вот воплотится, с восторгом мечтающего ребенка. Но в том и штука: Нил никогда не был мечтателем. Он реалист и прагматик, дитя, что пробует мир на вкус и ощупь, взыскивая реальные доказательства чудес.

Матфей с сожалением и беспомощностью задержался на требовательном взгляде друга, холодное море в глазах того с трудом сдерживало страх. Нет, даже не страх, больше того – обжигающее льдом недоверие и ... враждебность?

– Нил, я даже...

– Действительно, ребятки, разъясните это своему другу. А заодно и нам, – за спинами друзей вдруг раздался незнакомый, наиграно-добродушный и отдающий фальшью голос.

Приятели тут же обернулись. Со стороны Вишневого переулочка на площадку Айвового тупика ступил высокий мужчина. Он был чёрен с головы до ног: одежды его несли на себе оттенки ночи, даже прямые, до плеч волосы, казалось, впитали в себя дёготь тьмы. Его худоба могла сравниться разве что с его ростом, он выглядел хрупким и легковесным, но в то же время не лишённым аутентичного изящества. А лицо, оттеняемое угольной чернотой волос, белело так, будто носитель столь необычного облика никогда не показывался на свет и не знал загара. И, тем не менее, незнакомец казался привлекательным – гладкий высокий лоб, ровные дуги бровей, прямой и аккуратный нос и тонкая изящная линия алых губ, чуть изогнутых в лукавой

усмешке. Но приковывали внимание его глаза – пронзительно-серые, как талый весенний лёд, властные и холодные.

Так мог бы выглядеть Мефистофель, пронеслось в голове Юны.

– Что умолкли, ребятки? – спросил он. На вид ему можно было дать лет сорок с небольшим. – Я не кусаюсь.

– Кто вы? – поинтересовался в свою очередь Эрик, первым опомнившийся.

– Ах да. – Мужчина картинно-наиграно легонько стукнул себя по лбу ладонью, как и лицо, мучнисто-белой, с длинными тонкими пальцами. – Забыл представиться. Револьд Астрогор, к вашим услугам.

– Зачем вы нас подслушивали? Кто вы? – с нажимом повторил Эрик.

– Это вурдалак! – испугано вскрикнул Гамаюн. – Самый главный из них. Матфей, беги!

Кошки пригнулись к земле, на их спинках шерстка вздыбилась так, будто их наэлектризовали. Енот оскалится. А саламандр... Рарог снова притворился мертвым.

Матфей растеряно перевёл взгляд на друзей, ещё не знающих о том, кто перед ними. Отчего-то вдруг осипшим и слабым голосом он прохрипел, будто уподобившись своему крылатому прислужнику:

– Бегите! Это главарь вурдалаков!

– Ну почему же сразу бежать? Да и куда, собственно? – продолжая сохранять полуулыбку, медовым голосом процедил мужчина. От звука его речи у всех мурашки пробежали по коже, а тела сковало странное оцепенение. – Мы, стало быть, только приступили к знакомству. Это даже невежливо как-то, я вам представился, а вы мне – нет. Ты согласен, Волкодлак?

Из тени переулка вынырнула громадная голова. На замерших ребят лютым взглядом взирал волк. Зверь сделал ещё несколько шагов и полностью вышел на свет, встав подле хозяина. То был не совсем волк, скорее наполовину волк – наполовину пёс. Какой-то неизвестный гибрид.

«Волчий пёс», – два слова ужаса издала Сеера, вмиг выгнув спинку и оцетинившись ещё сильнее. Величина тела монстра поражала и вводила в трепет: в холке зверюга доходила своему долговязому союзнику почти до груди, а в длину не уступила бы Револьду, и, скорее всего, превзошла бы его рост. Не волк – лев!

– Да, хозяин, – утробным, зычным голосом прорычал волкопёс, шкура которого напоминала грозовую тучу. Матфей дрогнул, расслышав скрежет волчьих клыков.

– Надо бежать! Матфей! Не стой истуканом, беги! – бил тревогу Гамаюн, единственный, кто не поддался странному ступору, охватившему остальных.

– Куда бежать, ворон? – рявкнул волчий пёс. Уголки кроваво-алых губ его господина сильнее разошлись в усмешке и обнажили ряд безупречно-белоснежных зубов. – Куда спешить? И зачем?

За спиной Револьда, словно из воздуха, материализовались ещё трое незнакомцев, одетые в чёрное, как и он, но ниже ростом и крепче. Пихтовая улица была отрезана двумя другими помощниками Астрогора, а затем со стороны Каштанового бульвара в Айвовый тупик вышли ещё четверо. Тёмная дружина. И каждого из них сопровождал громадный волчий пёс, впрочем, никто из тех псин Волкодлака превзойти не мог.

Открытым пока что оставался Шелковичный проулок. Но вместо того, чтобы действовать, Матфей стоял как истукан – нечто странное происходило с ним: тело не слушалось команд мозга, ноги приросли к асфальту, а руки онемели, как если бы их сильно отлежали – каждая болталась мягкой безвольной плотью, где кости не ощущались. Даже сердце замедляло ритм, сбавляя с каждым ударом, отчего в голове мелькнула противная мыслишка – спи, закрой глаза и всё закончится, прекратится в одно мгновение, в секунду твоей жизни...

– Матфей, послушай, он вас всех гипнотизирует, – Гамаюн, взъерошенный и напуганный донельзя, прокричал с высоты своего укрытия. Он не решался слететь и приблизиться к союзнику. – Слушай мой голос, Матфей, слушай меня!

Юноша попробовал пошевелить онемевшие пальцы рук, по фалангам пробежал колючий разряд, и они ему подчинились. Тогда он потянул правую ногу и почувствовал, как незримая сила пытается удержать его на месте, стягиваясь вокруг, словно верёвка. С усилием юноша повернул голову в сторону Виктора, тот тоже сражался с невидимыми путами, вздрагивая всем телом. Остальные ребята – живые статуэтки, угодившие в невидимую смолу, – издавали утробное мычание, им не доставало сил даже на раскачивание тел. Прислужники ничем не могли помочь своим хозяевам, пригвождённые к месту диковинной силой, они, бессильно твякая, шипя и завывая, наблюдали за волками, неспешно приближавшимися к ним. По какой-то чудной воле только ворон оставался недосыгаем к чародейским силам вурдалака.

– Ничего не выйдет, ребятки, – шутливо заметил Револьд. Он медленно, словно паук, подступал к своим жертвам, скрестив руки на груди. Полы его длинного кожаного плаща едва касались земли, точно обвислая паутина. – Если быть честным, а я всегда уважал это качество превыше всех, мне нужен только один из вас. Думаю, вы уже догадались, кто именно.

Юна тихо ойкнула, чем вызвала у главы вурдалаков новую ухмылку.

– Так что? Кто из вас тот, кто мне нужен? – продолжил Револьд, прибавив как бы, между прочим мягким благодушным тоном. – Ну же, обещаю, что не трону никого и даже отпущу на все четыре стороны.

– Ага, так же, как вы отпустили Мичлова Граника в Калиновой пустоши? – с усилием выкрикнул Матфей, голос его был слаб и сух, а горло будто сдавлено чьей-то невидимой рукой, но ровно настолько, чтобы можно было говорить и дышать.

– Кто это? – удивился Револьд и обернулся к своим поделщикам, стоявшим позади него чёрным щитом.

И снова игра для юнцов, вурдалак прекрасно всё помнил.

– Ах, этот, – протянул Револьд так, как мог бы сказать паук о мухе съеденной год назад, если бы мог говорить. Его губы дрогнули в презрительной улыбке. – Жадный, жалкий мужичонка. Не умерил вовремя пыл. Одним словом, вша.

– Откуда нам знать, что вы сдержите обещание и не натравите на нас своего пёсика? – вновь заговорил Эрик. Речь давалась ему с трудом, на лбу образовались бисеринки пота.

– Ниоткуда. Но как я уже сказал, честность уважаю превыше всего.

Но с каждым произнесённым словом Револьд и его тёмная дружина подступали к скрученным оцепенением друзьям всё ближе тугим чёрным полукольцом.

– Так кто же из вас чудо расчудесное? – сладко, нараспев произнёс Револьд. – Кто же из вас всеслух долгожданный и желанный?

– Ты прям, как та девица, что замуж нестерпёж, – выдавил со смешком Нил и тут же зашёлся кашлем.

– А ведь моё терпение, ребятки, не безгранично, – протянул предводитель вурдалаков.

Уголки его рта поднялись вверх в добродушной ухмылке, в то время как глаза пребывали в жесточайшем покое льда. Этот контраст создавал иллюзию маски на лице, пугающую и завораживавшую одновременно.

– Волкодлак, выбирай любого, на свой вкус. Я сегодня щедрый.

Прислужник Астрогора выступил вперёд и встал. Его громадина-голова медленно поворачивалась, замирая на несколько секунд, когда взгляд волчьих гиацинтовых глаз, пронзительных и обжигающих лютостью, встречался с взглядом каждого пленника.

«Этот точно способен без особых усилий откусить голову. Вон, пасть какая. Компостер!», – пронеслось в голове у Матфея.

– Эта, – вынес приговор пёс, не сводя глаз с Юны, круглое личико которой искажил ужас.

– Ну что ж, раз никто не желает мне помочь, и сам всеслух ведёт себя, как последний трус и полное ничтожество, мой прислужник заберёт себе эту девчонку на обед, – одобрил выбор волчьего пса хозяин. – Может, и на ужин хватит. Хотя, что с неё взять.

– Не трожь её! Не подходи к ней! – выкрикнули одновременно Нил и Матфей, сиюминутно изо всех сил разорвать чары гипноза.

– Так-так, – задумчиво сказал Революд и сделал жест волку, тот остановился. – Значит, это один из вас. Очень хорошо. Круг сужается.

– Он сузился настолько, что ты себе и представить не можешь, Астрогор! – внезапно со стороны Шелковичного проулка донёсся голос.

На этот раз уже подопечные Революда обернулись и вздрогнули. В Айвовый тупик неторопливой и вызывающе торжественной поступью вышел мужчина в коротком сером пальто. На плече его горделиво восседала белая сова.

– Ну надо же, два зайца в руки попались, – довольно произнёс незнакомец, ничем не отличавшийся от того серого типа, с которым ранее столкнулся Матфей, только что моложе. – И оба козырных.

– Праведники! – завопил один из помощников Астрогора, находившихся со стороны Каштанового бульвара. – Это засада! Ловушка!

– Естественно, – удовлетворённо промурлыкал праведник. Лицо его ничто не отражало, оставаясь бесстрастным, лишь голосу было дозволено поддаваться эмоциям. – Мы уж вас, красавцев, третий месяц опекаем. Ходим по вашему волчьему следу, подчищаем за вами. И не зря. Вы нас к всеслуху и вывели.

– Ну, здравствуй, Ефёр, – холодно приветствовал Революд мужчину с совой. – Давненько не виделись. Где-то лет шесть или семь? Извини, точность не мой конёк.

– Около того, Революд. – Яркие карие глаза Ефёра алчно буравили Астрогора.

Вурдалака одолевали иные эмоции: досада на внезапное вмешательство конкурирующей стороны и недовольство тем, что прошляпил облаву и подставил под удар людей. К тому же ситуация усложнялась и тем, что отряд праведников возглавлял лично начальник по безопасности и любимчик Саркара, самого Бессменного, главы праведного братства. Из всего выходило: живым победителем из Айвового тупика выйдет один соперник.

Впрочем, внешне он настолько хорошо владел собой, что о нарастающем внутреннем негодовании патрона не мог догадаться даже стоявший близко Марик Лотарь, один из доверенных людей Астрогора. Чувствовать тончайшие перемены в настроении господина, пожалуй, умел Волкодлак, да и тот, уподобившись союзнику, выражал пренебрежительное безразличие к происходящему.

– И сколько с тобой? – спросил глава вурдалаков, всматриваясь за спину прибывшего недруга.

– Достаточно, чтобы справиться с горсткой твоей шайки.

– Это не шайка, – сказал Революд и посмотрел на прислужника, тот поймал взгляд господина и кивнул ему. – Это маленькая толика того, чем я располагаю. Но и этого достаточно.

– Неужели ты рассчитываешь уйти? – поинтересовался праведник таким невинным тоном, что даже сова на его плече презрительно фыркнула.

– Безусловно.

– А как же мальчишка?

– Он достанется мне, Ефёр.

– А у меня большие сомнения, кто кому достанется. Ты не сможешь одновременно удерживать пленников и сражаться с моими ребятами.

При этих словах за спинами подручных Астрогора, как серые грибы, выросли подчинённые праведника. На плечах некоторых из них сидели совы, а вокруг шей других пушистыми воротниками обвивались золотистые куницы. Путь к отступлению оказался полностью отрезан.

зан. Серых праведников было вдвое больше, чем чёрных вурдалаков. Матфей с друзьями угодили в двойной капкан: с одной стороны наступали волкопсы с хозяевами да праведники, с другой – возвышалась неприступная гранитная стена трижды проклятого тупика.

– Мáрик, – властно окликнул Револьд одного из своих помощников.

Коренастый и жилистый Мáрик не заставил себя ждать. Он издал короткий и смачный свист, подав сигнал своему волчьему псу. Пасть зверя ощерилась, он пригнулся, тёмная, серая как зола, его шерсть вздыбилась, а серо-жёлтые глаза сощурились и наполнились твёрдой решимостью порвать глотку любому, на кого укажет господин.

– Бери!

Волк издал оглушительный вой и ринулся в атаку. Но не успел он в высоком прыжке повалить ближайшего к нему праведника, как тот оглушил и поразил его мощным электрическим разрядом, отбросив на землю. Ужаленное животное взвизгивало от боли и металось из стороны в сторону – его тело пронзала безжалостная молния, исходящая из миниатюрного чёрного прибора, похожего на карманный фонарик в руке несостоявшейся жертвы.

Тогда остальные вурдалаки, неистово свистя, погнали своих прислужников в бой, но и это наступление окончилось неудачей. Праведники, хорошо подготовившись к сегодняшней стычке, вооружились электрошокерами и беспощадно лупили ими скулящих волков, словно те – малые щенки.

– Что ж, Ефир, похвально, – ледяным голосом изрёк Револьд, его волк оставался подле него, ожидая приказа. – Но на нас твоё оружие не действует, если не забыл.

Подручные Астрогора ринулись вперёд и налету вышибали электрошокеры у праведников. Не всем это удавалось сходу, и тогда их тела поражал сильный удар карманной молнии. Матфей с изумлением наблюдал, как оправдывались слова Револьда: сколь мощнейшим ни был электрический разряд, вурдалаки шли напролом, морщились от боли, но одолевали её.

– Да, вы поднаторели, красавцы, – признался Ефир, стоявший в стороне до тех пор, пока не завязался близкий бой меж его командой и подопечными Револьда. – Что ж, придётся попотеть, но оно того стоит.

Матфей наблюдал, как один за другим в руках обеих сторон засверкали серебром клинки длинных кинжалов. Затем Айвовый тупик огласился лязгом металла о металл, отчего-то ставший чудовищно громким, а к нему присоединились вскрики и стоны первых раненых.

Волки очухались и тоже рванули в бой следом за хозяевами, но площадка жестокого действия оказалась мала для всех, и союзникам вурдалаков ничего не оставалось, как нападать на праведников наскоками в образовавшихся брешах. Впрочем, четвероногим ощутимо доставалось от пикировавших сверху сов.

Револьд сохранял нейтралитет, стоя совсем близко от ребят и держа их своими невидимыми путами гипноза. Но пал один вурдалак, пронзённый в горло остриём кинжала, за ним пришёл черёд другого и Астрогор зарычал, как волк.

– Волкодлак, – воззвал он к союзнику, и голос его дрожал от ненависти и боли. – Возьми всеслуха и доставь в условленное место. Обо мне не беспокойся. Я должен спасти тех, кто ещё жив. Наша кровь слишком дорога, чтобы разбрасываться ею.

– Но господин, – возразил было волк и смолк сразу, как только гневный взгляд хозяина обдал его сверху.

Конечно, и праведники несли урон в своих рядах, но Ефир Стародуб, как одержимый фанатик, всё вперёд и вперёд кидал своих подчинённых, не оглядываясь на тех, кто уже принадлежал земле по праву, будь-то праведники или их союзники. Цель должна была оправдать средства. Любой ценой.

В тягостное состояние погрузился Матфей. Баталия, разыгравшаяся в нескольких десятках метров от него, казалась далёкой и стародавней – отголосок древности, отдававший сухим запахом тлена и протухшей крови. Но и одновременно донельзя близкой – на расстоянии вытя-

нутой руки и глотка воздуха, с криками и воплями раненых бойцов и предсмертными чудовищными завываниями животных. Сломанные крылья сов, разорванные пополам куницы, бьющиеся в агонии волки – глаза не желали это видеть, но смотрели, испуская слёзы сострадания. Столько смерти в одном месте и в один миг ему не приходилось видеть и чувствовать и хоть ни одно умиравшее или почившее существо не было на его стороне, он искренне жалел их. Матфей с трудом повернул голову, друзья чувствовали происходящее так же, как и он.

И вот уже Революд вступил в смертельную схватку на подмостках Айвового тупика. Но как же разительно изменился его облик! Щуплый и лёгкий, он превосходил по силе трёх человек. Удары его кулаков разили и пригвождали к земле незадачливых поединщиков, а расторопность и ловкость столь не сочетававшиеся с его рослостью и долговязостью уберегали от многочисленных выпадов острых вражеских клинков. Отчего-то Астрогор не использовал свой дар гипноза на праведниках, но возможным было и то, что гипнотические чары попросту не действовали на неприятеля.

Меж тем увлечённый сражением Революд ослабил хватку, и незримые верёвки оцепенения спали с тел ребят. Волкодлак приблизился к Матфею, и уже было собрался схватить его жуткой клыкастой пастью, как тут же подоспел Гамаюн. Ворон отчаянно метался перед мордой зверя, мешая тому крыльями-веерами, и пронзительно каркал, стараясь оглушить волка.

Сеера отважно подскочила к передним лапам зверя, что против её хрупкого тельца казались колоннами, и принялась их кусать и царапать изо всех своих кошачьих сил. Даже маленький Рарог не остался в стороне – саламандр так и пребывавший на плече Матфея, угрожающе зашипел, наклонил голову и выстрелил во врага ядом. Жидкость попала аккуратно в разверзнутую пасть волка, и тот взвыл от боли. Но всё ж не отступил.

Эрик и Виктор встали щитами между Матфеем и Волкодлаком, а вместе с ними и их прислужники. Юна спряталась за спиной Матфея, как за последним надёжным оплотом. Нил словно врос в землю подле друга, было заметно, что он по-прежнему «не догоняет», но опасность угрожала друзьям, а там, позади, стояла Ласточка...

– Надоедливая мелюзга! – злобно взвыл волк и рванул вперёд.

Молниеносным прыжком Лиандр оказался на морде Волкодлака, отчаянно шипя и издавая воинственный крик, кот попытался ослепить недруга, целясь крючками когтей прямо в тёмно-синие волчьи глазища. Но Волкодлак резко тряхнул головой и Лиандр, не сумев удержаться, отлетел в сторону и с размаху врезался в стену кирпичного дома, где его обмякшее тело упало на землю и осталось лежать бездыханным.

Не теряя ни секунды, в сражение вступил Карасу. Отважному еноту нечего было противопоставить гигантскому волку, всё, что у него было – толстые коготки на лапках, которые он и пустил в ход, боксируя и норовя укусить противника. Его бой закончился слишком быстро: Волкодлак ухватил полосатого зверька поперёк тела и раздавил челюстями.

– Нет! Карасу! Отпусти его! Отпусти моего енота, ублюдок! – в ужасе закричал Эрик, видя, как меж сомкнутых клыков волка потекла струйками кровь Карасу.

Енот судорожно махнул передними лапками, силясь достать обидчика, но жизнь вытекала из него столь же стремительно, как и кровь. Эрик и Виктор ринулись на Волкодлака, они набросились на него сверху и принялись дубасить по морде. И волк разжал пасть и отпустил свою жертву. Карасу был мёртв, но ребята того ещё не осознавая колотили монстра в исступлении, в жажде мести.

– Довольно игр, – рыкнул волк и, вытянувшись, тряхнул, как следует телом, словно хотел избавиться от блох. Эрик и Виктор отпали в стороны.

Взмах лапы – и Сеера отскочила, мощный выдох волчьей глотки – и Гамаюна с Рарогом сдуло. Благо, Матфей успел вовремя подставить руку и перехватить саламандра. Никто больше не стоял между волком и его добычей.

– Ну, уж дудки! – наиграно браво крикнул Нил и смело выступил перед зверем. – У меня, может, и нет волшебных зверей, но так просто и я тебе не дамся. Попробуй, возьми.

– Договорились, – глухо прорычал Волкодлак и, сделав обманное движение телом, оторвался от земли и пригвоздил к ней в прыжке Нила, сильно оглушив юношу.

Коротко оглянувшись на самую гущу сражения, где Револьд успешно расправлялся с праведниками, долее не раздумывая, волкопес ухватил Нила за плечо, вонзив глубоко в тело зубы. Юноша закричал от острой боли и тут же потерял сознание. Друзья бросились на выручку, но гигантский волк, не разжимая пасти, большими прыжками проскочил мимо них и, увернувшись от встречного праведника, влетел в проход Вишнёвого переулка, где и скрылся.

– Нил! Мы должны его спасти! – закричала что есть мочи Юна, белая от ужаса.

– Нужно проскочить мимо этих, – отозвался Матфей.

Виктор подбежал к Лиандру, кот еле дышал, а одна из его глазниц кровоточила.

– Только Лиандра прихватчу. Он жив! – взволновано прохрипел он. – Держись, дружок.

Битва достигла апогея, Револьд и Ефир сошлись друг против друга, клинок против клинка. Добрая половина сподвижников обоих предводителей лежала в лужах крови с потухшим взглядом. Запах крови и смерти наполнил собою Айвовый тупик, как вода наполняет ведро. Новичкам, впервые участвовавшим в бойне и которым посчастливилось уцелеть, было дурно; кровь схлынула с их лиц, а кого-то сгибало пополам в рвотных спазмах, и блевотина смешивалась с алыми озерцами, поганя чистейший цвет истёкшей жизни.

– Зачем всё это, Ефир? – гневно вопрошал соперника Астрогор, внимательно следя за кинжалом в руке того. – К чему нужна была эта бессмысленная бойня?! Сколько полегло твоих бойцов? А сколько моих? И ради чего? Ради мальчишки?

– Ради мира, Револьд, – равнодушно ответил Стародуб. Его сова, словно белый мазок, восседала над ним на козырьке крыши, внимательно следя сверху за каждым шагом господина. – Ради мира и кровь пустить не жалко. Мы знаем, что даст тебе и твоей братии союз с этим парнем. И мы не допустим, чтобы ты распустил свою заразу по всему Терриусу с его помощью.

– Мы не так плохи, как вы нас малюете, Ефир! – Глава вурдалаков желчно сплюнул себе под ноги.

– Вы гниль на лице Терриуса, вам нигде нет места. Ни вам, ни вашей идеологии, – подытожил Ефир и сделал выпад.

Клинки сошлись в финале сражения, холодно сверкая и болезненно жала противников. Представление вышло настолько завораживающим, что на какой-то момент обе силы замерли, дабы узреть поединок достойных и равных воинов. Этой минутной заминкой и воспользовались друзья, проскочив мимо хозяев и их прислужников, увлечённых зрелищем.

Быстрее! Быстрее! Только б успеть! – гремело в голове каждого тревожным набатом. Друзья Нила со всех ног неслись по Шелковичному проулку, моля время сжалиться над ними и дать им фору, пока в Айвовом тупике о них позабыли, пока длилась схватка, пока Волкодлак не убежал слишком далеко, пока... пока.... Сколько было этих пока. Счёт шел не в их пользу.

Гамаюн внезапно пропал, скрывшись за желтеющей листвой тополей. Впереди показался поворот на Ольховую Парадную – эта улица была широка и просторна, как полноводная река, и если бы с нею сравнивали Пихтовую улицу, то та едва покрыла бы половину Ольховой. Парадная пролежала по доброй части Горниц, практически достигая их окраин, и мельчала, как и любая река, перетекая в хиленькую улочку Пятнадцать Вязов.

На Ольховую улицу ребята и завернули, на бегу соображая, куда следовать далее. Волчьего пса впереди нигде не было видно и от этого становилось тягостнее с каждой истекавшей секундой. Станным оказалось и то, что оживлённая в этот час Ольховая Парадная была пустынна, будто жадный ветер сгрёб горожан в охапку и унёс их чёрт знает куда, оставив впопыхах сорванные с полутолых деревьев листья.

– Куда же нам дальше, Маф? – отдуваясь от бега, пропыхтел Эрик, остановившись посреди пустой улицы. – Здесь куча пересекающих Ольховку улиц, волк мог выбрать любую из них.

– Может, на ближайшую свернём? – предложила Юна, её щёчки едва розовели, отбросив блёклую белизну страха. – Не думаю, что он свернул на самую дальнюю, мы бы его успели разглядеть. Скорее всего, он махнул на ближнюю Тисовку.

Тисовкой звали мелкую одностороннюю улочку, пересекавшую Ольховую Парадную ровным росчерком и обрывавшуюся неподалёку от Каштанового бульвара. На ней росли старые ветвистые тисы, и этот узкий проулок был одним из немногих напоминаний, в честь чего улицы Горниц носили свои названия. Ведь за исключением Тисовой улочки и Каштанового бульвара в городке осталось всего несколько мест, где деревья, – имена которых значились в анналах памяти городского ведомства, – если и произрастали не с основания города, то досаживались замест старых.

– Не уверен, – нахмурившись, произнёс Виктор, он единственный из ребят, кто выглядел свежим, и чьё дыхание было ровным и несбивчивым. – Зверюга такие махи выдаёт. Вон, она как через одного серого перескочила. Этой твари ничего не стоило убежать и дальше.

– Маф, что ты скажешь? – вновь обратился Эрик к другу.

Матфей пребывал в какой-то странной прострации: вроде он бежал, говорил, видел и соображал, но все чувства его остались на жарком пятачке Айвового тупика, в самой гуще кровавого месива тел.

– Я не знаю, – с трудом выдавил он. – Давайте заглянем на Тисовку, она ближе.

– У нас мало времени, если мы пойдём на Тисовую, – возразил Виктор Сухманов. – У нас почти не останется шансов уйти с неё, если хоть один из оставшихся волков пойдёт за нами. Мы не справились с одним, а если их будет больше – нам крышка.

– Надо рискнуть, Вик, – настойчиво дернув за рукав куртки Виктора, повысила голос Юна. – Нил в опасности, мы должны его спасти.

– Пошли, – за всех решил Эрик Горденов.

Они вошли на щербатую, укрытую старым асфальтом улочку. Вглядываясь вперёд, они шли торопливым ходом, убыстряясь с каждым шагом. Тисовая улица тоже пустовала, а громадные кучные тисы, стоявшие по бокам, недвижно взирали на пришельцев у ног своих, будто великаны из полузабытых легенд.

– Его тут нет, их обоих нет, – в отчаянии запричитала Юна. – Где же их искать?

– А если он его уже... – произнёс Эрик и запнулся от страшного предположения.

– Нет! Не смей так думать, Эр! – вскрикнула Юна, и её звонкий голосок пронёсся протяжным эхом вдоль старых тисов, спугнув несколько птиц, ютившихся в гуще их ветвей. – Он жив! Если бы волк хотел его убить, то убил бы, как твоего енота. А он его схватил и потащил куда-то. Значит, Нил нужен живым.

– Не Нил, а Фей им нужен, – холодно поправил Эрик. Краска жизни только вернувшаяся в его лицо тут же покинула его, едва был упомянут погибший Карасу. – Просто он не знал точно, кто из них всеслух. Вот и цапнул ближайшего.

– Ты прав, Эр, – глухо согласился Матфей, чувствуя тяжесть подступившей вины перед другом, закрывшим его от Волкодила и занявшим место пленника, предназначавшееся не ему. – Волк ошибся.

– Я что-то слышу! Тихо! – предостерёг всех Виктор, тревожно вглядываясь в обратную сторону. Со стороны Ольховой Парадной раздалась приглушённые звуки. – Кажись, они.

– Мы не успеем вернуться на Ольховку и уйти с неё даже на противоположный конец Тисовки, они тут же нас поймают! – прошептала девушка, боясь повысить голос.

– У нас нет другого выхода, Юн, – успокаивающе, но твёрдо сказал Виктор, он уже сделал пару шагов по направлению к Ольховой Парадной, расслышав тонкий и протяжный свист. – Здесь мы зажаты и беспомощны, а там у нас есть хоть какой-то шанс. Давайте, его используем.

Только он сделал ещё несколько шагов, как воздух сверху огласил вороний ор. Гамаюн парил над ними, но не один, а с тремя галками, казавшимися вполтину малыми в сравнении с вороном.

– Где ты пропадал, Гамаюн? – немного ободрившись, спросил Матфей.

– Я привёл к вам переправщиков, – объявил ворон и спикировал к ногам союзника.

– Кого?

– Они доставят твоих друзей в Тартаррусу. Крух! Но надо торопиться, я уже чую волчий запах.

– Но как же они это сделают? – Матфей недоумённо осматривал галочью троицу. – Поднимут нас над домами и потащат в другую страну? Ты серьёзно?

– Вот и узнаешь, неверующий, – чопорно отозвался ворон.

– Что ещё нас ждёт, Маф? И зачем нам подкрепление аж из трёх галок? – шутливо поинтересовался Эрик Горденов. Серо-карие глаза в отличие от голоса безрадостно взирали на новых визитёров.

– Они нас переправят, чёрт его знает как, в Тартаррусу, – выговорил Матфей.

– А нам зачем туда отправляться? – спросил Виктор, безрадостно глядя в отдалённый кусочек Ольховой. – Это не наш поход и не за нами охота. Пусть забирают Мафа и делу конец.

– И он туда же?! – каркнул Гамаюн. – Да они вас не оставят в покое! Скажи им: даже, если с вами не будет Матфея, они из вас душу вытрясут, а ещё вероятнее, наложат Табу Слова или отдадут на растерзание волчьим псам. Но не мне за всех решать.

Вороновы слова остались без ответа. Но решение уже принималось на ходу.

– Я с Мафом, тут без вариантов, – смело вызвался Эрик.

– Я тоже с Феём, – не так уверенно, как он, решилась Юна.

– А, чёрт с вами всеми! – согласился Виктор.

– Так как же переправщики нас доставят в пункт назначения? – повторил вопрос Эрик Горденов.

– Нужна плата за проезд, – пояснил ворон. – Она же договор между переправщиком и пассажиром.

– Нужна плата, – повторил Матфей. – У меня есть деньги, я могу заплатить.

Он вспомнил о пухлом конверте во внутреннем кармане кожаной куртки.

– Деньги бессмысленны, молодой человек, – усмехнулся Гамаюн и сипло прокаркал. – Зачем птицам деньги? Вот кровь – другое дело.

Час от часу не легче.

– Плата за переправу – кровь, – угрюмо, отводя взор от друзей, объявил союзник ворона.

– Что? Нужна кровь? И много? – всполошилась Юна, с опаской взирая на молчаливых галок. Те выжидающе смотрели на неё своими выразительными серыми глазами.

– Не беспокойся, – прокаркал Гамаюн. – Всё зависит от того, куда нужно попасть. На счастье ваше, Тартарруса – сосед Вирии и крови нужно немного. Всего-то десять капель. Но дать её нужно скорее, волки совсем близко.

Матфей перевёл слово в слово.

– Как же нам её дать? Галки будут клевать нас? – спросил Виктор.

– Да нет же, болван! – взволновано вскрикнул ворон, заметив со стороны Ольховки движение. – Надрежь руку или уколи палец. Всё равно как, только скорее! Они нас заметили!

– Но как же Нил? – заметалась Юна. – Мы не можем его так бросить!

– Мёртвые, вы ему не сможете сильно помочь, – хрипло ответил Гамаюн. – Вурдалаки его не тронут, он станет их пленником и козырем, чтобы добраться до Матфея. Ну же, решайся, неразумная девица!

Последние слова прислужника Матфей разумно умолчал.

Друзья в сомнении оглянулись друг на друга, и Виктор первым несильно резанул себя по ладони перочинным ножом, всегда имевшимся при себе. За ним последовали Эрик и Матфей, перенимая и обтирая нож. Юна дольше всех медлила, и тогда ворон подскочил к девушке и клюнул её в ладонь, из которой тут же засочилась крупными каплями кровь.

– А теперь живо произнесите: Переправщик, прими плату и доставь меня живым и невредимым туда, куда мне надо, – повелел ворон, – скорее, они совсем близко!

Теперь уже и ребята не то что слышали, видели быстро приближавшиеся волчьи тела, следом за которыми торопились человеческие фигуры. Волков было двое, людей трое; один из вурдалаков значительно возвышался.

– Переправщик, прими плату и доставь меня живым и невредимым туда, куда мне надо, – хором, громко произнесли друзья.

Галки молниеносно поднялись в воздух, и каждая подлетала к подставленной руке, чтобы испить крови.

– Один, два, три, четыре, – отсчитывал ворон, сам успевая заглатывать кровавый ручеёк с Матфеевого запястья. – Восемь, девять, десять. В путь!

Галки, получив кровавое подношение, поднялись над головами плательщиков и с пронзительным карканьем, более тонким, чем воронье, вцепились когтистыми лапками в плечи Эрика, Виктора и Юны.

– Может, бросить этого дохляка? – напоследок предложил Гамаюн. Ворон цепко обхватил лапками плечи Матфея, продырявив при этом кожу куртки. – Лишний вес, а проку от него уже не будет.

Матфей только бросил скептический взгляд на бездыханную ношу в руках приятеля, тот понял всё без слов.

– Он ещё жив, – ледяным голосом возразил парень. – Лиандр – мой прислужник и я за него в ответе. Я не брошу его!

– Хорошо, будь по-твоему, здоровяк, – с досадой прокаркал Матфеев союзник.

Птицы отчаянно замахали тёмными крыльями, издавая чудовищный по мощи галдёж. Воздух вокруг стал сгущаться и внезапно ворвавшийся на Тисовую улочку ветер, закружил вокруг друзей, образовав воронку. Волки не могли подойти к беглецам, их сдувало, как только он подбирались совсем близко. Их хозяева что-то кричали, принуждая прислужников идти вперёд. Но ничего не выходило – добыча находилась в центре ветряного водоворота.

Матфей крепко прижал к груди Сееру, Рарог поглубже забился в карман куртки, а Виктор бережно обнимал, бездыханную фигурку Лиандра, будто то был малый ребёнок, а не кот. Наконец, земля отделилась от ног и четвёрка друзей, оторвавшись от сухого пыльного асфальта, зависла в воздухе. Гамаюн прочно держал Матфея, и тот поражался той силе, что была заключена в его пернатом союзнике.

– Плата принята! – прокричали галки в унисон с вороном.

Воздушная воронка сомкнулась.

Когда пыль и поднятый в воздух сор стали оседать, а ветер стих столь же внезапно, как и образовался, взору Револьда Астрогора предстала пустынная Тисовая улица, на которой кроме древних великанов-тисов никого не было.

– Они сбежали! Снова эти поганцы-переправщики! – в сердцах выругался тот, кого Астрогор называл Мáриком. Ему, как и его прихрамывавшему полупсу-полуволку повезло уцелеть в бойне. Видок оба имели весьма потрёпанный.

Мáрик тяжело дышал, приложив одну руку к груди, а другой зажимал разрезанную брючину на бедре – вокруг прорехи влажнело и быстро разрасталось пятно. Его патрон выглядел бодрее, хотя лицо пестрело ссадинами, мелкими порезами, а длинный и прежде шикарный плащ больше походил на рванный пиратский парус. Если вурдалак и был серьёзно ранен, виду не казал. Напротив, он самодовольно улыбнулся, обнажив ровные ряды зубов. Никаких вытянутых клыков из древних страшилок, конечно, не было: старые предрассудки, с которыми бес- сильно бороться даже самая суровая реальность. Эта улыбка смутила подчинённых: наверное, тому виною была кровь, обильно размазанная вокруг рта и стекавшая с подбородка крупными каплями. Рассек ли ему губу в драке Ефир или то была кровь самого поединщика – не имело особого значения для простых вурдалаков. Взгляд, в котором жила смерть – вот что опреде- ляло Астрогора для его людей.

– Ничего, – вымолвил главный вурдалак, как ни странно, слова подчинённого, равно, как и только что разыгранное действие пред его взором, не вывели его из состояния сосредото- ченности, напротив, усилив его. – Всё идёт по сценарию. Просто от пункта «А» мы перейдём к пункту «Б». Всегда нужно иметь запасной план, не так ли?

То, каким тоном он это произнёс, вынудило Мáрика отстраниться на несколько шагов.

Револьд Астрогор достал из внутреннего кармана плаща мобильный телефон и, набрав нужный номер, приложил к уху:

– Добрый день, золотце. Для тебя есть работа. Собирайся и выдвигайся...

Вурдалак закрыл глаза и напрягся, по его бледному лицу пробежала волна. Он открыл глаза и широко ухмыльнувшись, договорил в трубку:

– ...в Тартаррусу.

П. И мир станет чуточку шире

Баранка

– Баранка, Баранка, вставай спозаранку! Баранка, Баранка, не ешь шоколадку! Баранка, Баранка, на вереск, упрямка! Баранка, Баранка, наешься поганки!

Каждое утро Луки начиналось хоровой дразнилкой девочек, кружком облепивших её кровать. Они с чего-то считали своим неременным долгом вопить во всё горло нелепые слова. Будто это гимн. Да, персональный гимн Лукерьи Баранки. Началась эта детская выходка пару месяцев назад; девочка надеялась, что её соседок хватит на неделю, или на две от силы. И ведь кто-то же умудрился сложить слова в незатейливый, насмешливый стишок. Хотя глупости отчего-то людям даются всегда легче хороших поступков. Но дни текли, как и дождь за окнами Кронса, а детский пыл всё не утихал.

Когда-то Лука услышала простую истину из уст няни Жули: ко всему привыкаешь. И она привыкла к каждодневной побудке произносимой нараспев дразнилкой. Не то чтобы девочки её не любили, их беспокоили её странности. Впрочем, странные люди встречаются где угодно и привыкают к тому, как на них смотрят обычные, заурядные обыватели, да и пропускают мимо ушей слова тех, кто о них судачат. Оно и ясно: всё, что непонятно и непривычно, пугает и отторгается, или, наоборот, притягивает, как мотылька в ночи лампа. И Лука не стала исключением.

Но только не для Рады. Та души не чаяла в своей молчаливой и замкнутой подруге, искренне подставляя верное плечо в трудные моменты и частенько надоедая безудержной говорливостью.

Если бы у Лукерьи был выбор, она бы жила одна в домике, далеко-далеко ото всех, на берегу океана и слушала лишь говор его неутомимых волн. Темноволосая и кареглазая Рада утомляла Луку, но она была единственной наперсницей девочки в долгом томлении в стенах Кронса.

Кронсом был угрюмый, серый приют на крутом скалистом берегу холодного беспокойного моря. Старая каменная постройка, облик которой более соответствовал древнему монастырю, каждый год принимала и давала пристанище под своими широкими сводами – словно беспомощным птицам – девочкам разных возрастов, по воле злого рока лишавшихся дома и семьи.

От няни Жули, полное имя которой Джулия Стог, Лука и узнала подробности своего попадания в застенки Кронса. Одним ранним и ужасно промозглым апрельским утром Жули разбудил детский плач. Комнатка няни располагалась на первом этаже центрального корпуса совсем близко от входа, а сон у женщины поутру с годами стал чуток и тонок, как первая паутина весны. Солнце ещё только раздумывало показывать своё ленивое тело на горизонте, дразня мир дымчатыми сумерками. Море, чем-то взбешённое до крайности, обрушивало неистовые волны о скалу, будто силилось в сумасшествии своём взбить из солёной воды масло, выбивая лишь грязную, сорную пену. А ветер в довершении всего, словно сговорившись с морем, натащил с запада, где ещё царствовала ночь, аркаду звероподобных туч, обильно сдобренных влагой. И вот в час, когда округа ослепла от пронзительной вспышки молнии, и раздался первый басистый гром, чуткий сон Жули разорвал надсадный плач младенца. Тогда и годы спустя женщина вопрошала себя: как же сквозь бурю и толщу стен смог просочиться крик? Как сквозь сон ей удалось расслышать покинутое матерью дитя? Несомненно, то душа Жули, что сама более всего на свете жаждала быть матерью, но не стала, отозвалась на горестный клич юного сердца.

Не медля ни секунды и вздрагивая от каждого громогласного небесного боя, женщина, кое-как нацепив пальто, выбежала на крыльцо, а затем, жмурясь от страха и вознося Создателю молитву, одолела подъездную дорожку до высокой каменной ограды, кольцом опоясывавшей приют. За решёткой кованых ворот в большой бельевой корзине Джулия Стог и обнаружила ребёнка, уже порядком промокшего и замёршего, несмотря на толстый лоскут шерстяного пледа, которым в последней заботе укрыли малыша.

Малютку отогрели и накормили молочной кашей. На вид девочке было около года, но могло быть и того меньше. Ни записки, ни вещицы, кроме намочшего пледа, в корзине не оказалось. Так вышло, что по близости крутилась одна из воспитанниц, Герта, девочка участливо взирала на новенькую и с любопытством её оглядывала. В какой-то момент малышка расплакалась и дабы успокоить её, Герта протянула ей золотистую баранку, которую попридержала с завтрака. Младенец тут же утих и с вождением, стиснув маленькими пухлыми пальчиками кругляш сдобы, запихнул её в ротик, принявшись с наслаждением обсасывать в неуклюжих попытках укусить. Умилительное зрелище. И имя родилось само собой. Девочка-найдёныш получила имя святой Лукерьи Добронравы, именины которой выпали на знаменательный день. А за проявленную охоту до сдобы к Лукерье прибавилась Баранка. Так отныне и значилась она в главной книге Кронса: Лукерья Баранка.

Накануне своего девятого года жительства в приюте Лука по обыкновению совершала прогулку с группой девочек-одноклассниц на Красной Круче. То место, получившее некогда причудливое название, было каменистым пригорком, высившимся в удалении на юге от серых стен Кронса широкими, массивными, багряного цвета пластами-ступенями и оканчивавшимся острым уступом, под которым внизу клочкотали морские чалые волны. На Красной Круче пушистыми клочками рос во множестве бурый мох, а из каменных расщелин простирал к небу жидкие и голые ветки дикий вереск. В пору цветения Круча окрашивалась в лилово-розовый цвет, а сладостный аромат вереска долетал до стен приюта, проникая внутрь и будоража покой его обитателей. Бедная и скудная земля, оживавшая лишь летом россыпью цветения, на северо-востоке плотно стелилась верещатником, чьи отголоски росли меж камней побережья. В вересковую пустошь без сопровождения взрослых детей не пускали, из боязни потерять. Но самые озорные и отчаянные сорви-головы, нарушая запреты, наведывались в лиловые заросли. Их тянул туда, завораживая сиреневый ковёр цветов, такой контрастный и яркий на фоне тусклой, тёмно-серой земли.

Имелось на Круче одно местечко, ровный пятачок, на котором двумя рядками росли высокие и пышные кусты акации. Меж ними скромно ютилась деревянная скамья, оправленная в железо. Это местечко любили многие воспитатели и учителя приюта, они приходили сюда в одиночестве в минуты особого напряжения за вожденным покоем и приведением мыслей в порядок. Девочкам тоже нравилось навещать скамейку, но группками. Они, словно стайки воробушков, заполняли покатую поверхность сидения, плотно прижимаясь друг к дружке, и весело щебетали, делясь сокровенными секретами.

Лука обожала сиживать среди кустов акации, но в одиночестве. Рада не раз пыталась навязать ей своё общество и пристроиться рядышком на скамье, но подруга либо прогоняла её грубым словом, либо безмолвно покидала заветный пятачок, скрываясь меж ступеней Кручи. И смуглолицая Рада смирилась с этой чудинкой, ведь она души не чаяла в приятельнице, чей туманный взор порой простирался далеко за пределы моря.

Итак, Лука прогуливалась с одноклассницами по багряной поверхности Кручи. Она, сразу же отделилась, как только группа приблизилась к первому пласту-ступени. Лениво ступая по камням, девочка иной раз останавливалась у особо пышных островков мха и замирала на месте, подолгу вглядываясь в их бурую сердцевину. Воспитатель окрикнула Луку пару раз для порядка и оставила в покое, озаботившись более шустрыми и непоседливыми девочками.

В этот предпоследний день апреля Лукерья была сама не своя, весь мир тяготил её, и она не знала, куда от него спрятаться. Завтра будет День её Нахождения. Ровно девять лет назад няня Жули подобрала Луку у ворот Кронса. Девять тягучих и бесконечно скучных лет. Нет, не всё было так плохо. Няня Жули, с особой любовью опекавшая девочку с самого первого дня, стала Луке практически матерью, хоть особые отношения к воспитанницам и были под запретом. Да и не все учителя и воспитатели были строги к девочке. Но всё же это был не её дом и не её семья. Что-то внутри неё тосковало и надеялось на чудо. И, частенько сидя на скамейке

меж акаций, Лука выдумывала свою историю жизни, в которой было всё: счастливая и любящая семья, хороший и светлый дом и, конечно, море. Без моря не могло быть историй. Море стало центром её бытия: оно обещало, манило, шептало беспокойным ветром и предвещало чудо. Лука убедила себя однажды, что за морем она найдёт своё счастье и поверила в это.

Ноги сами собой увели её к недавно оперившимся в изумрудную листву кустарникам. В конце мая акация наберётся сил и войдёт в пору цветения, порадует обитателей Кронса солнечной россыпью цветков. Но то ещё впереди, а пока...

На скамье сидела незнакомая дама. Лука опешила, и поток гнетущих мыслей тут же сошёл с неё, как вода стекает с травинки. Видеть в этих краях незнакомцев приходилось нечасто, а уж на Красной Круче и подавно – невидаль. Вот и застыла Лука вблизи скамейки с закрытым от удивления ртом.

Первым бросился в глаза ярчайший зелёный плащ, сочная краска которого, казалось, вступила в соревнование с нежной и юной листвой акации. Стройные, обтянутые чёрным капроном ноги до колен прикрывал плащ; тонкие, точёные стопы венчались лаковыми чёрными туфельками на изящных каблукках – на взгляд Луки, самой прекрасной обувью когда-либо ею виданной. Но более всего девочку заворожили длинные прямые волосы незнакомки. Они будто полыхали живым огнём, переливаясь в солнечном свете всеми оттенками красного. Лука мысленно сравнила их со своими – непослушными, тускло-рыжими, почти что ржавчина; волосы были ужасно убогими.

– Ну, здравствуй, – произнесла незнакомка так тепло и душевно, будто знала Луку всю жизнь, но по воле обстоятельств не навестила её ни разу за девять лет. – Как поживаешь?

Девочка молчаливо смотрела на женщину, молодую и красивую, с нескрываемым любопытством осматривая каждую деталь дамского наряда.

– Наверное, хорошо здесь, когда акация в цвету, – благодушно добавила незнакомка, она прямо и выжидающе смотрела на девчушку, что серым воробушком стояла подле неё. – И пчёл немало должно быть тут. А ты пробовала вересковый мёд?

Наконец их взгляды встретились и Лука вздрогнула.

За столько лет у неё было достаточно времени на разглядывание собственного отражения. Довольно часто она останавливала на зеркальной поверхности свой взор, подолгу застывая и не моргая до боли в очах. Точно жаждала там отыскать ответ на самый главный вопрос.

Тёмно-карие с вишнёвым отливом глаза женщины так сильно напомнили девочке её глаза, в обрамлении золотистых и густых ресниц, что у Лукерьи на секунду перехватило дыхание. Но она справилась с накотившим волнением, и живой блеск, вспыхнувший было в её взгляде, вновь остыл.

– Я не люблю мёд, – с безразличием ответила она.

– Но мёд сладкий. Разве ты не любишь сладкое? – В тёмных глазах дамы промелькнули задорные искорки.

– Люблю. А мёд – нет.

– Но почему? – не отставала упрямая незнакомка.

– Он горчит, – просто ответила Лука.

– А почему ты одна гуляешь? – последовал тут же новый вопрос от любопытной дамы.

– Потому.

– У тебя нет подруг?

– Есть. Там. – Лука указала рукой в сторону, где слышны были весёлые перекликающиеся голоса одноклассниц.

Лицо женщины отчего-то сделалось серьёзным. Она плотно сомкнула губы, сочные, малиновые – самые красивые на свете, как подумалось Луке. Затем будто о чём-то вспомнив, дама погрузила узкую белую ладонь в карман плаща и вынула её на свет, сомкнув в кулачок.

– Подойди, – попросила она девочку. – Я тебе кое-что отдам во владение.

Любопытство присуще всем детям, и Лукерья, замкнутая и отстранённая, не была лишена стремления узнать что-то новое. А незнакомка просто излучала ауру неведомого и притягивала Луку, хоть та и старалась придать себе невозмутимый вид безразличия.

– Ну же, не бойся, подойди – улыбнувшись, повторила женщина.

Её улыбка подкупала доверием, таким искренним и чистым, и более не раздумывая, Лука подошла совсем близко и с нетерпением уставилась на сжатую ладонь, предвкушая что-то жутко интересное.

В Кронсе редко происходило что-то стоящее и достойное её внимания. Самым желанным для Луки была ежегодная поездка в Диво, как ей казалось, далеко за пределы приюта. За вересковую пустошь, всё дальше увозил воспитанниц синий автобус, туда, где, словно в глубокой чаще покоилась зелёная долина. Луке автобус казался огромной синей птицей, способной осуществить любое желание, но этой птице, к сожалению, было дозволено исполнить лишь одно. В конце мая и на три недели девочек принимало в свои гостеприимные объятия Диво – просторная туристическая база, где протекали самые беспечные и яркие дни в году.

Именно в Диве, с жадностью впитывая всё незнакомое и новое, Лука впервые увидела одуванчик. Этот солнечный и душистый цветок показался ей прекраснейшим созданием на свете. Рвать одуванчики она не желала, свято чтя жизнь, как ей привила няня Жули, но пройти мимо маленьких солнц спокойно не могла. Потому бойкие и шумные воспитанницы Кромса частенько видели, как их странная одноклассница часами просиживала на траве, что-то нашёптывая цветкам и при этом их нежно поглаживая. Девочки в этом видели причуду, сама же Лука – просто невообразимую метаморфозу, от которой её сознание сотрясало поистине вселенским громом.

Яркие шляпки солнечных цветов превращались в дымчатые шары и от напористого дуновения ветра одуванчики расставались с головными уборами, становясь лысыми и убогими. Это преобразование вызвало к жизни несколько теорий. Сначала Лука решила, что это какое-то волшебство, на одуванчики, безусловно, кто-то наложил чары, и поэтому они менялись столь чудесным образом. Но после, повзрослев, девочка увидела скоротечность жизни – цветение и увядание. Но магия не угасла в её понимании окончательно, она по-прежнему верила, что цветы заколдованы. Она просто не желала видеть простоту сути вещей, это было неинтересно. Волшебство обязано было присутствовать везде, иначе какой смысл в жизни?

Незнакомка медленно разомкнула тонкие пальцы, в центре ладони лежал камешек. Не крупнее средней фаланги большого пальца, гладкий и прозрачный, светло-оранжевый с тёмной крапинкой.

– Это янтарь, – пояснила женщина, протягивая камешек Луке. – Знаешь, что это?

– Нет, – тихо ответила девочка, не решаясь принять дар.

– Это древесная смола, застывшая очень-очень давно. Бери смелее.

Лука всё же ухватила камешек кончиками пальцев, осторожно, словно боясь раздавить.

– В некоторых камнях попадаются пленники, – заметила женщина, явно довольная тем, что её вещь принята. – И в этом янтаре есть маленький пленник. Посмотри внимательно. Видишь это пятнышко внутри камешка?

Лука кивнула и, поднеся гладкий камешек близко к лицу, сощурила глаза, силясь разглядеть пленника камня.

– Это жучок, – подсказала незнакомка. И Лука распознала тонкие лапки и жёсткокрылое тельце малюсенькой бедолаги, по воле случая угодившей в смоляной плен.

Лука протянула камень с пленником обратно, но дама, покачав головой, отказалась его принимать.

– Это подарок, – произнесла она так ласково, что у девочки защемило в груди. – Янтарь камень не простой. Если поднимешь его к небу и посмотришь на него, то увидишь заключённое в нём солнце.

Это Лука и проделала тут же. Внутри янтаря расцвел медовый огонь, тёплый и чистый, как небесное светило. Он лучился таким нежным светом, будто вобрал в свою твердь все солнечные чары.

– Держи его всегда при себе и никому не давай, – сказала дама, вставая со скамьи. – Отныне это твой амулет. Он тебя не подведёт и выручит из беды.

– Как вас зовут? – отважилась на вопрос девочка, про себя сетуя, что не спросила раньше. Пролетавшая низко чайка оглушительно прокричала, но Лука всё же расслышала имя.

В стороне, совсем близко раздался девичий голосок, окликавший Луку.

– Твоя подружка? – спросила незнакомка.

– Рада, – ответила Лука, и отвернулась на мгновение в сторону зовущего её голоса.

Когда она повернулась, женщины не было. Она словно испарилась, исчезла, будто её и не было на Красной Круче. Ни шелеста кустов, ни шуршания камешков под ногами. Невозмутимый покой. Лишь светлый янтарь, ещё хранивший тепло её пальцев, доказывал, что незнакомка была.

Рада влетела в молчаливый закуток акаций и, обнаружив подругу, весело защебетала. Лука не слушала её, она растеряно смотрела на пустую скамейку и думала о той, что минутами ранее на ней сидела. Заметив у Луки солнечный камушек, Рада поинтересовалась, что это за камень и откуда он. Крепко стиснув пальцами самоцвет, девочка гордо ответила:

– Это янтарь. Его подарила мне мама.

1. Новая компания

Дьявол Всезрящий, как же это прошло ужасно тяжело! Невыносимо, на последнем выдохе! Перемещение или полёт – чёрт знает, как называть доставку переправщиков – едва не выдавил из них все внутренности. Воронка, подхватившая их тела на Тисовой улице, хоть и унесла от подручных Астрогора, но лишь чудом не расплющила в котлету. Поправочка: в четыре котлеты, прислужникам, конечно же, вреда никакого не случилось.

– Почему ты не предупредил? – задыхаясь и еле дыша, с упрёком выговорил Матфей вброду.

Их всех стошнило – демонов, не прислужников.

Когда стенки ветряной круговерти сомкнулись, невидимые тиски сжали человеческие тела и закружили с неистовой силой. Скорость оказалась запредельной. Перед глазами плыла глухая, ревущая тьма. Уши болели от чудовищного грохота, и если бы кости затрещали и, переломавшись, вышли из тела, никто из ребят этого бы не услышал. И не осознал. Боль адская скручивала тело от пальцев ног до самого темечка. Матфей, как и его спутники, ощущал себя беспомощным. Точь-в-точь – кукла-марионетка, по чьей-то жестокой прихоти болтавшаяся в центрифуге стиральной машины.

Он уже не верил в благополучный исход, когда ворон выпустил его. Птичьи когти отцепились из кожаной куртки, и Матфей повалился на землю. Поблизости, словно спелые яблоки, распластались его друзья.

Желудок, бунтовавший всю нелёгкую дорогу, тут же выполнил самое естественное: освободился от своего содержимого. Эрика вывернуло несколько раз. Юна расплакалась.

– О чём?! Что вы – хлюпики, и вас размажет по стенке? Что вы обгадитесь и перепачкаетесь соплями? – возмутился Гамаюн. – Это я должен был сказать за секунду до того, как волчья пасть вцепится кому-то из вас в глотку?

– Ты прав, – угрюмо, с одышкой признал правоту прислужника всеслух. – Никто не будет запариваться над побочными реакциями, когда жареный петух клюёт в одно место.

Виктор Сухманов с беспокойством ощупывал Лиандра, кот еле дышал, но в сознание не приходил.

– И так всегда? – откашливаясь от последнего приступа, выговорил Эрик Горденов.

Видок у друга был ещё тот: лицо точно окунули в молоко, глаза покраснелись и увлажнились от произвольного слезотечения, из носа к губам прозрачными ручейками бежали сопли. Эрика потрепало сильнее всех, он с трудом стоял на дрожащих ногах.

– Я не знаю, – буркнул Гамаюн. – Я редко катаю демонов из страны в страну. Но вроде, как через две-три переправы тело более-менее адаптируется.

– Что сказал твой прислужник, Маф? – обратился к Матфею Эрик.

– Он говорит, что через две-три таких поездки эффект выжималки должен ослабнуть. Тело вроде бы привыкает.

– Что? – ахнула Юна, её вишнёвые глаза блестели от избытка слёз. – Ещё раз в этом аду? Ну нет, дудки! Это чудо, что мы уцелели в этот раз. Может, птицам подобные поездочки нипочём, но мы не животные. Мы обычные люди и нам опасно путешествовать таким образом.

– Демоны, – поправил её Виктор, – мы демоны.

– Да плевать! Хоть черти! Я больше никуда не полечу с птицами. Будь они хоть премиум класса.

– Ласточка в чём-то права, – слабо добавил Эрик, но тут же был вынужден прокашляться от нового приступа. – Боже, где мой платок?

– А где галки? – спросил Матфей.

– Они выполнили свою часть договора и покинули нас, господин, – промурлыкала Сеера, она тщательно ходила язычком по пыльному ворсу шкурки.

Только теперь компания обратила внимание на место приземления. Это был большой складской комплекс. Безлюдный, понатыканный местами плотно прилипавшими друг к другу металлическими ангарами, да разбросанными в беспорядке грязными мусорными баками. Над коробами хранилищ местами изрядно поработала ржавчина. Кое-где в стенах чернели проплешины. Асфальт под ногами и тот в замарался приличным налётом песка и нанесённой ветром старой и новой листвы.

– Похоже, здесь давненько не ступала нога человека, – озвучил итог осмотра Виктор.

– Ай-да на разведку! – залихватски, с посвистом пискнул Рарог, похоже единственный из всех, кого радовало прибытие. – Пошуршим в этих рухлядах.

– Постой! Мы понятия не имеем, где находимся, – предостерег его Матфей, ухватив за скользкий чёрный хвост.

– Там, куда ты и заказывал, молодой человек, – деловито каркнул ворон. – На земле Тартаррусы. А именно, в провинции Сарпа. На востоке отсюда пролегает столица Кошива. Мы же, если быть досконально точными, были переправлены в Омолон – центральный город провинции Сарпа. На его окраину.

– Ничего себе! И куда же нам идти? – растерялся Матфей и, совсем забыв о хвосте саламандра, сжал его.

– Ай! Господин! Пощади мой хвост! – запищал писклявым голоском Рарог. – Он мне ещё пригодится.

– Извини, приятель. – Юноша бережно опустил ящера на землю. – Я не хотел.

– И почему вы, демоны, всё плохое совершаете с последующим причитанием: я не хотел, либо я не знал? – обижено прошипел Рарог, но вышло это у него забавно свистяще. – Удобная отмазка.

– Ну прости меня, Рарог. – Матфей почувствовал, как смущение вновь наливается на его лице краской. – Я задумался и отвлёкся.

– Отвлёкся он. Увлёкся! Вот! Что и требовалось доказать. – Саламандр назидательно поднял вверх лапку. – Забыть, что у тебя в руках живое существо.

– Рарог, – сконфужено процедил Матфей.

– Да ладно, проехали. – Ящер повернулся к союзнику чёрной в жёлтых пятнах спинкой. – Может, всё-таки обследуем эти сараи?

– Уймись, саламандра, – слово вновь взял Гамаюн. – Сейчас не до этого. Матфей, нужно решать, куда держать путь. Ты сам понимаешь, что здесь нам оставаться не следует.

Матфей обвёл растерянным взглядом друзей, ища поддержки или значимой подсказки. Эрик, более-менее очухавшись, наконец, отыскал во внутреннем кармане пиджака желанный платок и старательно утирал им взмокшее от пота лицо. Юна сама с надеждой взирала на Матфея, ожидая спасительного решения, которое выручит всех. Виктор был слишком занят раненым котом, чтобы в данный момент думать о чём-то ещё.

– Я не знаю. – Голос Матфея был слаб, нерешителен и потерян.

– Знакомая песня, – иронично заметил Рарог.

– Нет, я, правда, не знаю, что делать и куда идти, – совсем упавшим голосом добавил юноша. – Всё пошло не так. Они должны были остаться в Горницах.

– Молодой человек, – с прохладцей встрял в Матфеев лепет ворон. – Планы редко воплощаются в том виде, как задумывались изначально. Чаще всего они летят прямёхонько в пасти чертям или иной нечисти. Ну и что? Это не повод вешать клюв и опускать крылья. Да, кампания начиналась, как «Матфей и его союзники», но теперь придётся подкорректировать её на «Матфей, его друзья и союзники». Ничего не поделаешь, молодой человек.

Как бы в подтверждение бравого вороньего карканья раздался смачный утробный звук: Эрик от души высморкался в свой холёный платок.

– Но я всё равно не уверен...

– А мы тебе поможем, господин, – мягко заверила Сеера. Кошка сидела подле него, спрятав под себя лапки, и имела вид чёрного клубочка. – Все вместе. Только не бойся. Страх разрушает жизнь.

– Сеера дело говорит, – бодро подержал приятельницу Рарог. – Покрышки-кочерыжки.

Матфей вновь оглядел друзей, те с ободрением смотрели в его сторону. Ожидали слов и действий.

– Что ж, раз вернуться назад мы не можем, надо идти дальше, – растягивая слова, говорил юноша. – Мне всю жизнь хотелось путешествовать, и судьба подарила мне этот шанс. Правда, несколько странным образом. Мы обязательно найдём способ, вернуть вас домой, но пока нам нужно держаться вместе. Сеера права, страху не место там, где жизнь. Никто не против, если мы всё же навестим столицу Тартаррусы?

– Надеюсь, мы не пешком туда отправимся? – сиплым от кашля голосом спросил Эрик. – Я не обут в походные ботинки. Несколько километров и моим ногам хана.

Все непроизвольно бросили взгляд на шикарные лаковые туфли Эрика Горденова и зашлись смехом. Хоть чёрный глянец туфель и запылится у мысков, но в целом, обувь лоснилась гламуром, таким же вычурным как и Эриков костюм; точно так же смотрелся бы шахтёр после забойной смены посреди приёмного зала в королевском дворце.

– Да, Философ, ты совсем не подготовлен к суровой жизни путешественника, – борясь со смехом, процедил Виктор. – И как тебя угораздило с нами вляпаться?

– Между прочим, – гордо отозвался Эрик, – я трудностей не боюсь. Просто предупредил, что подходящей обуви у меня с собой нет.

– Это не беда, Эр, – простодушно уверил его Матфей. – Денег, что я прихватил из дома, хватит, чтобы каждого одеть с иголки. И ещё останется. Надо только найти подходящий магазин в городе. Как он там называется, Гамаюн?

– Омолон, – каркнул ворон.

– Вот, нам надо лишь выбраться в Омолон, а там...

– Матфей. – Юна тихонько дёрнула за рукав Матфеевой куртки. – А как мы будем общаться с местными? Я не знаю их языка и вряд ли их пойму. Может, ты знаешь?

– Неа, не знаю, Юн, – Замешательство вновь вернулось к юноше, покрыв лицо новой багровой волной. – А вы, ребята?

Эрик и Виктор покачали головами, они так же, как и Матфей, не задумывались о проблеме, пока её не озвучила Юна.

– Господин, – промурлыкала кошка, – всё проще, чем ты можешь представить. Все Проснувшиеся понимают друг друга и говорят на одном языке. Но Спящим эта радость не доступна.

– То есть, Фей, Эр и Вик будут понимать любого, а я нет? – обеспокоилась девушка, когда Матфей донёс друзьям слова кошки.

– Было бы о чём горевать, – раздался снизу в сторонке едкий комментарий саламандра.

– Мы что-нибудь придумаем, Ласточка, не переживай, – ласково произнёс Матфей. – К тому же, возможно ты вернёшься домой скоро.

– Но куда же нам идти? – задал риторический вопрос Рарог. – И к сведению всех присутствующих, скоро закат солнца. А я не люблю никаких передвижек в тёмное время суток. Это кошкам да совам хорошо ночью. У них глаза, вон какие.

Тут Матфей и остальные с изумлением обнаружили, что день близится к концу. Солнце на две трети ушло за горизонт, волоча за собой золотисто-малиновый шлейф. От ржавых ангаров пролегли глубокие, рваные тени, точно паруса потрёпанных бурей кораблей.

– Но как же так, Гамаюн?

Настроение, что чуть подало голову вверх, тут же упало тяжким грузом.

Птица невозмутимо сидела на крышке жестяного бака и, казалось, что происходящее вокруг её нисколько не касается.

– Это временная аномалия, – как само разумеющееся произнёс Гамаюн. – При переправе нет точности. Возникает некий сдвиг. Можно отправиться утром, как это было в нашем случае, и прибыть вечером. А бывает и наоборот.

– Нам нужно выбираться отсюда, – твёрдо заявил Эрик, – скоро стемнеет, а мы не знаем в какой стороне город.

– Лиандру нужна помощь, – произнёс Виктор.

Кот тихонько мяукнул, жалобно, с хрипотцой.

По упрямому выражению лица хозяина кота стало очевидно, что он либо с места не ступит, либо будет идти по темени куда глаза глядят, лишь бы донести любимца до спасительного места.

– Господин, могу я дать совет? – Сеера тихонько окликнула союзника.

– Сейчас любой совет может быть кстати.

– В таком случае, предлагаю провести ночь здесь.

– Что? Но это же – склады! Ты посмотри, у большинства прогнили крыши, а стены – решето. Мы замёрзнем, у нас нет тёплой шерсти, чтобы скоротать в холодном сарае ночь.

При упоминании о сарае Рарог многозначительно пискнул.

– Вот именно, – не сводя с Матфея изумрудных глаз, спокойно ответила кошка. – В этом наше преимущество. Враги будут нас искать в уютных жилищах, им и в голову не придёт, что мы на заброшенном складе.

– Ребята, Сеера предлагает нам заночевать здесь, – выговорил Матфей с глуповатой улыбкой. – Она считает, что нам безопаснее здесь перекантоваться, чем в самом городе.

– Идея, конечно, здравая, но моему коту нужна помощь, – упрямо процедил Виктор. – Без неё он не протянет до утра.

– Я знаю одно средство, оно облегчит его страдания, – силло прокаркал Гамаюн. – Передай это здоровяку.

Матфей повторил слово в слово, но речь не ободрила друга, напротив, тот взбеленился и грозно уставился на пернатого прислужника.

– Он хочет умертвить его? – в голосе Виктора металлом зазвенел гнев. – Я не забыл о его с Лиандром вражде.

– Молодой человек, я за честный поединок, – так сухо и гордо изрек ворон, что у Матфея не осталось сомнений: Гамаюна глубоко оскорбил намёк Виктора. – Не в чести ворону, тем более из рода Чёрных, пользоваться слабостью недруга. Когда Лиандр окрепнет, тогда мы и поставим точку в нашей затянувшейся вражде.

– Что это за средство?

Матфей временно занял позицию судьи меж другом и союзником, а то того и гляди, Виктор не раздумывая ухватит Гамаюна за хвост, и устроит старому ворону взбучку. Виктор не Матфей – не даст себя клонуть в ногу.

– Цетрария или просто мох, – коротко пояснил Гамаюн. – Если нам повезёт, то я успею до наступления глубоких сумерек отыскать его. Он хорошо снимает воспаления, а глаз у кота, похоже, загнивает. Поищите воду, рану нужно промыть.

– Хорошо, лети за этим мхом, – дал согласие Виктор, но при том так сурово зыркнул в сторону ворона, чтобы сомнений не питалось: за ошибку расплата последует равноценная.

Лиандру становилось хуже, правый глаз кота походил на кровавой с беловатой слизью шар. Ворон был прав: гной стремительно обволакивал повреждённый глаз, высасывая из него жёлтый свет и заполняя мутно-белым туманом.

Идея заночевать на пустующем складе не вызвала особого оптимизма у ребят, а Юна и подавно сникла. Но всё же честная компания решилась на ночевку, как на единственно верный шанс: не имея в рукаве козырей в виде карт или приборов, то есть, совершенно с голыми руками нет смысла тащиться напрямик в ночь, куда глаза глядят, но не зрят. Да и пословицу – утро вечера мудренее – никто не отменял. Уверовав, что завтрашний день одарит новой надеждой и шансом, друзья, разбившись по двое, отправились на обследование ближайших складских помещений. Виктор и Эрик, прихватив в сопровождение Сееру, побрели направо, а Матфей и Юна – налево, доверившись бесстрашному Рарогу. Лиандра оставили у обшарпанного пластикового контейнера, надёжно спрятав в его тени.

Удача сопутствовала их стороне. Вскоре Виктор и Эрик наткнулись на неказистого вида постовой домик, некогда оставленный охраной, но вполне годный для ночёвки нескольких человек. С отваливающей тут и там штукатуркой, обнажившей красноту кирпича, он казался причудливой диковинкой – таким расколдованным пряничным домиком, с просроченным сроком действия. Два окна зияли пустотой, а уцелевшее третье смотрело на пришельцев угрюмым, мутно-серым глазом. Дверь тяжело поддалась, разбухнув от влажности, а ржавые петли с натужным визгом приветствовали гостей. Помещение располагало одной комнатой. Не считая толстого слоя пыли и песка, нанесённых ветром через пустотелые окна, да чёрных пятен плесени, обосноваться на короткое время здесь вполне было можно. В помещении сохранился диван и довольно крепкого вида стол с парочкой стульев.

Сюда перенесли Лиандра и уложили на стол, предварительно стерев со столешницы приличный слой грязи.

Матфей и Юна нашли воду. К одному тускло-свинцовому, порядком облюбованному ржавчиной ангару пьяной шеренгой примыкали штук двадцать металлических бочек. Большая часть из них лежала пустыми и мёртвыми, но несколько крепких бочонков устояло под натиском времени. Их недра мерцали дождевой водой, приправленной щепоткой осенних листьев. Юркий Рарог обнаружил в тёмных уголках ангара гору больших пустых пластиковых бутылей, в которые прежде заливали питьевую воду. Одну из них на треть и наполнили дождевой водой.

– То ещё местечко, – вынесла приговор Юна, когда прошла вслед за ребятами в облупившуюся халупу.

Эрик удивил всех, он преспокойно устроился на коричнево-сером, в масляных подтёках диване и с несвойственным ему флегматизмом, опёрся спиной о пыльную спинку.

– Что стало с нашим Философом? – шутливо заметил Матфей. – А как же пиджак? А брюки? Они же испачкаются.

– Плевать, – чужим, незнакомым голосом бросил Эрик Горденев. – Здесь всё равно им чистоты не сохранить. Одежду можно купить, а вот друга...

– Ты о еноте? – тихонько спросила Юна. Её голосок, всегда уверенный и бодрый, был похож на выдох обречённого.

– Да, – сдержанно вымолвил он и кивнул так рьяно, что подбородок коснулся груди.

Эрик замолчал. Он глубоко дышал, пытаясь погасить подступившую боль.

– Мой енот, мой Карасу, – выдавил он с трудом. – Он выполнил свой долг. И он остался там. Один. Я не успел с ним попрощаться.

– У нас не было выбора, друг.

Матфею стало неловко перед приятелем. Он сумел выбраться из бойни Айвового тупика, и все его прислужники были с ним, живы и здоровы. Нила Хотина утащил громадный волкоподобный пес – слуга Револьда Астрогора. Оставалось лишь гадать о судьбе пленённого друга и надеяться на лучшее. Эрик потерял енота, бесстрашно вставшего на пути волчьего пса. Прислужнику Виктора сильно досталось в сражении, и его шансы дожить до утра были шаткими. И всё из-за него, из-за Матфея. Юноша был уверен, что если вслух никто и не говорит об этом, но уж во всяком случае, думает так. И он винил себя.

Из тяжких мыслей его вывел Юнин голос:

– Воды, Фей! Дай скорее воды.

Чудеса имеют свойство не останавливаться на одном разе. Вот и у Эрика нашёлся ещё один чистый носовой платок, его хорошенько промокнули водой, и Юна, точно медсестра, принялась осторожно прикладывать смоченную тряпицу к раненому глазу кота.

Сеера долго и тщательно обнюхивала уголки комнаты, и, решив, что самое лучшее место – это диван, запрыгнула на него и свернулась клубочком рядом с Эриком. Тот опустил руку на кошачью спинку, легонько коснувшись бархатистой шёрстки, и ласково пригладил её. Кошка удовлетворённо замурчала.

Рарог предпочёл затаиться под столом, где суетливое топтание ног не могло причинить ему вреда. Особенно его драгоценному хвосту. Он же не ящерица какая-то, у которой хвост по заказу отрастёт, только оторви. Нет, хвостом саламандр рисковать не намерен. Это его гордость и краса.

– А хуже не станет? – вдруг насторожился Виктор, переведя взгляд с бутылки на влажную примочку. – В этой воде может быть столько всякой заразы. А ты её ему прямо в ранку.

– Вик, это лучше, чем ничего не делать, – спокойно произнесла девушка. – Да, по всем правилам нужно прокипятить воду, а уж после заниматься омовением раны. Но у нас здесь ничего нет. Нам повезло, что мы отыскали *эту* воду. Согласись, она несравненно лучше воды из лужи.

– Ну, ты сравнила!

– Я просто пытаюсь тебя подбодрить. Себя подбодрить. Мне же тоже сейчас нелегко, Вик. И я не хочу, чтобы кто-то ещё умер!

Последнее вырвалось из её уст как упрёк к себе и ко всем сразу. Но тут же устыдившись, девушка отвернулась и продолжила процедуру.

– Да всё будет хорошо у кота, – прибавил Матфей, почувствовав неловкость и тягость в словах друзей. – Кошки ж живучие. А Гамаюн мне сказал, что они и вовсе бессмертные. Правда, бессмертны их души, а не тела. Но Лиандр – крепкий котяра, он выкарабкается.

За просевшей дверной рамой и прямоугольниками окон дневной свет мягко и неудержимо гас. Матфею вспомнился зал кинотеатра, те сладостные минуты ожидания до начала просмотра фильма. И свет на стенах. Жёлтые лампы – глаза-светочи словно закрывались, медленно и плавно, погружая зал в долгожданную темноту. Это был сигнал к началу.

И теперь для них работал этот сигнал. Близилась ночь, а с нею тьма и холод. Нужно было срочно решить хотя бы одну проблему их двух. Коротко посоветовавшись, Виктор и Матфей вышли из здания и пошли искать всё, что могло послужить заслоном для окон. Они спешили. Тени разрослись, слипались, вливались друг в друга, пожирали себя, уплотняясь и темнея всё больше. Сумерки уже всю хозяйничали на земле покинутых хранилищ, будто искали подходящее местечко, чтобы заполнить его густым мрачным сиропом.

Окна без стекол изнутри подпёрли пластиковыми крышками от мусорных баков. Пока Виктор и Матфей возились с установкой импровизированных ставней, Эрик, решив, что и он не должен сидеть без дела, обследовал стол. Простой на вид стол, за которым когда-то трапезничали работавшие тут люди, таил под столешницей выдвижной ящичек. Вытащив секрет и уложив его на диван, Эрик принялся обшаривать его содержимое.

– Сегодня удача точно нас балует, – обрадовано воскликнул Эрик, тряся в руке мятым и грязным пакетом.

– Что там? – рассеяно, спросил Виктор, копошась у окна.

– Ты не поверишь, Вик. – Эрик ещё раз горделиво потряхнул находкой. – Кто-то оставил нам свечу и коробок спичек.

– Так уж и для нас? – слабо улыбнулась Юна.

– Считай, для нас.

До того как окончательно стемнело, вернулся Гамаюн. Ворон влетел в раскрытую дверь и, спикировав на стол, вывалил из клюва здоровенный кусок белоснежного мха. Отщипнув он него часть, Юна хорошенько промыла мох и уложила на опухший кошачий глаз. Лиандр слабо дёрнулся и издал жалобный стон. Поверх белёсого мха легла серая от влаги ткань платка.

– Ну вот, какой-никакой компресс, – произнесла Юна и села на диван, прислонившись к его замусоленной спинке, откинув назад голову.

– Всё лучше, чем ничего, – поддержал её старания Эрик и, плотнее закрыв входную дверь, добавил. – Пора зажигать свечи, други мои.

Удача не оставила их. Спички, которых в коробе было всего ничего, превосходно сохранились, и первая же из них выдала стойкую яркую искру при чирканье, а затем воспламенилась. Свеча не была целой, успев в былой жизни домика, растаять на одну треть. Но её жизнерадостный огонь осветил помещение и разорвал монолит теней, разбив их на немошные трепещущие обрывки. Злые, алчные, но бессильные. От свечного сияния стало уютнее сидеть на разошедшихся стульях, где от бывшего великолепия обивки остались клочья седого поролон на фанерных сиденьях. Диван в желтоватых отблесках уже не казался таким потасканным и грязным, а его негодующие пружины, нещадно скрипя, даже привносили своеобразную музыкальную нотку. Точно вконец расстроенная виолончель жаловалась на нехватку слушателей.

– Сейчас бы поесть, – мечтательно произнёс Эрик Горденов. – Я ведь с утра ничего не ел. Так, позавтракал слегка... да и вы тоже.

– Можешь попить водицы из бутылки, – громко хмыкнув, предложил Виктор.

– Есть риск не дожить до утра, отхлебнув такой воды. – На лице Эрика появилась кислая мина.

Гамаюн, занявший местечко на верхушке диванной спинки, коротко и ехидно прокаркал:

– Вот ведь храбрец! Крух! Енот его и тот смелее оказался.

Эрик бросил на ворона укоризненный взгляд.

– Маф, твоя птица сейчас надо мной посмеялась?

– Да не то чтобы...

– А может, у меня живот слабый! – с вызовом и упрёком выдал Эрик. – Может, с кишечником проблемы. Я не хочу всю ночь просидеть где-нибудь там, – он указал в сторону уцелевшего окна, – в темноте. Это ещё в лучшем случае. Ведь можно отравиться.

– Не бойся, Эр, – еле сдерживаясь от подступившего смеха, выговорил Виктор. Он похлопал друга по плечу. – Вон мой кот первый опробовал воду. Вернее его глаз. Хуже не стало. Ну, пронесёт нас и что с того? Не хочешь, не пей. Терпи до утра. А там ещё не ясно, когда мы доберёмся до чистой воды.

На это Эрику нечего было ответить. Кое-как испив воды и немного утихомирив голодные желудки, ребята стали устраиваться ко сну. Диван безоговорочно был отдан Юне, Матфею и Эрик решили спать сидя на стульях, облокотившись о столешницу. А Виктор, как самый неприхотливый и небрезгливый из всех, сел на пол, боком прислонившись к дивану, подложил под голову руки.

Сеера прижалась к Юне, и девушка в ответ обняла тёплый урчащий комочек. Гамаюн внимательно окинул ребят придирчивым взглядом и, удовлетворившись виденным, нахохлился. Рарог вышел из-под навеса стола и забрался в оттопыренный карман Матфеевой куртки.

Эрик дунул на свечу. Тени соединились.

... Нет, подобное сном не может быть. Но тогда где он? Куда подевались остальные? Как же одиноко и не по себе ему.

Матфей оглянулся вокруг снова, будто предыдущие разы его не вполне убедили: он странным образом очутился в помещении с высоченными каменными стенами, где потолок тонул в клубящемся мраке, а протяженность сгинула в зыбкой тьме. Одно он сознавал точно: едва дышащий пятачок света, у которого не имелось источника (свет словно завис облачком в непроглядной ночи), в котором он стоял и потрясённо тёр глаза. Центр той пещеры. Почему именно пещера пришла на ум, он и сам не мог ответить, ведь воздух тут высох, верно, века назад, оставив жалкие крупички случайному (случайному ли?) гостю, чтобы помучить и отсрочить неизбежную кончину того.

И, конечно же, только в центре этой мёртвой, пустотелой громадины мог стоять невысокий, истово алкавший тщедушный свет пьедестал из мрачного базальта, непроницаемо-матовый, с идеальными линиями и углами. Сверху вертикально крепился высокий прямоугольник зеркала. Матфею не хотелось идти к нему, очень не хотелось, дрожь проняла его нутро холодом недоброго предчувствия. Но непослушные ноги вопреки воле головы сделали шаги к зловещему зеркалу, такому же мрачному и непроницаемому, как пьедестал под ним.

И вот он уже в шаге от базальтовой плиты. На сей раз ноги подчинились внутренней команде и послушно остановились. Теперь пленнику хорошо стало видно само зеркало и его оправа. Берцовыми человеческими костями окантовывалась рама, почерневшими, точно обгорели те в огне Судного Дня. Но не жуткое украшение взволновало и устрало взор юноши: как только взгляд его глаз коснулся спокойной дотоле зеркальной поверхности, рябь пошла по ней.

«Но подобного не бывает», – вскричало сознание Матфея.

Но вот уже лёгкие волны всколыхнули аспидные глубины, постепенно закручиваясь и образуя водоворот. В самом конце мелькнуло и устремилось сюда нечто неразличимое, но Матфея затрясло так мощно от подкатившего омерзения и жути, что в мозгу вспыхнуло лишь одно: разбить, вдребезги разбить проклятое зеркало.

Пыльно-сухой воздух дополнился маслянисто-горьким привкусом. Так пахнут жжёные травы, полные яда.

Нечто приближалось с завыванием и свистом, так ветер бьёт по ушам, когда лихачит. В маслянисто-дегтярном нутре зеркальной воронки уже отчётливее прорисовался контур того, кто алчно взывал к неожиданному, но страстно-желанному гостю на языке чуждого мира. Человеческая фигура, как причудилось Матфею, с золотистыми звёздами в том месте, где должны быть глаза, на всех парах неслась к нему, выпростав вперёд то ли руки, то ли когтистые лапы.

Будто человека погрузили в дёготь, а затем вышвырнули, пронеслось в голове напуганного зрителя.

Если промедлить ещё секунду, другую, случится непоправимое. Матфей понятия не имел, откуда он знает, но смотреть в эти жгуче-солнечные глаза нельзя. Нужно отворотить взор, что бы ни сулила скорая встреча с потусторонним пришельцем, отвернуться, зажмуриться и бежать прочь, как бы ни страшила чёрная пустота вокруг. Не её нужно остерегаться, а того, что жило в зеркале.

Истекла секунда. Существо окончательно обрело форму и цвета, оно уже не было безликой маслянисто-чёрной фигурой. Это был юноша, чьё лицо исказилось болью и лютой злобой, а искрящиеся золотом глаза лучились сладчайшим коварством.

Если Матфей не отворотит взгляд – ему конец. Он прекрасно это знал. Потусторонний демон так просто не отпустит и подчинит, взгляд его подобных звёздам глаз очарует и растворит жертву.

Матфей закрыл глаза и отвернулся за секунду до того как нечто в человеческом облике столкнулось с живой поверхностью зеркала и смогло одолеть его. Стоя спиной и дыша так, будто пробежал стометровку за треклятую секунду, он ощущал холод. Лёд простирался за ним.

Со стороны чёрного зеркала раздался вой такой сокрушительной силы, полный стенаний сотен голосов и проклятий сотен плотов, что пещера сотряслась. Камни откалывались от мрачного свода и крупными кусками падали, чудом не угодая в центр.

Матфей не удержался, любопытство взяло верх, и он обернулся. Тот другой, потустороннец, изо всех сил тянул к нему руки, сумев одолеть зыбкую границу зеркала. Они уже простирались выше локтей, но всё ж чужаку каждый миллиметр давался адским усилием. Чтобы выйти из зеркальной ловушки, необходим он, Матфей.

В ушах отчётливо зазвенел голос, отделившись от сотен иных голосов.

«Взгляни мне в глаза, посмотри, ну же!», – приказывал он одновременно ласково и властно.

Сердце испуганно застучало невпопад, голова закружилась, внутри, где-то в области желудка, зародилась и поднялась волна отвращения и тяжести. Эта ноша отягчила его организм, от неё чувствительный желудок тут же замыслил избавиться. Нет! Ещё миг – и его вывернет на пыльный, каменный пол, под дрожащие ноги, отняв последнюю выдержку и стойкость. Но властный глас, казалось, имел силу и над возмущённым организмом Матфея, сдерживая позорный порыв.

И Матфей едва не поддался на уговор и не остановил свой взор на золотистых очах. Но кривая и полная фальши улыбка, вспыхнувшая в предчувствии скорой победы на устах пришельца, отрезвила Матфея. Сердце выдало такой нервный и быстрый стук, что ещё чуть-чуть, и оно бы разорвалось, не вынеся накотивший шквал гадливости и беспредельного ужаса. За человеческой маской таилось нечто неподдающееся осознанию, но осязаемое на чувственной волне. Вновь он стиснул веки, крепко, до белых точек под кожей и, отгоняя, словно назойливую муху, вкрадчивый и манящий голос, побежал прочь от базальтового пьедестала, от клоко-тавшего чёрной жизнью зеркала в костной оправе, от чуждого разума, что паучьими ножками цеплялся за мозг. В темноту, в непроглядный, сухой, удушливый мрак, оставляя позади единственный пятячок света. Далеко позади раздался оглушительный треск: то ли свод пещеры наконец обрушился, погребя злокозненный портал, то ли зеркало само упало и разбилось вдребезги, как того и желал Матфей.

До ушей долетел гневный и отчаянный возглас. Найду тебя! И смолк вместе с легионом других проклятых. Матфей остановился: бежать, не зная дороги, глупо и безрассудно. Только теперь он осмелился открыть глаза. Темнота не пугала, но и не обнадёживала. Он словно угодил в чёрный туман, высушенный и выжатый до капли. Как муха в паутине.

Где-то упал последний камень, покой вновь восстановился, будто ничего и не случилось.

Теперь в крошечной тьме ему хорошенько, в деталях вспомнилось обличье потусторонца. Неприятный холодок вновь обжёг льдом позвоночник от узнавания. Деталь за деталью проступала на податливом покрове черноты, сомнений более не оставалось: тот, кому принадлежал взгляд золотистых глаз, выглядел точь-в-точь как Матфей. Но подобное сном не может быть. Или нет? Но тогда, где он?...

2. Бегство продолжается

Когда в муть единственного целого окна протиснулся тусклый и вялый проблеск утра, Эрик Горденов радостно встрепенулся и с наслаждением, до хруста в суставах потянулся. Его чересчур громкий и бодрый голос озвучил то, что думал каждый:

– Наконец-то! Наконец-то утро. Ещё немного и я бы одеревенел окончательно на этом стуле. И околел от холода.

Все давно проснулись, если, конечно, можно было назвать сном ту неудобную дрёму, и ждали, когда кто-то первым даст сигнал к подъёму. Ведь никому не хотелось быть не учтывым по отношению к товарищам, ненароком прервав драгоценный сон неловким шорохом. Поэтому, радостный возглас Эрика был воспринят чуть ли не гимном свободе. Свободе от неудобства.

– У тебя слюни на щеке засохли, – заметил Виктор Эрику, когда поднялся на затекшие ноги.

– Ерунда, Вик, – беззаботно бросил юноша, плюхнувшись на свободный уголок дивана. – Главное, что ночь позади. Как же здесь холодно!

Несмотря на напускную браваду, Эрик ёжился и кутался в пальто.

– Ага, – кивнул Виктор, растирая ладони. – Осень, она везде одинакова. Без отопления проберёт до костей.

Юна сидела рядышком и потирала сонные глаза. Без сомнений, она лучше друзей перенесла ночлег в сторожевом домике, но долгожданный безмятежный сон настиг её лишь на подступах утра, и потому она широко зевала, пребывая в состоянии полудремоты.

– А где Сеера? – спросила она, растерянно оглядываясь по сторонам.

Кошечка сослужила ночью отличную службу: тепло её тельца, к которому вплотную льнула девушка, согревало и ободряло. И Юне хотелось хоть как-то выразить свою признательность миниатюрной компаньонке.

– Не волнуйся, Ласточка, кошки по утрам бодрствуют и охотятся, – сказал Виктор, разминая ноги. – Вот и Матфеева кошка на охоту ушла. Ей же нужно питаться как-нибудь.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Эрик, сглатывая голодную слюну. – Хоть кто-то может себе живот набить.

– Не переживай, Эр, – добродушно пообещал Виктор Сухманов. – Скоро мы покинем это гостеприимное жилище.

– Скорей бы, – буркнул Эрик, и в тот миг его живот разразился громким урчанием. – Вот! И мой желудок говорит о том же.

– Фей, а твой ворон тоже на охоту улетел? – поинтересовалась Юна, заметив, что Матфей единственный молчит.

– Кто ж его знает, – промычал юноша. Вид у него был унылый и безрадостный, и как показалось подруге, даже немного тревожный.

– Ты чего? – удивился Эрик. – Говоришь так, будто у тебя язык отнялся.

– У мена щека затекла, – простонал Матфей и потряс левой рукой. Она болталась как не живая. – И руха тоже.

– Да ты отлежал руку и лицо, – обеспокоилась Юна. – Ничего, скоро пройдёт. Нужно пройтись, пошевелить конечностями.

– У тебя на пол-лица слюней, приятель, – самодовольно усмехнулся Эрик. – Это ж надо так заспать.

– Хде? – Матфей смущённо принялся здоровой рукой растирать то место, где должны были быть засохшие остатки сна. – Ничехо не чувствую.

– У меня есть платок, – предложил Эрик, вытаскивая из кармана брюк аккуратно сложенный вчетверо кусочек ткани. – Правда, я им вчера немного попользовался, но он ещё вполне пригодный.

– Ну ужнее, блахдару, – отмахнулся от протянутой помощи Матфей. – Я сам.

– Хозяин – барин, – отчеканил в ответ Эрик и, смачно сплюнув на сероватую поверхность платка, принялся утирать белёсые затёки на собственном подбородке.

Вскоре кровь прилила к отлётанным местам, и под кожей зашипало сотнями маленьких иголок. Матфеево лицо покраснелось настолько, будто он испытывал сильнейшее смущение.

– И Рарога нет, – подвёл итог окончательного смотра Виктор. – Может, они нас дружно покинули? Ну, как крысы бегут с корабля. А эти из грязного, вшивого дома.

– Надеюсь, вшей здесь нет. И блох тоже, – безглаголиво буркнула Юна и придирчиво всмотрелась в диванную обивку, но поняв всю абсурдность запоздалой проверки, бросила пустое занятие.

– Да нет, – решительно отмёл предложение друга Матфей. – Они связаны со мной договором. Вернутся. Вон, Лиандр же никуда не убеёт.

– Болван, он не в том состоянии, чтобы куда-то бежать, – жёстко произнёс Виктор, но тут же спохватился, явно смутившись резкости. – Что-то он тихо лежит. Посмотри, как он. А то я боюсь.

Матфей склонился над котом и прислушался. Лиандр дышал, компресс из белого мха сполз с его больного глаза ещё ночью. Оба кошачьих глаза были плотно закрыты и чуть заметно вздрогнули, когда юноша коснулся тёмно-серого носика. Сухой и горячий вечером, теперь он был влажным и прохладным. Воспаление остановилось, жар ушёл.

– Я не спец, но вроде твоему коту лучше. Иди и сам убедись.

Виктор тут же оказался рядом и осторожно потрогал мордочку Лиандра.

– Кажись, он и, правда, оклемался, – с воодушевлением сказал он. Кончиками пальцев Виктор заботливо поглаживал взлохмаченную шёрстку на голове кота. – Ничего, дружище, ты выздоровеешь и ещё не один десяток мышей наловишь. А, может, и ворон.

– Э! Не надо о воронах тут говорить! – возмутился Матфей.

– Ребят, хватит время терять. Давайте отворим дверь и на улицу! – скомандовала бодрым, как и прежде голосом Юна. Ей не терпелось поскорей оказаться вне стен грязного помещения, от пыли которого чесался нос.

Второй раз повторять не пришлось. Виктор оттащил пластиковый подпор и распахнул вовсю ширь дверь, содрогнувшись от режущего уши скрипа петель.

– Не петли, а расстроенный контрабас, – заметил Эрик, выходя следом за Виктором.

– Это домик с нами так прощается, – рассмеялась Юна. – Он так соскучился по гостям, что не хочет с нами расставаться.

– Ничего, когда-нибудь его ещё кто-нибудь посетит, – сказал Виктор. – Я оставил в ящике стола свечу и спички. Кто знает, кому, да понадобится. Ведь кто-то оставил их для нас.

– Прямо-таки и для нас? – насмешливо переспросил Матфей.

– Ну а для кого ж ещё!

Таинственным образом исчезнувшая тройца спокойно дожидалась Матфея неподалёку от постового домика.

– Доброе утро, молодой человек, – поприветствовал юношу Гамаюн. – Я слетал на разведку в город. Обстановка благоволит нам. Там всё тихо. Можно идти.

– А вы где были? – обратился Матфей к кошке и саламандру.

– Охотились, господин, – промурлыкала Сеера. – И на твою долю добыча есть.

Изящной чёрной лапкой кошка указала в сторонку, где взгляд Матфея различил на земле три преждевременно почивших мыши.

– Благодарю тебя, Сеера, но я не ем мышей. – Матфея передёрнуло от одной мысли завтрака дохлыми грызунами. – Это твоя добыча. Тебе её и есть.

– Как желаешь, господин. Но я уже сыта. Мышей здесь водится в изобилии.

– Ну, ещё бы! На складах их всегда прорва! – пропищал Рарог. – Извиняюсь, хозяин, но я тебе ничего не принёс. Я не думаю, что ты охоч до лягушек, пауков или слизней. Хотя, если ты из кельтских краёв или из восточных земель родом, то моя добыча тебе придётся по вкусу.

– Упаси меня Создатель! – Брезгливо дрогнул Матфей. – Эта пища не для меня, Рарог.

– Я так и думал, – пискнул саламандр. При этом Матфею показалось, что в тонком голосе ящера прозвучала явная нотка усмешки, но решил не обращать внимание. – Рожки единой.

– Что говорят твои дружки? – поинтересовался Эрик, не совсем понимая однобокую беседу приятеля с союзниками и его всё более куксившееся лицо.

– Нам пора в город, – ответил Матфей. – Гамаюн разведал обстановку, говорит, всё чисто.

– Ну так пошли, чего время терять? – гаркнул Эрик и зашагал первым. – Кстати, а в какую сторону идти?

Омолон оказался приятным провинциальным городком, чистым и опрятным. Когда ребята под предводительством гордо парящего ворона одолели лабиринт складских ангаров и выбрались через дыру в бетонной ограде, то оказались на небольшом пустыре, в конце которого ютилось несколько двухэтажных домов из кирпича, угрюмых, молчаливых, с тёмными окнами. Пройдя мимо них, честная компания вышла в плотно застроенный переулок, начавшийся столь внезапно, будто его исток был ни чем иным как отсечённым продолжением.

Жидкий утренний свет только вливался в тихие узкие улочки, разбавляя ночной мрак до золотисто-серой дымки. Горожане не торопились покидать тепло домашнего очага, а те редкие смельчаки, коих вынудила необходимость оказаться за порогом уюта и сонной неги, нахохлившимися воробьями торопились мимо чужаков, удостаивая пришлых мимолётными, отчуждёнными взглядами.

– Омолон – старинный город, – назидательно каркнул Гамаюн, свершив очередной низкий виток над головами спутников. – Он ровесник Рима. Ну, плюс-минус парочка десятков лет. Но это сущие пустяки для истории.

– Действительно, пустяки, – шутливо и полушёпотом добавил Эрик, когда Матфей донёс до друзей историческую заметку ворона. – Главное, не встретить жителей времён древнего Рима.

Асфальт под ногами сменился округлыми головами камней, разноцветными и шершавыми. Другим казалось, будто они идут не по мостовой, выложенной булыжником, а по мощённой самоцветами дороге. Стены многих домов были облицованы серым и крупным камнем. Черепичные покатые крыши местами замшели и зеленели мхом, но это только добавляло симпатии общему облику Омолона.

Юна нехотя переводя взгляд от одного строения к следующему, про себя отметила, что если вдруг из-за какого-нибудь угла переплетений улочек навстречу выдвинется десяток легионеров в древнеримских доспехах и с серебряным орлом во главе, она скорее всего не удивится. Да и зрелище бы вышло ещё то. Как жаль, что время никогда не сбивается, не хворает и не путает ход, иначе бы прошлое с настоящим обязательно наслоилось, а там, а там... Её буйная и громадная как вселенная фантазия даже в такие моменты мечтаний давала сбой, захлёбываясь

от переживаний. В том и свой малюсенький плюс: она отвлеклась от пережитого потрясения, пусть даже недолго, даже если скоро тягостное бремя вновь навалится на хрупкие плечики.

У Матфея от узости улочек и обилия камня немного кружило голову. На мгновение возникло странное ощущение: они каким-то невероятным образом переместились на сотни лет назад и сейчас за очередным поворотом натолкнутся на средневековый рынок или окажутся зрителями судейства, где горожане одеты в старинные одежды, а сам Матфей и его товарищи будут восприняты как чужаки.

Но вопреки разыгравшемуся представлению в голове за поворотом они обнаружили вполне современное кафе с вывеской «Excalibur». Над входом выдвигался короткий козырёк, над которым собственно и значилось название, выполненное элегантными чёрными буквами по белой поверхности. Сама вывеска имела форму меча. Два вытянутых тощих окна-витрины и не менее художественная деревянная дверь – вот и всё обозначение кафе в каменной стене дома.

– Ребят, а заведение-то открыто! – ахнул Эрик и первым устремился к двери под козырьком. – В такую-то рань!

– Но туда, наверное, нельзя с животными, – с досадой заметил Матфей, тщетно сясь отыскать хоть какие-то надписи, кроме вывески. – Что делать-то?

– Ничего страшного, господин, – спокойно высказалась Сеера. – Оставь нас здесь, мы найдём, где спрятаться от лишних глаз.

– Я-то уж точно найду, – браво пискнул Рарог и тут же проворно спустился по хозяйской штанине вниз, ну точь-в-точь мини-скалолаз, вернее, брюколаз.

– А Лиандр? – напомнил Виктор. Кот по-прежнему крепко спал у него на руках. – Я его тут не оставляю.

– Ну, давай попросим хозяина кафе, пропустить кота с нами. Он же не будет там бегать, – предложила Юна.

– Делайте что хотите, но живее, – каркнул сверху Гамаюн. Он уселся на выступ деревянного ставня наглухо закрытых окон и чувствовал себя там превосходно. – Скоро город проснётся. У вас час как минимум, а, может, и того меньше.

Колокольчика над входом не было, зато соблазнительные запахи свежей сдобы и ароматного кофе уже властвовали в заведении, наполнив каждый уголок собою и дразня аппетит гостей.

«Наш пряничный домик», – отчего-то вдруг вообразилось Юне.

Они, конечно, не Гензель с Гретелем, но голодны и замёрзли не меньше, чем брошенные дети из сказки. Ничего не стоит напасть на них; отпора как такового не получится, перелёт да ночка в холодном постовом домике выгребли из ребят львиную долю сил и духа. Оставалось уповать на лучший исход.

Помещение с цветочной росписью на светло-зелёных стенах казалось довольно просторным, хоть в нём и хватило места только пяти круглым столикам с миниатюрными стульчиками. Аккуратно белёный потолок с большим, круглым, выпуклым светильником, чья пестрая поверхность смахивала на оконный витраж собора, был полной противоположностью полу. Тот выложили крупной битой матовой плиткой всех цветов радуги. И Матфей не сразу различил в этом разноцветном хаосе под ногами сложную игру мозаики, выстроившейся в громадный меч, рукоять которого была зажата в железной перчатке.

– Доброе утро, судари! Чего изволите в столь ранний час?

Из-за барной стойки, узкой и блестящей чёрным лаком, вышел высокий худой мужчина с приветливой улыбкой. Одетый в светло-серые джинсы и синюю кофту он казался не работником кафе, а скорее его посетителем. И ребята были удивлены, когда мужчина, на вид не более тридцати лет, представился Алаоисом Бирнсом и добавил, также добродушно улыбаясь, что он хозяин меча.

– Меча? – переспросил Эрик.

– Ну, Эскалибур слишком длинное и помпезное название, – простодушно объяснил Алаоис. Он легонько коснулся каре-рыжих волос, коротких и волнистых, будто хотел убедиться, что они лежат так, как надо. Тёмно-зелёные глаза, чуть раскосые, в обрамлении светлых, пушистых ресниц выдавали простоту и открытость во взгляде. – Мой отец открыл кафе, когда мне шёл девятый год. Он был романтиком, начитавшимся историй о рыцарях. Вот и решил, что кафе непременно должно носить имя самого легендарного меча. Я не так повёрнут на всех этих легендах и зову кофейню просто – мечом. Да и посетителям удобнее. Так что угодно столь юной компании в моём мече?

Только теперь Матфей опомнился – он прекрасно понимал хозяина «Excalibur», хоть в речи того и проскакивал резкий акцент, что больше был сродни мелким дефектам типа картавости и шепелявости. Бирнс тоже превосходно их понял, когда они поздоровались и представились ответно. Сеера не обманула: выходило, что все посвящённые, как Матфей, демоны могли без труда понимать друг друга. Единственно, Юна составляла исключение в их маленькой компании и с трудом сохраняла вид, будто в курсе беседы. Впрочем, стоявший рядышком Эрик, тут же взял на себя функции переводчика и тишком, вполголоса, так, чтобы не привлечь внимания владельца кафе, переводил подруге иностранную речь.

– Господин Алаоис, мы бы хотели позавтракать у вас, раз вы открылись, – живо и несколько громче, чем следует, озвучил за всех Матфей, памятуя об урчавших животах и надеясь не осрамиться в тишине громкоголосым возмущением собственного нутра.

– Лучше просто Алаоис, – мягко поправил его хозяин кафе. – Я не так зрел, как вам думается. Всего-то слегка за сорок.

– Всего-то? – с присвистом охнул Эрик Горденов. – Я был убеждён, что вам слегка за тридцать, Алаоис. Вот это да!

– Наследственность такая, – скромно улыбнулся мужчина и направился к боковой дверке, из-за которой и шли вкусные запахи. На ногах Алаоиса белели кроссовки. – Видели бы вы моего отца в его шестьдесят восемь лет!

– А... Алаоис! – окрикнул Виктор Сухманов стремительно удалявшуюся фигуру молодого Бирнса.

– Да?

– Могу ли я оставить при себе кота? Он болен, и оставить его на улице я не могу.

– А это не заразно? – сомнение скользнуло в болотно-зелёных, по-женски выразительных глазах Алаоиса.

– Нет, это не заразно. К тому же мой кот спит, – поспешно заверил его юноша.

Хозяин смерил Виктора кратким и, как почудилось юноше, тяжёлым взглядом, даже зелень глаз на мгновение утонула в чёрноте бездны. Но моргнув, Алоис будто изгнал прочь тьму взмахом бесцветных ресниц.

– Хорошо, уложите бедолагу на один из стульев, – ровно произнёс он и добавил с вежливой полуулыбкой. – Всё равно ко мне ещё не скоро кто заглянет.

– Спасибо, Алаоис.

Он вскоре вернулся и протянул рассевающимся за ближайшим к бару столиком друзьям папку с меню. Но если в разговоре не было проблем, то в прочтении обычного меню возникло затруднение. Слова, как их ни крути, были чужими и непереводаемыми. Сплошная абракадабра. Пришлось просить Алаоиса приготовить самый простой завтрак – кофе, бутерброды с сыром, яичницу с томатами и колбасками да овощной салат.

Юна отлучилась в туалет, а пока её не было, Матфей с изрядной долей смущения и явным румянцем спросил об оплате, пока готовился завтрак:

– Алаоис, у нас при себе только *наши* деньги. Можете ли вы их принять?

– Вирийские принимают везде, Матфей, – глянув на одну из вытянутых наспех купюр, вежливо ответил хозяин меча.

– Вирийские, да! – радостно и громко добавил юноша.

– Извините, я позволил себе лишнее, – тут же поправил себя Алаоис. – Я хотел сказать, что *ваши* деньги охотно примут в моём заведении. Завтрак будет готов через десять минут, а пока кому сок?

Когда с насыщением желудков было покончено и оставалось допить кофе, который никто из сидящих за круглым столом не желал пить второпях, а цедил по малюсеньким глоточкам, Алаоис Бирнс подошёл к посетителям и с самым серьёзным лицом, с которого сошло былое добродушие, изрёк:

– Судари, мой долг, как сочувствующего и желающего вам только добра, предупредить: в городе со вчерашнего дня хозяйничают праведники и их слишком много для такого маленького города, как Омолон. Не буду лукавить, они ищут вас, судари. В мой меч они тоже заходили и подробнее описали каждого из вас.

– Почему вы это говорите нам только теперь и отчего не высказались прежде? – оторопел Матфей и тут же допил напиток, ставший чем-то третьестепенным и безвкусным.

Остальные напряглись и вжались в стулья: точь-в-точь сдавленные пружинки – отпусти и взлетят. Тишина, оборвавшая непринуждённый говор за столиком, давила на слух. Невольно внимание всех обратилось к двери, за которой просыпался город, а вместе с ним и новая угроза.

– Скажем так, у меня свои счёты с этой организацией.

– Алаоис, а вы ведь неспроста открылись в такую рань? Верно? – поинтересовался Виктор.

– Ну, я бы так сказал: каждое утро способно преподнести сюрприз, – вяло улыбнувшись, отозвался рыжеволосый мужчина. – Вас оно одарило открытыми дверями, а мне вручило приятную компанию.

– Но не стоит обольщаться на счёт остальных горожан, судари, – тут же добавил он, и приятная мягкая улыбка сошла с его губ, вернув строгость и прямоту лицу. – Не всем стоит доверять и уж тем более никому нельзя довериться. Мой вам совет: не медлите, ступайте к Площади Ратников и садитесь на первый, следующий отсюда автобус. Никто не должен вас видеть. Это сложно, но всё же возможно, судари. Праведники, как клещи, вцепятся и не отступят, пока не насосутся крови.

– Мы так и сделаем, Алаоис, – поспешно вставился Эрик. – Мы собираемся в...

– Нет-нет-нет! И ещё раз нет! Я не желаю знать, куда вы собираетесь ехать! – замахал длинными, с тонкими запястьями руками мужчина. – Держите в тайне свою цель. Никому ни слова. Это ваш шанс уйти от погони.

Друзья нехотя попрощались с гостеприимным хозяином «Excalibur», их так разморило от тепла и сытной еды, что сон вновь стал витать над их головами. Но подвергать приветливого Алаоиса Бирнса опасности никто не желал, да и совет его казался единственно верным.

Промедление смерти подобно, вспомнилось Матфею. Кому принадлежали эти верные слова, он вспомнить не смог, но решил, что отныне они должны стать девизом его выживания и сбережения жизней его друзей.

– Желаю вам удачи и скорейшего выздоровления коту, – пожелал напоследок Алаоис, когда дверь проводила последнего гостя.

Ленивое солнце наконец-то соизволило выставить краешек себя, раскрасив небо ржаво-золотыми подтёками. Небесная серость таяла, проявляя под собой блёклую синеву. Облака и ветер, будто сговорившись, решили полонить Омолон, наперегонки спеша забить чистый небосвод и каменистые улочки города.

Когда в жёлтый автобус, следовавший до Кошивы, усаживались юные пассажиры, булыжную мостовую Площади Ратников покрыла влажная крапина начинавшегося дождя. А спустя полчаса дождь вошёл во вкус, обрушив на город смачный ливень. На выезде из Омолона води-

телю пришлось сделать вынужденную остановку: серо-белая стена воды полностью скрывала со всех сторон видимость. Окна изнутри запотели, и друзья вновь почувствовали себя уютно, вжимаясь в мягкие комфортные сидения и слушая чеканную дробь струй по крыше машины. Ну чем не маленькая жёлтая субмарина в центре океана?

Матфей еле сдержал подступивший смех: он вспомнил, как ворчал Гамаюн, когда юноша спрятал ворона под куртку, чтоб его не заметил водитель. Птице пришлось собрать всю волю в лапку и на время забыть о гордости. Рарогу было проще. В облюбованное место на дне кармана куртки саламандр юркнул моментально, как только Матфей его попросил. Сееру взял на своё попечение Эрик, так как место под курткой Виктора было занято Лиандром. Кошка выказала редкостную для своей породы покладистость, лишь тихонько заметив, что добротная ткань пальто лучше «всяких там» курток. Одним словом: она поладила с Эриком так быстро и легко, что к удивлению Матфея всколыхнуло в нём кратчайшую, но неприятную долю ревности. Как ни стыдно было сознавать, но «делиться» своими прислужниками юноша не был готов, хоть обстоятельства явно не благоволили в пользу его нелепого собственничества. Правда, успешно и скоро переборов своё эго, он даже порадовался за обоих – оба в недавнем времени понесли утраты, и как знать, возможно, даже к лучшему, что они расположены друг к другу. Как знать...

Как только автобус тронулся, прислужников выпустили, но с условием, чтоб они были неприметны для других пассажиров, коих по счастью, кроме самих ребят, было мало. Виктор занял задний ряд из четырех мест: одно сидение выделил коту, а на остальных расположился сам. Ехать до столицы Тартаррусы было около шести часов, и друзья решили воспользоваться этим временем как следует – вздремнуть по возможности.

Когда Омолон остался позади и стремительно уменьшился до хоккейной шайбы, Матфей вспомнил «Вижин-Март», лаймовый кругляш гипермаркета, где ещё пару дней назад спокойно работал консультантом. Залповый ливень, очевидно, удовольствовавшись городом в качестве завтрака, уже не преследовал их «субмарину». По следам жёлтого автобуса бежал слабый моросящий дождь. Грязно-лиловые облака, взбитые и переполненные влагой, нависали над Омолоном и не думали отступать от его каменистых улиц. Небо над городом походило на море в бурю – те же волны, бесновавшиеся и неудержимые. И венцы пены на их гребнях, и девятый вал разрастаясь, того и гляди, размажет всё живое с такой верхотуры.

А над размеренно мчавшимся автобусом небеса провисали кислыми и угрюмо-блёклыми простынями, но без угрозы ливня. И эта давящая сверху пасмурность пробудила в Матфее тоску и тревогу, вслед за воспоминанием о работе и доме. Где-то Вида и Юстин и что-то с ними теперь...

«Нужно позвонить, обязательно позвонить. Дать о себе весточку и самому узнать, что всё в порядке. Что они.... Нет, они, конечно, живы. Иначе и быть не должно. Но узнать нужно», – подумал он. А если, нет, то он вернётся. Зачем бегать и скрываться, когда ты один. Когда не для кого.

Как ни терзался мрачными мыслями Матфей, а и его склонило в глубокую дрему. Сон рвался, как паутина, срастался и затягивал с новой силой, а затем рассыпался, словно песок.

За окном пролетали полуразмытые дождевыми каплями земли Тартаррусы. Просторные, холмистые, безлесные равнины с жухлой травой пролегали до самого горизонта, будто то была пустыня с дюнами, воскресшая к жизни после магического действия. Или вдруг вырастали высокие леса впритык к дороге выставлявшие долговязые тела и скрадывавшие дневной свет. Были и кустарниковые поля и болотца с облезшим камышом и рыжеющей ряской. А один раз вдоль дороги неслась река, непроницаемо-серая и маслянистая, но спустя несколько километров она круто повернула в сторону, будто беговой марафон ей наскучил.

Обширные земельные просторы были во множестве наводнены крохотными деревеньками, словно грибницы натканные там и сям. Их яркие разноцветные крыши, точно шляпки грибов, хорошо виднелись вдали. Мелькали за автобусным окном и солидные города-пузаны,

в сравнении с которыми деревни смотрелись по-сиротски скромными, но более полными свободы и воли.

Юна Дивия непривычно тихая и замкнутая сидела подле Матфея. Столько раз он порывался коснуться её руки, приобнять, только б спугнуть дымку задумчивости с её лица. И не мог, не смел. Она, такая близкая, соприкасавшаяся на крутых поворотах автобуса плечом с ним, казалась чужачкой, незнакомкой, зачарованной холодом девой – кем угодно, но только не его приветливой щебетуньей Ласточкой.

К концу поездки всем не терпелось скорее ступить на твердую землю и надышаться вдоволь воздухом. Пусть он влажный и холодный, но всё ж лучше, чем душный и спёртый из-за наглухо закрытых окон в автобусе.

– Кошива! Кошива! – обрадовано заволновался ворон.

Гамаюн забылся и каркнул отчётливо громко, заприметив за окном впереди смутно проступающие очертания столицы. Пришлось Матфею самому издать вороний глас, чтоб успокоить сомнения водителя, тот уж весьма подозрительно зыркнул в его сторону.

Кошива стоял на приличном возвышении и с того уровня, где мчал автобус, город виделся величавой короной, опоясанной двумя кругами белоснежных ожерелий.

– Ну и чудо, – высказался впервые за шесть часов Эрик.

Он занимал сидение впереди и повернулся к Матфею, жажда выплеснуть на друга первые впечатления от столицы Татраттусы.

– Ничего особенного, – пискнул Рарог, ящер всю поездку пролежал под сидением и теперь, учуяв назревавшую беседу, не менее Эрика желал в ней участвовать. – Был я в Кошиве несколько раз. Мой хозяин приезжал сюда на ежегодный концерт, он проходит в начале ноября. Кстати, одним из лучших считался, мой Ульманас. Один раз даже занял второе место. И в этом году собирався, да не пришлось.

Матфей сочувственно промолчал, Эрик вздохнул тяжело.

– Да, городишко большой и шумный, – бойко принялся знакомить саламандр, решив, раз его не осекли в начале беседы, значит, бразды за ним. – Он делится на три части: два пригорода – это вон те широкие кольца – и центр, что шапкой стоит. Так вот, прежде нам предстоит одолеть пригородные части, а уж затем мы войдём в славный Кошива-град.

– Он прав, – вновь каркнул Гамаюн, тише, но всё же водитель недовольно кашлянул и бросил неодобрительный взгляд в их сторону. Ворон досадливо проворчал, – ну не могу я тихо говорить, это не в моей природе. Я и так еле держусь, мои крылья затекли от долгой поездки. Ни расправить, ни взмахнуть.

– Один ты страдаешь, – с иронией заметил Матфей шёпотом. – А у нас ноги и спины не затекли будто. Нам в радость сидеть сиднем в одном положении. Ладно, скоро наши мучения окончатся. Ты, кажется, что-то хотел добавить к словам Рарога?

– Вот именно, хотел, – менторский тон вновь вернулся в хриплый голос ворона. – Автобус высадит нас в нижнем городе. Оттуда мы последуем в средний – торговый, а затем в старую Кошиву.

– Но зачем нам эта экскурсия? – изумилась Юна, когда Матфей пересказал ей план Гамаюна. Девушка впервые проронила слово с отъезда из Омолона.

– Узнаете в своё время, – раздражённо ответил ворон. – В среднем городе вам нужно купить себе новую одежду. В той, что на вас, вы похожи на грязных хиппи.

– А в нижнем мы себе купить ничего не можем? Да ладно! – усомнился Матфей.

– Гамаюн дело говорит, – вставился Рарог. – В нижнем одежда, конечно, имеется, но весьма низкого качества и по высоким ценам. А вот в среднем городе, недаром его зовут торговым, там есть к чему прицениться. Да и много чего полезного можно узнать.

– Ну что ж, мне новые брюки не помешали бы, – заметил Эрик, не упустивший ни слова из занимательного и единственного за всю поездку диалога. – На моих уже пара дырок и пятна там, где им быть не должно. Стыдоба.

– Что вы там решаете? – сзади раздался голос Виктора, он поддалась вперёд, когда беседа ребят стала громче.

– Да мы тут решаем, где Эрику брюки покупать будем, – насмешливо ответил Матфей. – А то нашему моднику неловко сражать своим теперешним лоском местных дам.

– Ничего смешного в том нет, – холодно произнёс Эрик и отвернулся.

– Всё как всегда, – улыбаясь, сказала Юна.

– И ни граммом иначе, – поддержал сосед, с облегчением наблюдая, как лёд дал трещину в её взгляде.

Автобус высадил их на малой вокзальной площади, тут же плотно захлопнув дверцу за спиной последнего пассажира. Водитель покинул кабину и направился в сторону ближайшего кафетерия. Виктор тоже предложил прежде, чем пуститься в дальнейшее шествие, как следует подкрепиться. Его идею поддержали все, кроме Гамаюна. Впрочем, так же дружно вороний протест был пропущен мимо ушей, и компания устремилась в ту же сторону, что и водитель автобуса. Сеера и Рарог, выпущенные на свободу, тут же скрылись за ближайшими одноэтажными домами. Гамаюн недовольно каркнул и, взлетев над зеленовато-рыжей крышей трактира, куда наметили свой путь ребята, исчез из виду. С Лиандром было сложнее, кот наконец-то очнулся от забытья, чему чрезвычайно обрадовался Виктор, но своим ходом идти пока не мог из-за слабости.

– Его нужно покормить, – озадачено глядя на Лиандра, выдал его хозяин.

– Но не в трактире же, – возразил Матфей. – Мы можем после зайти в магазин и купить ему фарша или паштета, или чего он там ест?

– А до того ему лежать и нюхать то что мы будем есть? – осуждение зазвучало в голосе Виктора. – Ну, уж нет. Я так не могу. Вы идите, а я пойду...

– Куда ты пойдёшь, да ещё с котом на руках, Вик? – остановила его Юна. Бойкость и оптимизм вновь зазвенели в её голосе. – Мы все идём в трактир, заказываем на одну порцию больше. Не волнуйся, Вик, мы закроем от официантов твоего кота, и ты сможешь его покормить за общим столом. К тому же, деньги только у Фея, он угощает.

– С превеликой охотой! – отозвался Матфей, довольный тем, как Виктор тут же сдался по велению их маленькой подруги и, скрыв Лиандра под курткой, послушно последовал за Юной.

Бревенчатый трактир «Rubius» с гостевыми комнатами второго и третьего этажа, казался едва ли не самым высоким зданием нижнего города. Выше него, пожалуй, было здание старой ратуши с гордо торчавшим вверх зелёным шпилем. Остальные постройки редко превышали два этажа, что придавало нижнему кольцу Кошивы отдалённо пасторальный облик.

Обед заказали от души. Позже все покинули стол в состоянии довольно сильного насыщения, сказывался внушительный интервал между приёмами пищи. Аппетит возвращался и к Лиандру, за трапезой Виктор скормил коту несколько кусочков курицы, исключительно с голени. А лишнюю порцию обслугу попросили завернуть с собой. Никогда не знаешь, где что потребуется. Ведь ещё были и другие прислужники, нуждавшиеся в не меньшей заботе, чем Лиандр.

После длительной поездки продолжительная пешая прогулка была только в радость затёкшим от сиденья ногам. Ребята с удивлением открыли одну особенность рельефа – если с отдалённого расстояния Кошива смотрелся нанизанным на крутой холм, как бусы на шею располневшей красавицы, то в самом нижнем городе этого возвышения не чувствовалось. Разделение на три части не различалось, равно, как и не было видно центра и среднего пояса. Всё лежало будто бы в одной плоскости.

Гамаюн объяснил это иллюзией удалённого взора. Да, Кошива был раздроблен на три части, но они лежали близко друг от друга и уж никак не на горе, как это сперва показалось юным пассажирам за окном автобуса. У местности, где много столетий назад глубоко корнями вросла первая и единственная столица Тартаррусы, было много особенностей. И коварный холмистый рельеф в том числе. Князь Побуж стал основателем Кошивы, заложив нижний город. Об этом упоминалось в труде Позвизда Строптивного, правда, совсем мало и размыто. О самом князе Побуже ничего не упомянуто, ни кто он, ни из каких земель пришёл в тартаррусские земли. Известно лишь два факта: причастность князя к строительству столицы и большая симпатия тартаррусов к нему.

– Думаю, что Побуж оказался прозорливее многих своих современников, – предположил в заключение своего исторического разъяснения ворон. – Вероятно, он обратил внимание на то, какую шутку играет со зрением рельеф на протяжённом расстоянии и учёл все нюансы для постройки города. Известно, что при жизни князя был целиком отстроен нижний город. Но мне думается, что город строился целиком, просто в правлении князя успели закончить нижнюю часть. Правда, в те времена не было такого понятия, как нижний или средний город. Скорее всего, Кошива изначально была поделена на три части. Так называемый нижний город был отведён крестьянам, о чём до сих пор свидетельствуют невысокие строения. Средний город отдали торговцам. Дома его значительно выше, вон вы и так прекрасно их видите. А центр и сердце столицы всегда принадлежало знати и воинам. Несмотря на старину, в центральной части Кошивы есть на что посмотреть. Вы удивитесь, но там каменная постройка возрастом в тысячу лет может тесно соседствовать с самым современным офисным центром из стекла и бетона.

Нижняя часть Кошивы оказалась весьма протяжённа вглубь. Улочки с высокими, порой даже выше самих домов деревьями сужались до тесноты, пропускавшей одного человека, и раздвигали нестройные сутулые стены домов до просторов площадей. Чистота и простота – вот и вся достопримечательность нижнего города. Около часа не спеша брели друзья по незамысловатым дорогам нижнего пояса Кошивы.

Затем их путь плавно вплёлся в зелёный сад, начинавшийся сразу за крайними домами нижнего города. Кипарисовые и эвкалиптовые великаны составляли костяк этого дивного сада и росли в строгой последовательности. Встречалось множество деревянных лавочек отделанных чугуном. У каждой такой обязательно ютилась круглая клумба с затейливым орнаментом цветов. Правда, сейчас в полной мере воздать художественному вкусу садовников было сложновато. Вместе с летом ушли все краски, и клумбы, очищенные от остатков былой растительности сиротливо темнели. Лишь изредка попадались на них стойкие маленькие головки октябрьской астры – желтковые сердцевины в обрамлении фиолетовых лепестков, да, пожалуй, им не частую компанию составляли припозднившиеся розы, исключительно с бледно-розовыми, нежными бутонами.

– Какой здесь воздух! – воскликнула Юна, высоко задрав голову. Чёрно-белые волосы, чуть топорщившиеся после неудобного мытья над раковиной в туалете трактира, придавали ей особое сходство с птицей. – Никогда такого не вдыхала!

– Дыши в удовольствие, Ласточка, – ласково заметил Эрик Горденов. – Воздух пропитан эвкалиптом. Сколько же мы вдыхаем полезного! А?

– Сюда бы Нила, – подумала вслух девушка и тут же опустила голову, – ему бы тут очень понравилось.

– Он ещё тут побывает, и не раз, – ободряюще поддержал её Виктор. – Вон и Лиандру хорошеет с каждой секундой. Он просит меня отпустить его на землю. Ну, что ж, дерзай.

Кот слабо стоял на ногах, но сдаваться не собирался. Шажок за шажком – уверенность и крепость возвращались в тело серого кота. Больной глаз всё ещё гноился, но уже не так сильно, благодаря повторной промывке. Шёрстка, сваливавшаяся местами в грязные безобразные кол-

туны, придавала Лиандру вид бездомного выдавшего виды бродяги, но Виктор будто не замечал этого. Он с восхищением наблюдал, как его прислужник, одолев смерть, теперь наглядно доказывал всем, что он живуч, и так просто от него не избавиться.

– А это точно сад? Больше смахивает на лес, – усомнился Матфей, когда кипарисовые деревья окружили ребят плотной стеной.

– Ну, вообще-то, это городской сад имени Эдуарда VII, если быть точным до тошноты, – ответил Гамаюн.

Ворон перелетал с ветки на ветку, не желая идти по земле или сидеть на плече союзника – те ещё перспективы.

– А раньше здесь были поля, где крестьяне возделывали пшеницу и овощные культуры, – добавил он. – Вплоть до середины восемнадцатого века. Но король Эдуард всё переиграл. Ему надоело в охотничью пору увязать со свитой в крестьянских пашнях, и он повелел перенести земельные наделы за пределы нижнего города.

– Вот козёл! – руганулся Виктор, когда слова ворона были пересказаны.

– Я бы назвал его иначе: самодур, не меньше, – поправил приятеля Эрик с оглядкой на единственную девушку в их обществе.

– Согласен, правитель он был так себе, – признал откровенный отзыв ворон. – И народ его, мягко говоря, терпел. Но благодаря королевскому капризу у города теперь имеется этот прекрасный сад.

– Я бы сказал: сад-лес, – поправил Гамаюна Матфей.

Эвкалиптово-кипарисовые заросли бесконечно тянулись вперёд. Но всем только нравилось не спеша ступать по сухим тропинкам, щедро припорошенным бурями игловидными листочками кипариса, лениво брести по сизым, серповидным эвкалиптовым листьям. Вёрткий Рарог шустро перебежал от дерева к дереву. Его чёрное в жёлтых пятнах тело то мелькало на каком-нибудь древесном стволе, то ныряло в кучу прелой листвы на земле, где водились самые вкусные черви. Так он и сказал Матфею.

Сеера семенила подле Эрика, Матфей ещё со вчерашнего вечера заметил за кошкой эту странную избирательность. Нет, она ко всем относилась благодушно, но отчего-то выделяла именно Эрика. Этот маленький факт уже не тревожил так остро, а скорее даже радовал Матфея: возможно, Сеере удастся утишить боль потери прислужника-енота. Эрик хоть и старательно бравировал, но когда он видел, как Виктор ласково гладит Лиандра, шепча коту нечто ободряющее, или же Матфей мимоходом почёсывал Сееру за ушком, – напускное довольство тут же испарялось из его взгляда.

Лесной сад короля Эдуарда Козлиного, так заочно окрестил бывшего правителя Матфей, начал редеть и вскоре совсем помельчал, перейдя в пышную кустарниковую изгородь, за которой стояли плотной стеной многоэтажные дома. Это было так неожиданно и неуместно, что друзья встали и замерли.

– Ну что встали? – окрикнул их сиплый вороний голос. – Домов будто не видали. Я же говорил, что это вполне современный город. А вам, очевидно, средневековые подавай.

В тесном кустарниковом заборе нашёлся квадратный проём, выглядевший так, будто некто специально его выпилил. Сразу за кустами тянулась щебневая тропинка, по бокам которой высились два дома. Щебень скоро перетёк в добротный и достаточно ровный асфальт, уводя путников всё дальше от чудесного леса в самую гущу жилого бетона. Матфей и его спутники всё никак не могли опомниться от такого резкого перехода низких сельского вида домиков к бетонным высоткам, меж которых умещался кусок леса.

Но вскоре и это ощущение отступило. Многолюдность, которым «грешил» средний город, присущая всем большим городам, быстро вытеснила впечатления о зелёном и тихом лесистом саде. Подобного скопления людских масс не приходилось видеть никому из ребят,

кроме Матфея. Пожалуй, Аркона могла потягаться с Кошивой по количеству населения, кишевшего днём на улицах, но на то она и столица.

И всё же было от чего растеряться в столице Тартаррусы. Разнопёрый и многоликий народ. А сколько магазинов с пёстрыми и яркими витринами и манящими вывесками! Спустя несколько улиц, Матфей осознал, почему Гамаюн назвал эту часть города торговой. Да тут на каждом шагу чем-то торговали и что-то покупали. Если на пути не было ряда магазинных лавок или торговых центров, занимавших по полдома, то обязательно их место занимал обширный рынок, наводнённый всевозможными товарами на любой вкус и прихоть.

Вот на одну рыночную площадь и завёл друзей Гамаюн.

– А твой ворон-то прав, здесь можно купить любую одежду, – обескуражено озираясь по сторонам, произнёс Виктор. – Лиандр, не уходи далеко, а то я тебя найти в такой массе не сумею.

Кот фыркнул, но подошёл к союзнику. Матфей поспешно запихнул недовольного Рарога в карман куртки, а Сеера переключала на руки Эрика, откуда взобралась ему на плечи, где и разлеглась чёрным воротником.

– Ребят, мне нужны новые брюки, – напомнил Эрик, наглядно продемонстрировав парочку заметных дырок на брючинах.

– Да, да, Эр, – сказал Матфей, с тревогой выглядывая ворона. Тот куда-то запропастился. – Выбирай, примеряйся. Покупка за мной. Ведь я втянул тебя в эту историю. Кстати, ребят, может, вам тоже что-то нужно?

Виктор отмахнулся, а Юна промолчала. Переходя от одного лотка к другому, где бойкие торговцы что-то жарко доказывали не менее хватким покупателям, компания, передвигалась, словно маленькое судёнышко в кишащем разношёрстными кораблями море.

И вот когда искомый товар был найден, появилась она. Рыжеволосая статная красавица прямо-таки налетела на Виктора, едва не упав. Юноша успел перехватить незнакомку за талию, удержав от падения.

– Ой! – выдохнула она.

Виктор заворожено смотрел девушке в глаза и нехотя выпустил из спасительных объятий. Когда девица обернулась в сторону Матфея, и у того защемило в груди. Таких пронзительных, словно горячие угли, тёмно-карих глаз он ни у кого не видел. Ванильный и ровный цвет лица, кожа которого была чистой и гладкой. Прямой и тонкий нос, пухлые чувственные губы нежнейшего розового оттенка. Да, тут было от чего замлеть.

– Извините меня, сударь, – обратилась девушка к Виктору, вновь повернув лицо к нему. – Я такая рассеянная. Кажется, я вам на ногу наступила. Мне, право, неловко.

Спасённая дева, будто опомнившись, смущённо притупила взгляд, едва прикусив нижнюю губу в знак замешательства.

– Ничего страшного, – промямлил Виктор. Матфей впервые видел друга таким нерешительным и растерянным. – Это моя вина, я вас не заметил.

– Нет-нет, не спорьте, – не соглашалась красотка. Её голос был мягок и вязок, как мёд. – Это моя и только моя вина. Ой, я же не представилась. Луция Бавервильд к вашим услугам. А как имя моего спасителя?

Красавица чуть отклонила назад голову, медно-вишнёвые волосы густейшим прямым каскадом свободно ниспадали, спускаясь ниже талии, которая была так узка под туго перехваченным поясом плащом, что казалась кукольной. Бирюзовый короткий плащ, открывал на обозрение длинные стройные ноги, обтянутые в колготки телесного цвета. Обута Луция была в лаковые под цвет плаща низенькие сапожки на высоком каблучке.

– Виктор Сухманов, – выговорил после секундной заминки юноша.

– А это ваши друзья, – указала она в сторону спутников своего спасителя рукой, ладонь облегла чёрная кожа перчатки.

– Да, – согласно кивнул тот.

– Представите меня им? – неожиданно попросила Луция.

Виктор назвал каждого по очереди. С Эриком девушка поздоровалась тепло, протянув руку для пожатия. На Матфее она задержалась чуть дольше, сладко улыбаясь юноше и отчего-то при пожатии поглаживая пальцами его ладонь, чем вызвала у бедолаги приступ смущения. А вот Юна удостоилась краткого и довольно сухого приветствия. Луция обдала девушку незаметным для парней, но ощутимым для самой Юны презрительным и высокомерным взглядом, чем сразу же вызвала горячую неприязнь.

– Мне пора идти, – прошептала красавица нежным голоском. – Но мы ещё увидимся. Вы же не против?

– Не против, – с глупой улыбкой ответил Виктор. Ему вторили Эрик и Матфей с не менее нелепыми физиономиями.

– А я против, – буркнула Юна, как только Луция отдалилась от их компании.

Как только хорошенькая рыжеволосая головка красавицы Бавервильд скрылась из виду, сверху раздался знакомый вороний крик.

– Сюда, идите сюда!

– Ты где пропадал? – окрикнул прислужника Матфей.

– Кое-кого искал, – прохрипел ворон.

– Кого?

– Я не буду орать сверху, нас могут услышать, – с раздражением прокаркал Гамаюн. – Идите за мной. Срочно.

Хорошо, что успели купить брюки Эрику, а то бы он ни за что не согласился уйти без покупки с рыночной площади. Когда основная людская каша осталась позади, Гамаюн позволил себе опуститься на землю.

– Ну, так, кого ты там искал и что за срочное дело, что ты нас выдернул во время покупки брюк для нашего пижона? – нетерпеливо повторил вопрос Матфей.

– Эй! Я не пижон! – возмутился было Эрик, но решил смолчать, видя, как взволнованно каркает ворон. – Что он там тараторит? Переводи.

– Я искал давнего знакомого, он тоже ворон, – сипло затарахтел Гамаюн, опасливо озираясь по сторонам. – Только он знает, где живёт Счетовод.

– Кто такой счетовод? – насторожился Матфей. – И зачем он нам нужен?

– Нужен, потому что он знает всё обо всех. И сможет помочь твоим друзьям вернуться домой. Он нас ждёт.

– Тогда живее к этому самому счетоводу, – скомандовал Эрик, как только слова ворона были донесены до него.

Юна присоединилась к его бравурному призыву: подальше от рынка, от ещё одной якобы случайной встречи с рыжеволосой плутовкой. В том, что Луция не случайно натолкнулась на их компанию, Юна не сомневалась: уж слишком лукаво взирали глаза девицы. Часто парни, отвлечённые броской красой подобных дам, редко способны «прочувствовать» опасную подоплёку оных, но женский пол вернее читает своих сестёр, обладая богатой проницательностью и природной интуицией. Кто-то бы сказал: свояк свояка видит издалека. Но то в корне неверно про Юну и ту жеманницу. Одним словом, Юна увидела в рыжеволосой чужачке мошенницу, которая закинула парням крючок с наживкой. Оставалось надеяться, что добыче удастся соскользнуть с крючка. И Юна надеялась, чтобы так и произошло.

Меж тем ворон взвился в воздух, расправив крылья-веера. Друзья устремились за ним.

Милый, детка-паучок, попадётся на крючок; как сплетёшь ты паутинку, угодишь на мой зубок.

А зубок у меня острый, паучок. Скоро, очень скоро. А пока ползи, плети сети, выбирай дороги – всё едино, всё ведёт ко мне.

3. Раз улитка, два улитка

Он вновь услышал знакомый шорох за спиной. Матфей оглянулся: так и есть, сухие листья, образовав скромных размеров хвост, волочились за ним. На этот раз волнение не было столь велико, как прежде. То ли оттого что друзья шли бок о бок с ним, то ли таинственность ворона и не менее загадочная личность некоего счетовода отвлекали куда больше. Юноша решил игнорировать плетуна, что увязался и полз змеей по пятам.

– Ой, Фей, а за тобой листья движутся, кажется, – охнула Юна.

– Ты тоже видишь его? – удивился Матфей.

Факт того, что кто-то помимо него мог лицезреть бегущие змейкой листья, весьма порадовал: какое всё же облегчение, когда с тобой диковинные события (плетуна иначе и точнее не назовёшь) разделяет друг. Теперь он чувствовал себя более уверенно.

– Такое трудно не заметить, – отметила девушка, побледневшая при виде замершей листвы, как только Матфей остановился. – Что это такое?!

Остальные тоже вынуждено прервали ход и обернулись на тревожные нотки в голосе подруги. Прислужники, тут же распознав плетуна, сразу же потеряли всякий интерес к палой листве, которой он управлял. Вот ещё чего – устаивать призрака вниманием, когда есть дела и важнее.

– Идём, молодой человек, – призывно каркнул Гамаюн, – не обращай на плетуна внимание. Не подыгрывай ему. Он скоро отстанет, надоест ему ползти и он отцепится. Крух!

– Но ты же знаешь, что это не к добру, Гамаюн, – угрюмо произнёс Матфей, кивая в сторону замерших листьев.

– Что, значит, не к добру, Фей? – вздрогнула девушка, уловив мрачную ноту в голосе приятеля. – Это предвестие? Плохое?

– Как минимум, – безразлично бросил Матфей. – Обычно плохое, но может...

– Не обязательно, – возразил ворон. – Может, ты чем-то притягиваешь этих безмолвных, вот они и шастают за тобой.

– Интересно, чем же?

– Откуда ж мне знать?! Я ж не ты. Да брось ты зыркать на него, ты ему только подыгрываешь. Давай иди! У нас мало времени.

Виктор легонько тронул друга за плечо.

– Это серьёзно? – спросил он. Его взгляд скользнул за спину Матфея и тут же вернулся, замерев выжидающе на глазах товарища.

– Я не знаю, – не выдержав прямого взгляда, опустил голову Матфей, – это плетун, призрак, ворочающий листву. С детства от меня не отстает. Но сам он безобидный. Всего лишь вестник чего-то важного и скорей всего скверного для меня.

– Ничего, прорвемся, – последовало краткое и мягкое похлопывание по плечу.

Виктор отошёл. Юна смолчала, услышал слишком много; как же долго способен человек хранить в себе тайны, срывая их, словно листья с кочана капусты, пока не останется кочерыжка.

Ещё разок глянув назад, Матфей двинулся следом за ребятами. Листья ещё долго шуршали, то ли предупреждая о чём-то, то ли требуя простого внимания. Впрочем, Матфей больше не оглядывался. Да и зачем? Когда кругом столько нового и манящего взор!

Как и любой большой город, средняя часть Кошivy страдала многолюдностью. Непривыкшие к обильному людскому наплыву, друзья несколько терялись в подступавших, словно речные волны, толпах горожан. Чтобы чувствовать себя как рыба в воде, нужно родиться рыбой в той самой воде. Широкие и узкие улицы, проспекты и площади – всюду кипела, шумела,

пела жизнь. Дороги гудели автомобилями на любой вкус и цвет, чихали их сизыми и чёрными выхлопами и шуршали вездесущими пронырами-велосипедами. Матфей и представить не мог, что их ждёт в самом центре Кошивы. И, тем не менее, что-то такое было в этом невообразимом гаме, в этом антиподе сельской глуши. Нечто грандиозное и масштабное. И это колоссальное нечто всё же пришлось по вкусу всем, кроме Рарога. Саламандр не выносил громких и резких звуков, и когда где-то звучал пронзительный сигнал клаксона, ящер вздрагивал и сжимался в недрах Матфеева кармана.

Здания проплывали разнокалиберными кораблями, а иной раз отдельные из них великаны-лайнеры простирались, чуть ли не на всю улицу, вызывая у компании уважительный трепет, на грани восторга и шока. Возможно, в среднем городе и не было архитектурной гармонии. Здесь кирпичный непритязательный дом, смахивавший более на складское здание, состоял в близком соседстве с изящным старинным особняком из белого известняка. И тут же совсем по-братски залихватским увальнем сиживал гигантский офисный центр из стекла и бетона, по последнему слову моды. И подобная «нестыковка» была нормой, отчего градостроительная какофония сумасшедших зодчих казалась всего лишь забавным наслоением эпох.

– А далеко нам идти? – задался вопросом Матфей, когда приставучий шелест плетуна стих позади.

– Понятия не имею, – отозвался сверху Гамаюн. – Мне-то лететь всего ничего. А вот, сколько вам, демонам ногами топать, не знаю. Может, час, может, два. Нам нужно попасть в центр Кошивы. Счетовод живёт там.

– Но это же далеко! – возмутился юноша. – И впереди наверняка окажется ещё какой-нибудь сад-лес, по которому нужно будет идти не меньше часа.

– Там нет леса, – поправил его ворон. – Это сад Марии Печальной. Прекрасное место, скажу я тебе. Получше будет всяких там Версальских садов.

– А до него-то нам ещё далеко?

– Прилично.

– Будем ловить такси, – решил за всех Эрик. – Я поберегу свои ноги для другого чудосада. А может, мы и по саду проедем на машине? А?

– Нет, Эрик, – возразила ему Юна. – Я хочу посмотреть на эту достопримечательность. Я никуда дальше Арконы не уезжала, хочу расширить свой кругозор. Только...

– Только что, Ласточка? – спросил Матфей, видя, как озабоченность чем-то изменила настрой подруги.

– Мы можем позвонить домой? – сказала девушка. – Я со вчерашнего дня себе места не нахожу, вся извелась. Мои, должно быть, с ума сходят, не зная где я и что со мной. А телефон забыла дома, когда пошла тебя провожать.

– Я и сам хотел позвонить, ты вовремя напомнила, – тут же отозвался Матфей на просьбу. – С телефоном аналогичная история.

– Ну, раз такая каша заваривается, то и я не прочь звякнуть своим, – высказался Эрик.

– Что, и ты оставил телефон в Горницах? – изумлённо усмехнулась Юна.

– Не, мой с собой, но он разрядился и проку от него ноль с минусом.

– Мне некому звонить, – равнодушно произнёс Виктор. – Мои всё равно живут в другом городе и приедут не скоро.

После недолгих, но упорных пререканий с вороном, ребятам удалось уговорить Гамаюна. Как же громко он ворчал, сетуя на бессмысленное транжирство драгоценного времени.

– Это можно сделать и после визита к Счетоводу, – сердито хрипел он. – Вы и знать не знаете, что повидаться с ним чести удостоиваются немногие и уж тем более не такие юнцы, как вы. Это немыслимо, заставлять ждать, когда выпала такая удача. Эх, вы! Молодёжь.

И подобной речи хватило до самого переговорного пункта, где от вороньего брюзжания, которое, кроме Матфея, к счастью никто не понимал, компания наскоро укрылась.

Юна уступила первенство звонка Эрику. Она долго соображала, что такое-эдакое сообщить своим близким, и главное как. Голос её дрожал от волнения, и она сомневалась, что на другом конце трубки её вранью поверят. А врать придётся в любом случае. И от этого ей стало ещё тягостнее.

Эрик справился с этой задачей на пять с плюсом. Не то чтобы он был занятым актёром или бывалым лгуном. Наверное, у мужчин лучше получается держать эмоции под контролем, когда ситуация этого требует.

Матфей был расстроен, на его звонок никто не ответил. В трубке звучали протяжные и прямо-таки убийственные сигналы ожидания. Это не на шутку его встревожило. Теперь жгучая вина, на время залёгшая на дно, как ил в реке, была взбаламучена и изводила, терзала Матфея, покусывая в самое сердце.

Юна всё-таки одолела себя и едва не расплакалась, когда услышала бодрый голос Влада, одного из близнецов. От него она узнала, что тревоги её не были напрасны: родители ужасно всполошились и, обойдя всех соседей и знакомых, обратились в полицию за помощью в розыске дочери. Особенно печален был дедушка, Юна была его любимицей, и внезапное её исчезновение повергло старика в глубокое уныние и безразличие ко всему. Даже жизнерадостная бабушка, в которую Юна и пошла своим волевым характером и бодрым духом, не могла растормошить «своенравного гордеца». Дед, человек крутого и тяжёлого нрава, прямо-таки млел и таял в компании любимой внучки, преображаясь в беззаботного и улыбающегося собеседника. В семье Дивия эту особенность давно заметили, и когда глава дома становился мрачнее дождевой тучи, к нему быстренько подсылали Юну, зная, что она тут же рассеет любой мрак в сердце старика.

Брат обрадовано вскрикнул в трубку, что дед теперь будет спокоен, зная, что Юнка жива-здоровёхонька и прекратит ворчать и бурчать по любому пустяку. А то им, Владу и Власу, совсем от него продыху нету, совсем замуштровал их дед, не давая спуску ни в чём. Но где же она сама? Замешкавшись с ответом, девушка упомянула о подруге Лизе, с которой училась в колледже. Лиза жила в Полеже, городке таком же маленьком, как и Горницы, недалеко от столицы. Подружка давно к себе завала Юну погостить, но та всё никак не могла собраться. Вот так, вдруг и вышло, что Юна вдруг сорвалась и уехала к Лизе. Но почему она никому ничего не сказала? У Лизы неприятность, неожиданная и серьёзная. Вот Юна и сорвалась так скоро и внезапно. Да и как можно не откликнуться на зов друга?

– Вроде сработало моё враньё, – удручённо выдавила она, когда разговор с младшим братом окончился. – Хотя они мучиться не будут от неопределённости. А вот я бы сейчас утопилась от стыда.

– Тогда нам это предстоит сделать вместе, – понимающе хмыкнул Матфей.

– Прости, Фей, – спохватилась девушка. – С твоими всё будет хорошо. В следующий раз они обязательно ответят.

– Остаётся только уповать на этот следующий раз, – вздохнул он.

– Эй, кислые рожицы, нам пора, – бодро гаркнул Виктор, которому порядком надоело прохлаждаться в пустом ожидании. – Маф, ещё немного и твой ворон себе глотку сорвёт, так надрываясь на улице.

Как и решили, ребята поймали такси и, удобно разместившись в машине, отправились в центр Кошивы. До зелёного пояса сада ехали около часа, как и положено с простоями на светофорных пробках. Таксист, как выяснилось, уроженец Вирии, терпеливый и дружелюбный малый, оказался в меру словоохотлив и пускался в сочные комментарии к чему-либо достойному любопытства за окном лишь с подачи пассажиров.

– Это нам ещё повезло так быстро домчать до сада Марии, – констатировал он, когда автомобиль пересёк высоченную литую арку решётчатой чугунной ограды, тянувшейся от прохода в обе стороны, насколько хватало глаз. – Так-то оно дольше добираться. Иной раз, поди, и два часа можно ползти до чёрной арки.

Чёрным был не только арочный проезд, но и всё ограждение. Зато за чугунной чертой путников встретило море, бархатистое, изумрудное с вкраплением последних красок осени. Более всех поразила Юна: самый что ни есть сад, а по нему разрешено ездить машинам. По обе стороны от асфальтовой дороги разбегались вертушками, завитками и змейками грунтовыми с щебневым вкраплением дорожки. В их закрученных силках ромбами и шарами, квадратами и овалами возлежали пышные клумбы, густо обсаженные газонной травой, упрямо и стойко возражавшей осеннему натиску сочностью зелени. Уж искусно постриженные кусты наполовину утратили свой лиственный шик, а траве – всё ни по чёму. Словно цветной жемчуг, возвышались на длинных стеблях радужные шапки хризантем, георгинов и астр. У подножия стройных каштанов золотились нежные бархатцы. И фонтаны! Не большие и громоздкие, а изящные мраморные, со скульптурами в виде цветов и людей. И обязательно со скамеечками и молочно-кремовыми ротондами. Правда, вода в фонтанах не была, но если представить это великолепие летом...

– А почему сад так называется? – поинтересовалась у водителя Юна, благодарная уже за то, что тот не гнал авто, позволяя своим попутчикам в полной мере насладиться видами из окон. Впрочем, вряд ли в подобного рода местах разрешено разгоняться, как и на городских улицах.

– Ну, – задумчиво почесал затылок он. – Там какая-то тёмная история была. С садом этим. Кажись, в семнадцатом столетии. Был такой король – Владислав Строптивый, неприятного нрава человек был. «Хуже Владислава осли» – так говорили о ком-то, кого невозможно переубедить. Да и до сих пор говорят. Так вот, приглянулась королю на очередном балу девица, дочь церемониймейстера. С того момента прекрасная юная Мария стала тайной возлюбленной государя, хотя большой тайны из этого никак не могло выйти. При дворе все обо всех всё знали. Хуже всего, что правитель то уже имел супругу, но в те далёкие времена адюльтер был чем-то самым собой разумеющимся. Дочь придворного вначале отказывала монаршему сластолюбцу, но напористый Владислав не знал отказа, вернее не принимал его, и скоро осада хрупкой фрейлины пала к ногам короля.

– Подобные истории можно в каждой стране найти и во множестве, – вставился Эрик. Он сидел на соседнем с шофёром месте.

– Да, но не для каждой любовницы разбивался величественный сад, обессмертивший имя красавицы на века, – заметил водитель и продолжил дальше. – Лёгкая влюблённость короля переросла в крепкое и не гаснувшее до конца его жизни чувство. Ни королева, ни советники – никто не сумел вразумить и тем более разлучить влюблённых, вынужденных жить в тени своей любви.

– Так поэтому Марию прозвали Печальной? – перебила на сей раз, сидевшая позади рассказчика, Юна. – Потому что им приходилось скрывать свои чувства на людях?

– Отчасти, – отозвался водитель. – Но дело в том, что у этой пары не было детей. Мария была бесплодна, и это стало причиной её продолжительной меланхолии и медленного угасания. Владислав готов был на всё, только бы его возлюбленная не печалилась. Поэтому он созвал всех лучших садовников Тартаррусы и заказал им разбить между средним городом и верхним сад, коего величия ещё знала страна. Что и было осуществлено в течение десяти лет, или чуть дольше. Вам отсюда не видно, но за каштанами тянутся изгороди вечнозелёного самшита, а ещё дальше – Бассейн Леды, круглый пруд в мраморном окаймлении. Это одна из двадцати подобных жемчужин садового парка.

– А что было дальше, когда сад был готов? – напомнила Юна. Она, как большинство девушек, обожала подобные истории и всегда надеялась на удачную развязку в концовке.

– Да ничего хорошего. Умерла Мария – вот и все дела. На шестом году садового строительства. От горячки.

– Как жаль! – досадливо произнесла девушка. – А король? Что он?

– Да ничего. Дал саду имя любовницы, установил её статую у Бассейна Леды, правда, изваяние не дожило до наших дней. А через несколько лет и сам почил в одиночестве. После смерти Марии, Владислав стал нелюдим и замкнут. У него оставалась только одна цель – довести разбивку сада до конца, что он и осуществил. А когда цели нет, то и жить, вроде, ни к чему. Вот так вот.

– Какая-то грустная история, – подытожил Эрик. – Все умерли, так и не насладившись трудами садовников. Даже досадно, я бы сказал.

– Почему грустная? – улыбнулся водитель. – А как же сад? Разве он не хорош? Не просторен? Не прекрасен? До сих пор радуется и приветствует каждого. Не это ли сама любовь?

– Нет, – мягко возразила Юна. – Это самое настоящее детище. Короля и фрейлины.

– А вы, сударыня, романтичная барышня, – подмигнул ей шофёр в зеркало заднего вида.

– Она у нас ласточка, – с гордостью произнёс Эрик.

– Ага, маленькая и бойкая, – поддержал его Виктор Сухманов. – Если что и клюнуть может.

Водитель такси усмехнулся, но больше ничего не добавил.

До самого дома счетовода ехали в молчании. Казалось, что всё нужное выговорилось по пути. Гамаюн до отправки компании из среднего города указал Матфею точный адрес. Улица Здравного Михалы, дом 13.

Автомобиль остановился подле диковинного строения. Из простецкого короба красного кирпича по центру торчала мощная, высокая башня, выложенная крупным белым камнем. Ну, точь-в-точь средневековая, вставленная по чьей-то безумной прихоти в безликий кирпич. Это несуразное сооружение с большим количеством бойниц-оконцев и зубчатым венцом впритык лепилось к современному пятиэтажному блочному дому жёлто-серого окраса. С другой стороны за условной ржавой оградкой на приемлемом расстоянии от красного кирпича располагалось подобие сада, сильно забитого сорной травой и более смахивавшего на пустырь. Улица Здравного Михалы была узка и мощёна крупным булыжником, совсем как в нижнем городе.

Ворон уже ожидал Матфея и его друзей, сидя на верхушке калитки, былая синь которой давно поблёкла, порядком облезла и топорщилась чешуйками, открывая взору любую ржавую суть. Птица призывно каркнула и, вспорхнув с невзрачной дверцы, подлетела к каменистому крыльцу.

– Ну, конечно, так и должно быть. Верно? – иронично заметил Матфей, когда тонким протяжным визгом затянули петли отворяемой калитки. – Ничего не напоминает?

Вспомнилась дверь покинутого домика на окраине Омолона и её тоскливое песнопение виолончели. Но от калиточной створки шла иная песнь. То была скрипка, что заждалась долгожданных гостей и встречала их радостной одой.

Бетонная дорожка – серая растрескавшаяся лента – ползла кривой дугой к порожным ступеням. Её давненько не подметали, оставив на милость беглому песку, палой листве, да другому мелкому сору. От того и вид её был неряшлив да запущен. По краям же её неопрятными дикарями тянулись забытые кусты падубов с рубиновыми гроздьями ягод. Высокие и разросшиеся не в меру, они покушались на тропинку, жажда закрыть её своими ветвями-лапами. Матфею даже причудилось, что падубы только прикидываются обычными кустами, а сами выжидают, когда случайный прохожий зайдёт на самую середину дорожки и тогда-то вокруг этого

горемыки сомкнётся ворох лиственничных рук, а когда разомкнётся – дорожка будет пуста. Но секундное наваждение ушло, а дубубы так и стояли там, где им и положено.

Виктор первым одолел отполированные временем серые валуны-ступени. Он встал у тёмной дубовой двери, облицованной по контуру зеленоватой медью. Массивная круглая ручка тускло блестела серебром. А по самому центру двери крепился кнокер – массивное бронзовое кольцо, покрытое затейливой филигранью. Им и постучал Виктор в дверь за неимением обычного звонка. Тишина на улице Здравого Михалё стояла на удивление редкостная. Ни голосов горожан, ни лая собак, ни криков птиц. Любой шаг под ногами отдавал шуршанием песка, перекатываем мелких камешков или сухим шорохом листьев. Поэтому, если бы за дубовой дверью дома № 13 кто-то вздохнул, с улицы бы его расслышали. Но за дверью ничего не происходило. Там незыблемым пластом недвижно лежало безмолвие.

Виктор постучал ещё раз. Матфей в ожидании с интересом вгляделся в стену и обнаружил: запустение давно проникало в нутро жилища, кроша его углы. Время медленно, но верно глодало красный кирпич, как обкусывает малое дитя вкусную конфету. По кусочку, по кусочку, до самой косточки.

«Так и до башни дойдёт очередь», – подумал Матфей, выхватывая взглядом всё больше и больше таких укусов.

– Толкни дверь, – посоветовал Лиандр союзнику. – Может, хозяин туговат на ухо, а вот дверь мог оставить открытой. Он же нас ждёт.

Виктор дёрнул на себя серебристый набалдашник ручки и дверь бесшумно поддалась.

За дверью сгущалась темнота. Эрик заметил – очевидно, стремясь разрядить напряжение, только нараставшее от негостеприимного приёма, – будто бы ночь переживает день в стенах этого дома. Никто не улыбнулся.

– Может, он умер? – пошутил Матфей. – Во дворе давно никто не убирался. И за дверью темно и тихо, как в склепе.

– Не мудрено. Вы бы ещё полдня гуляли по саду и разглядывали каждый куст, – не преминул упрекнуть Гамаюн. – Меня лично не удивит, если мы опоздали. Счетовод стар и никому неизвестно, когда старость начала подтачивать его жизнь.

– С вороньей болтовнёй у нас ещё больше шансов не успеть, – едко бросил в сторону ворона серый кот. Невзирая на слабость, Лиандр не сводил с давнего противника сверкавших злобой глаз.

Гамаюн предпочёл одарить заклятого недруга презрительным взглядом и первым нырнул за порог в тёмный проулок. Когда вся компания вошла внутрь, дверь также бесшумно захлопнулась позади них.

– У меня мурашки от этого дома, – призналась Юна.

Она была так близка к Матфею, что он чувствовал её горячее дыхание, долетавшее лёгким ветерком. Эта внезапная близость смутила его, вызвав прилив крови к щекам, но слава Творцу, в том полумраке его замешательство никто не мог различить.

– А куда идти-то? – растеряно вглядываясь вперёд, спросил озадаченный Виктор. – Тут три направления.

Тьма, казавшаяся сосредоточием ночи со стороны улицы, внутри обрела дымчатый образ сумерек, позволяя различать то, что хранилось внутри краснокирпичной постройки. Оставалось лишь гадать, каким непостижимым образом свет просачивался в короб без окон. Матфею тут же на ум пришли обкусанные временем стены.

Чуть впереди от входа коридор делился на три излучины: центральную, подсвеченную еле дышащими настенными бра, и боковые, утопавшие в кромешной тьме.

– Прямо сказка, – сказал Эрик и величественно продолжил, – Направо пойдёшь – коня потеряешь, себя спасёшь; налево пойдёшь – себя потеряешь, коня спасёшь; прямо пойдёшь – и себя и коня потеряешь. Выбирайте, други. Коней у нас нет, можно смело идти направо.

– Да ну тебя, сказочник нашёлся, – зычно расхохотался вдруг Виктор. – Маф, Юн, вы-то как думаете?

– Идём за вороном, – решил Матфей. – Он больше нас всех знает.

– Тогда прямо, молодой человек! – прокаркал устремившийся вперёд Гамаюн.

Коридорное пространство удивило чистотой и свежестью. Словно к приходу гостей только-только всё вывели, вымыли и проветрили. Каменный матовый пол слабо мерцал под ногами, чьими-то стараниями как следует начищенный. Потолок низкий и выпуклый изобилдовал причудливой росписью, элементы которой как следует рассмотреть, не представлялось возможным из-за тусклого освещения. Но стены оказались куда интереснее всего прочего: кто-то не пожалел своего времени и сил, выложив по всей длине с обеих сторон разноцветную мозаику. Кусочки пазла были малы и от того работа неизвестного мастера представлялась шедевральной и колоссальной. Во множестве подробнейших деталей перед зрителями представляли всевозможные животные, порхающие, ползающие, плавающие и ластящиеся к многочисленным людям. Глянец элементов порой коварно поблёскивал в умеренном сиянии светильников. От обманной игры света казалось, будто изображения пристально и сурово следят за посетителями, подмигивают им или улыбаются самой, что ни на есть, кровожадной улыбкой.

– Вот это талантище тот, кто такое забабахал, – благоговейно высказался Эрик. – Но со светом тут явно скупятся.

Они вышли к узкой винтовой лестнице из серого гранита, спиралью уходящей вверх.

– Мы в башне, други, – торжественно, но с ноткой озорного веселья огласил Эрик. – Добро пожаловать в средневековье. Кто первый?

– А пусть Фей идёт, – предложила Юна, одарив юношу шкодливой улыбкой. – Ворон его, пусть он за ним и идёт. А мы следом.

Матфей лишь пожал плечами и ступил на первую ступень. Сеера опережала его на две ступени, внимательно и тревожно всматриваясь вперёд. Рарог занял пост на правом плече союзника и молчал, что несколько обескураживало юношу, уже свыкшегося с безудержным трёпом ящера. Юна, Эрик и Виктор с котом шествовали следом.

– А ступени-то гладкие какие! – заметил Виктор разок, оступившись и едва не упав со скруглённого края. – Отшлифовали их чьи-то ноги отменно.

Круглая монолитная каменная стена вокруг них казалась бесконечно высокой, а пространство до неприятного тесным. На лестничном серпантине места хватало одному человеку. Встречавшиеся с каждым новым витком, крохотные, забранные ржавой решёткой оконца отсчитывали очередной уровень подъёма.

Одолев где-то девять таких уровней, темп восхождения друзей заметно снизился, зато появилась отдышка и раздражение.

– И сколько нам ещё так корячиться? – не выдержал первым Эрик Горденов.

Его несвежая каштановая шевелюра, давно утратив контроль без бриолина, назойливо лезла в лицо слипшимися прядками, отчего юноше периодически приходилось откидывать волосы назад. Да, им всем нужен душ, Юна Дивия мечтательно вздохнула, она взбиралась следом за Эриком. Тайком, что не составило труда в такой ограничительной теснине, она принялась, оттянув воротник куртки, и разочарованно поморщилась: ещё немного и от неё начнет нести, как от уличной бродяги.

– Я слышу карканье ворона сверху, – отдуваясь, выговорила Юна. – Значит, ещё нужно, Эр. Потерпи. Скоро дойдём.

– А что, если это ловушка? – неожиданно выдал позади неё Виктор. – Уж больно подозрительно всё это. Станный дом: внутри всё чисто прибрано, а снаружи, будто к нему с момента постройки никто руку не прикладывал. И внутри – ни души.

– Что ж ты это всё внизу, дружище не сказал? – иронично усмехнулся Эрик, утирая с висков капли пота. – Я б тогда и стараться не стал бы, там вас подождал.

– Да я только на этой чёртовой лестнице задумался, – глухо отозвался Виктор.

– Да нет, какая ловушка, Вик? – возразила Юна. Она остановилась и прислонилась спиной к стене. – Если бы нас хотели поймать, то сделали бы это там, внизу. Какой смысл загонять нас в эту башню, где и один с трудом проталкивается?

– Ну, я не знаю, – Виктор задумчиво почесал затылок. – Просто подумал.

– Маф, а ты что думаешь? – окрикнула девушка оторвавшегося от них друга.

– Глупости, – донеслось в ответ. – А вы бы поменьше болтали и резче ногами двигали.

– Ишь, командир нашёлся, – шепнула Юна и прыснула со смеху. Ребята её поддержали зычным гоготом.

Когда они минули ещё шесть витков, серые ступени вдруг окончились маленькой площадкой, упирающейся в низкую дощатую дверь. Гамаюн дожидался спутников, нетерпеливо расхаживая перед затворенным проёмом.

– Ну, наконец-то! – желчно воскликнул ворон. – Как же вы медленно ходите.

– Ну, извини, крылья только у тебя, – колко парировал Матфей.

– А прислужник у тебя ещё с тем характером, да? – полушёпотом произнёс Виктор позади.

– Не то слово.

– Ну же, чего ты ждёшь? Отворяй её, нас там ждут! – нетерпеливо повелел Гамаюн.

Толкнув дверцу от себя, Матфей, а за ним следом остальные проследовали внутрь.

– Вот это да! – издали возглас изумления Эрик и Юна. – Как такое возможно?

– Чудеса, да и только, – выдохнул Виктор.

– Гамаюн, что это всё? – спросил, растерявшись, Матфей.

Парадоксально, но вместо ожидаемой каморки, памятуя о диаметре башни, им предстал во всём великолепии высоченный и длинный зал. Просторная и хорошо освещённая за счёт окон, вытянутых едва ли не по всей высоте стен, эта парадная комната венчалась арочным сводом потолка. Красочная роспись, украшавшая его, несла знакомый сюжет, повторявший мозаичные картины на первом этаже дома. Несколько люстр из цветного хрусталя с незажжёнными свечами свисали на крепких цепях с потолочных крюков.

Башня-жердь держала на своём теле-шее воистину громадную голову. Но как такое возможно, если с улицы отчётливо видно – каменный столп не имеет расширений кверху? Действительно, чудеса.

Восхищения удостоился и пол зала. Выложенное геометрическим рисунком, по меньшей мере, из семи пород дерева, в центре покрытие имело большое, но невысокое круглое возвышение из голубого мрамора, на котором покоился самый обыкновенный аквариум. Ну, не совсем чтобы обыкновенный. В такой стеклянный ящик, наверняка, могла уместиться акула средних размеров. Но никакой акулы, естественно, там не водилось. Да и рыб помельче заметно не было, впрочем, с того расстояния, где стояли друзья, и не мудрено было хорошенько что-то разглядеть. Единственное, что им удалось различить в гигантском террариуме – отсутствие водяной кромки. Либо ёмкость наполнена до самого края, либо воды в ней нет.

Но при всём величии и воистину гигантском пространстве воздух в чудном помещении стоял спёртый, с привкусом пыли и старости. По всей вероятности, окна здесь отворялись редко.

Друзья не смели сделать и шагу, с любопытством вглядываясь в интерьер зала.

– Сколько здесь книг! – с восторженным придыханием прошептала Юна. Её приглушённый голосок взлетел к расписному потолку и дробным эхом разошёлся по углам. – И какие у них обложки! Да этим фолиантам не одна сотня лет, наверняка.

Вдоль забранных тёмно-синим бархатом и красным шёлком стен, высились книжные шкафы – сами по себе произведения искусства. Тёмное резное дерево с сотнями затейливых деталей и инкрустацией всевозможных самоцветов. С полок взирали на посетителей плотно

установленные массивы книг с разномастными корешками из кожи. На некоторых скромно поблёскивали цветные камни и полустёртая позолота. Юна не сомневалась в том, что украшения фолиантов благородного происхождения. Вблизи одного из таких шкафов стояла деревянная стремянка на колёсиках.

– Всё-таки пришли, – раздался тихий, скрипучий, и как показалось Матфею, недовольный голос. – Вы хоть знаете, сколько можно было чаю выпить за то время, что я вас ждал?

Ворчливый голос принадлежал старику, сидевшему справа от гостей в массивном, с золотой вышивкой, синем бархатном кресле. Его собственно и не заметили, так сильно он сливался своим обликом с интерьером залы.

– Много? – рискнул спросить хозяина окружавшей его роскоши Эрик.

– Достаточно, чтобы захотеть в туалет, сударь, – холодно и высокомерно изрек старик, сделав особое ударение на слове «сударь». – А в мои годы не набегаяешься по лощёным ступеням. Туалет-то внизу.

– Так вы бы нас внизу бы и ждали, так было бы проще всем – вам и нам, – просто сказал Виктор. Его не смутил невежливый тон хозяина.

– Это невозможно, сударь! Приёмная-то здесь, – капризно воскликнул ворчун. – Да и как я могу что-то сказать, не заглянув в суть сосуда жизни?

На несколько секунд повисла пауза, да такая тягостная и тихая, что, казалось, вздохни и услышишь эхо в конце зала.

– Ладно, раз пришли, выслушаю, – старик с тяжким вздохом встал с кресла и неуклюже семеня, поплёлся к тому возвышению, на котором стоял загадочный аквариум. – Не люблю попросту терять время.

– А мы, значит, любим, – язвительным шепотком бросил Матфей Виктору.

– Кто хозяин птицы? – осведомился всё также не любезно Счетовод.

– Я, но я не хозяин Гамаюну, – отозвался Матфей и с горячностью, вспыхнувшей в ответ на желчь старика, добавил. – Я его союзник.

Гамаюн одобритительно каркнул и впервые посмотрел на юношу, как тому показалось, уважительно.

– Без разницы мне ваши иерархии, – продолжал нудствовать старикан. – Одни ходят на двух ногах, остальные же им подчиняются. Ничего мудрёного.

Приблизившись к аквариуму, в котором, как и подозревалось, не было воды, зато было много всякой растительности, ребята смогли лучше разглядеть старого брюзгу.

Счетовод – сама несуразица – был под стать своему дому. Невысокий и полнотелый, он казался вылепленным из частей тел разных людей. Округлое, обрюзгшее тело с приличным брюшком и вполне женскими грудями сидело на коротких свиных ножках, правда, без копыт. Хотя, если бы таковые имелись, это не слишком бы изумило гостей. Шаровидная голова на короткой шее, ну точь-в-точь шар для боулинга, достойная тела, блестела широкими пролысинами, тщетно прикрытыми жидкими белёсыми от старости волосами. А лицо походило на белую истрескавшуюся восковую маску, подтаявшую от тепла. Щёки старца оплывали брылями по бокам рта, и оттого казалось, ещё немного, и они попросту стекут каплями воска на пол.

Одежда Счетовода причудливая и яркая не в меру, шла ему, как никому. На тучном теле свободно сидел длиннополый кафтан, ладно скроенный из синего атласа. С небольшим запахом на левую сторону кафтан украшался золотыми петлицами и перламутровыми пуговицами в них, кружевами на полах и мелким жемчугом на запястьях рукавов. Воротник-стойка, богато сдобренный серебристо-золотой вышивкой, спереди открывался глубокой выемкой, из которой топорщился волнистый кружевной воротничок белой рубахи. Ноги коротышки обтягивали светло-зелёные лосины. Стопы же, очевидно в виду приличного возраста, довольствовались

восточными туфлями с загнутыми носами, обшитыми ярко-пурпурным атласом, поверх которого виляла змейкой разноцветная вышивка вкупе с радужными бусинами.

«Персонаж ещё тот», – подумал Матфей и с усилием подавил подкативший смешок.

Прислужники заняли места каждый напротив угла безводного аквариума и замерли.

– Подойдите ближе, я должен как следует сличить вас с вашими близнецами в сосуде жизни.

Полные недоумения друзья приблизились вплотную к странному четырёхграннику из стекла, из которого в тот же миг раздалось слабое, но ровное сияние, охватившее всё его внутреннее пространство.

– Но там же улитки! – удивлённо и несколько брезгливо заявил Эрик, тыкнув пальцем в стенку террариума.

– Совершенно верно, сударь, – чопорно подтвердил Счетовод и тут же грозно прибавил, – впредь не смейте касаться стекла. Оно полностью выполнено из горного хрусталя и любой отпечаток пальца способен исказить увиденное за его поверхностью.

Эрик поспешно убрал руку, но при этом бросил на старика уничижающий взгляд. Счетовод его не заметил.

Сказать, что внутренность за стеклом кишела рогатыми моллюсками, ничего не сказать. Их там ползало миллиарды, если верить в точность статистики по учёту населения планеты. Всех возможных видов и размеров, с рисунками на раковинах и домиками причудливой формы эти брюхоногие сидели на травах, зарывались в бурюю почву или лениво тащились по прозрачной стене кварца, оставляя за собою влажные шлейфы слизи.

– Зачем здесь столько улиток? – спросила Юна осторожным вкрадчивым голосом.

– Они не столько улитки, сколько двойники демоновых душ, – напыщенно пояснил Счетовод, переходя на «общий» язык. При каждом слове брыли его щёк забавно дёргались, ну прям бульдог, не иначе. – Сколько демонов проживает на Терриусе, столько улиток в этом аквариуме.

– И наши есть? – изумился Виктор.

– Я же сказал, что всех. Разве не понятно? – Узкие с нависшими верхними и отёкшими нижними веками глазки хозяина недовольно зыркнули на юношу.

– Да, но они разные. Отчего так? – спросила Юна вновь. Казалось её вовсе не страшил недружелюбный старикашка.

– Это же очевидно, – с гонором откликнулся на неё Счетовод, впрочем, посему видно было, что неприязненный вид у него напускной. Для острастки. – Самые малые – новорождённые демоны, большие – взрослые.

– А те, что с белым налётом на раковинах?

– Эти, у кого душа черна и полна гнили. Такие улитки страдают от налёта безнравия, постепенно разрушающего их дома. А у какого демона подходит к концу срок жизни – раковина улитки-близнеца трещит по швам и раскалывается в конечном итоге.

– Как ужасно для улиток, – выговорила Юна, не отрывая взволнованного взгляда от ползавших в аквариуме существ.

– Это что, – сухо отмахнулся пухлой ладонью Счетовод. – Самым маленьким улиткам предстоит долго расти и опасаться быть съеденными взрослыми сородичами.

– Разве улитки едят друг друга? – ахнула девушка.

Напротив её лица неспешно ползла виноградная улитка. Представить, как эта милаха со светло-коричневой в полоску раковиной спокойно поедает себе подобную, пусть и меньшую в размерах соплеменницу, Юна не могла.

– Ещё как едят, – кивнул старик и издал противный ехидный хохоток.

Его иссохший от прожитых лет голос отчего-то прозвучал противнейшее визгливо, отчего гостей передёрнуло в отвращении.

– Итак, птица мне сообщила ваши имена и приблизительную цель вашего визита, – выговаривал старик холодным и величественным тоном, став серьёзным также внезапно, как возник тот нелепый смех, который он исторг мгновением назад. – Моё имя вам знать необязательно. У Счетовода оно отнимается, когда он принимает столь высокий сан. Прошу каждого по очереди приблизиться ко мне и кратко высказать просьбу. Но только по очереди и кратко. И только одну просьбу. Обдумайте, как следует, но не слишком долго.

В пространстве зала образовалось молчание, каждый уставился кто куда, задумавшись чтобы спросить такого важного, и главное как лучше сформулировать один-единственный дозволенный вопрос. Матфей отчего-то застрял взглядом на одной длиннющей портъере из иссиня-черной тафты, чуть сдвинутой в сторону от окна. Её крупные складки были в заламах. Матфею вдруг представилось, что эта перехваченная подхватом ткань цвета полуночи, – парус старинного галеона, присборенный и убранный на время штиля, а зал – трюм древнего корабля, в котором время застыло, что жук в янтаре.

– Ну же, неужели это так сложно? Или вас пугает то, что я могу сказать? – язвительно произнёс Счетовод и гадко хихикнул снова.

Виктор вышел первым, держась прямо и в упор смотря в лицо старика.

– Ну-с, сударь, задавайте свой вопрос.

Глазки-щёлки на миг расширились, показав юноше черноту, обволоченную серой дымкой, и тут же сузились. Обоняние юноши уловило слабый, но отчётливый запах старика: амбра и ладан, слишком слащаво для мужчины, пусть и в летах.

– Я хотел бы знать, как нам вернуться домой.

– Что ж, это не сложно узнать, – отозвался глухим голосом старик.

Он приблизился к хрустальному стеклу аквариума и застыл. Его дыхание оставляло блёклый след на поверхности, разрастаясь всё сильнее. Вскоре запотевшее пятно стало больше лица Счетовода, и Матфей усомнился, что тот что-то сможет разглядеть. Но тот неожиданно дёрнулся, и что-то неразборчиво пробормотав, довольно изрёк:

– Что ж, я отыскал твою улитку. Она вполне себе здорова. Это хорошо. Но она довольно далека от прежнего дома. А это, сударь, значит, что и тебе не скоро предстоит войти под своды своего жилища. Это всё. Следующий.

– Но я просил узнать о нас всех, а не только о себе?! И не когда, а *как* нам вернуться, – растеряно воскликнул Виктор, видя, что для него сеанс окончен.

– Я говорю лишь то, что вижу, сударь. С вами всё. Следующий.

– Это чёрте что, – ругнулся вполголоса юноша, отходя от чванливого старикана. – Ни какой он не провидец. Шарлатан.

Его место занял Эрик Горденов.

В этот самый момент Матфей утратил чувство реальности и, наконец, понял, чем же его так привлекала мрачная портъера. Прямой край её на четверть скрывал высокое тёмное зеркало, стоявшее на полу. Пока друг задавал вопрос Счетоводу, Матфей тишком отошёл от террариума и приблизился к окну.

Зеркало явно было старое и, возможно, являлось ровесником башни. Серебряная амальгама потускнела и почернела, сохранился лишь гляцевый блеск гладкой поверхности. Сотни мельчайших трещинок-царапин излучинами и прихотливыми знаками покрывали гладь, составляя отдельные островки. Старинную вещь обрамляла рама, инкрустированная большими чёрными алмазами. Сама рама была выполнена из чёрного монолита дерева, растрескавшегося и потускневшего от времени. По непонятной причине Матфея тянуло заглянуть в полускрытые зеркальные недра.

Он оттянул в сторону чернильную тафту, в её складках накопилось немало пыли. Матфей встал перед непроницаемой чернотой, в серебристо-тёмной поверхности прорисовался

его силуэт с головы до пят. Зеркало было невероятно высоко, так громадно, что встань один человек на плечи другому и то ещё места останется.

Абрис тела стал чётче проявляться, обретая объём и цвет. Матфей совсем впритык подошёл к чёрной глади, и его дыхание запечатлелось на ней. И вот его отражение совсем живое прямо смотрело ему в глаза. Но не светло-зелёными очами, а золотисто-карамельными. То ли дело было в потускневшей амальгаме, то ли так падали тени, но у потустороннего Матфея волосы были черны, как дёготь, а кожа смугла, как у южанина. Отчего-то чувство дежавю нахлынуло на юношу: повторение виденного, но где? Была ли то игра света, но у зеркального двойника на краткий миг заиграла ухмылка на губах. На Матфея пахло чем-то затхлым, гнилостно-сладким. Тленом? Но разве такое возможно?

– Стой! Отойди оттуда немедленно! – раздался за спиной гневный и одновременно испуганный возглас хозяина. – Кому говорят, отойди!

С неожиданной для него прытью, Счетовод в доли секунды оказался подле юноши и рванул занавесь из его руки. Наваждение, длившееся всего ничего, тут же рассеялось. А отражение вновь приняло призрачное очертание скупого контура, будто зеркало, дав разглядеть себя, вновь вобрало картинку в своё алчное, бездонное нутро.

– Глупый, глупый мальчишка! Кто позволил тебе пялиться в Зеркало Хоруса? – запричитал старик, брызжа на Матфея, наверняка ядовитой слюной. – Ты понятия не имеешь, с какими силами мог спутаться! Глупец!

Его рука с усилием дёрнула тафту портьеры, сиюсь скрыть чёрное серебро зеркала, но что-то в карнизе, державшем тяжёлую занавесь заклинило. Из-за иссиня-чёрной ткани соблазнительно мерцал не задёрнутый кусочек беспросветной зеркальной глади. Будто дразнил взиравших.

– Отойдите, живо! – скомандовал ледяным и злобным голоском Счетовод, скорее почувствовав, нежели увидев, как охваченные любопытством ребята, отошли от аквариума в сторону окна. – Хватит пялиться! Проклятье дьявола! Вечное любопытство. Оно знает, как и кого чем подманить. Оно чувствует. Глупый оболтус!

– Извините, – в замешательстве произнёс Матфей, всё ещё ощущая на себе взгляд золотистых глаз. – Я не знал, что...

– Всё! Ваше время истекло, – резко оборвал его не в меру раздухарившийся хозяин. – Прошу немедленно покинуть мой дом!

– Но вы не ответили на мой вопрос! – Теперь праведное возмущение прорвалось в Эрике. – А вы обещали.

– Да плевать мне на вас, юные выскочки! – озлоблено кинул в ответ желчный старик.

В этот момент его лицо-маска побагровело, сравнившись цветом с его богато расшитыми туфлями. Старика так затрясло в нервном приступе непонятного ребятам негодования, что если бы он тут же рухнул на пол и забился в конвульсиях, никто бы не удивился.

– Уходите, живо! – Зал прошил стариковский визгливый фальцет.

– Но как же Нил? Я хотела узнать о Ниле! – Юна умоляюще смотрела на Счетовода. – Наш друг был похищен вурдалаками. Жив ли он? Можно ли ему как-то помочь?

– Я сказал, довольно, сударыня! – Счетовод указал гостям рукой в сторону низкой дверцы и грубо добавил. – Поблагодарите своего любознательного друга.

– Пожалуйста, помогите моим друзьям, – попытался ещё раз извиниться за свой нелепый грех Матфей. – Я не хотел, накажите только меня. Я уйду, но выслушайте моих друзей. Помогите им! Пожалуйста!

Но разъярённый старик был непреклонен.

– Всё чем могу помочь, это малым советом. Ищи помощь в сказках, глупец. Возможно, они тебя чему-то научат и остерегут от будущих глупостей.

– Сказки? Но при чём тут сказки? Чем они могут помочь? – взвился Эрик. – Это немислимо!

– Да брось, – охолонил его Виктор. – Разве не видишь, что здесь нам ничего не обломится. Пошли.

– Но как же Нил? Как же Нил? – отчаянно выкрикивала Юна, её подталкивал к выходу Матфей. – Мы столько добирались сюда, и зачем?

И когда уже Матфей переступил порог дощатой двери, ступая на крошечный пятачок лестничной площадки, до него вдруг долетел спокойный и рассудительный голос Счетовода.

– Будь начеку, парень. По твоим пятам идут волки и летят совы. Думаю, ты знаешь, о чём я говорю, – предостерёг напоследок негостеприимный старик. – Никому не доверяй и не открывай свои способности. Ищи помощь у сказок. И ни в коем случае не слушай зеркал, если те вздумают говорить с тобой.

Дверь захлопнулась сама.

Вниз спуск оказался быстрее и короче. Всю дорогу до первого этажа Юна бранила хозяйина дома всеми известными крепкими словцами. Эрик охотно поддерживал её, ловко вставляя красочные словечки, а вот Виктор угрюмо молчал. Матфей чуть отстал. Его тяготило, что он вновь всё испортил. Сначала из-за него друзья вынужденно ввязались в путешествие, теперь вот они лишились нужных подсказок. И о Ниле опять же ничего неизвестно.

Рарог чувствуя хмурое настроение хозяина, смиренно сидел в кармане куртки, куда успел перебраться. Сеера отставала от союзника на две ступени, а Гамаюн и Лиандр, как это ни было удивительно, шли рядом: ворон с лентой парил над котом, не опережая и не уступая тому.

Внизу, уже выйдя на садовую дорожку и приближаясь к облезлой калитке, Юна в сердцах топнула ногой и сердито вскрикнула:

– Вот ведь старый жлоб! Невоспитанный, злобный, противный старикашка!

– Да ну, не такой уж он и плохой и ужасный, – вдруг улыбнувшись, произнёс Виктор. – Просто живёт один. Вот и вредный такой.

– Да ты что! Он же хам! Чванливый, высокомерный гордец! – тут же с пылом возразила она, тыча пальцем в сторону башни. – Как он на Фея наехал! Это ж надо быть таким грубияном! А его одежда? Да он же вырядился как индюк! Самый форменный индюк.

– Да ну, Юн, он нормальный старикан, – всё сильнее лыбясь проговорил Виктор, уже вызывая недоумение всех, кроме девушки.

Но выдержав паузу и таинственно оглядев всю компанию, Виктор добавил, прыснув забористым смехом:

– Ужасный, ужасно невыносимый старикашка!

Спустя пару секунд смеялись все.

Ты совсем близко, мой паучок. Я знаю каждый твой шагжок, предугадываю будущий. Совы летят по твою душу, псы бегут по следам твоим. Круг сужается, паучок, скоро петля сомкнётся. Скоро.

4. Поминование

Надпись «Три ковши р.м.п.д.» на блёкло-серебристой вывеске так бы и проплыла мимо них, если бы не вдумчивый взор наблюдательного Эрика. После неудачного визита в башню ребята в усталом унынии некоторое время бродили по улице Здравного Михалы, после чего свернули в Рогожий переулок, откуда через парочку шумных, но довольно тесных аллей вышли к развилке-трезубцу. Тут-то Эрик, избрав левую излучину перепутья, бравым шагом направился в самую её глубь, приятели проследовали за юношей по инерции. Всё равно города никто не знал, и было абсолютно всё равно, куда направляться. Конечно, прислужники не преминули

рекомендовать себя в качестве проводников, особенно, Гамаюн, но тут люди решили довериться слепому случаю. И случай, пускай и не слепой, а подслеповатый, сработал.

На извилистой и кривой, словно змеиное ложе, с высокими старинными домами улице – которая, к слову, звалась Каменная Горгония – в середке стояла, теснимая бочковидными чванливыми соседями, гостиница из бело-жёлтого кирпича в три этажа высотой.

Но именно непритязательный, простой вид жилища и привлёк внимание Эрика. Неприметное с виду здание могло послужить его товарищам и ему отменным убежищем на первое время, пока выработается новый план. Прислужники проявили удивительное единодушие и одобрили предложение Эрика. Как тут же выяснилось, ворон – не такой уж знаток Кошивы, каким представлял себя, и улицу эту и тем более гостиницу со странным названием лицезрел впервые. Сконфуженно прокашлявшись, тем не менее, Гамаюн вернул себе былую напыщенность, которой и «списал неосведомлённость на провал памяти». Ему всё-таки более трёх сотен лет, а вы чего хотели? Сами поживите столько, а после припомните какую-то там улицу в одной из столиц Терриуса.

– Что за странное название? И что означают эти буквы с точками? – удивилась Юна. – Терпеть не могу аббревиатуру.

– А пошли и узнаем, – с напускной бравадой предложил Эрик и отворил входную, ничем непримечательную дверь на себя, пропуская вперёд девушку.

Внутри, однако, было довольно просторно и затейливо, будто красивую богатую одежду вывернули наизнанку, представив миру заурядную подкладку, утаив притом холёный лоск наружности.

Тёмно-фиолетовый велюр, которым были оббиты высокие стены холла, в приглушённом свете настенных бра из матового изумрудного стекла будто оживал волнами ночного моря, мерно трепещущими в слабом дуновении бриза. Тёмный потолок, непроницаемый и оттого казавшийся бескрайним, словно небо, погрязшее во тьме, всё ж не давил на посетителей мрачной тяжестью, но был смягчён серебристым свечением созвездия фионитов, очевидно символизировавших суть названия гостиницы. И воздух... он будто пропитался морской солью и эвкалиптом.

– Так странно, – удивлённо произнесла Юна, – на улице ещё светло, а тут полнейшая ночь. Чудеса.

По тёмно-синему, как виделось в этом странном освещении, ковру они вышли к стойке из красного дерева, за которой сидел мужчина в деловом костюме, с самым невозмутимым видом попивая из белой фарфоровой чашечки кофе и с некоторой ленцой пролистывая толстый глянцевого журнала.

– О, тут всё просто, – благодушно улыбнулся администратор, когда Матфей поинтересовался названием гостиницы. – Три ковша рубиновой медведицы под дубом. Просто утомительно читать такое длинное название, вот мадам Грульбс и сократила.

– А почему три ковша? У названия есть история? – на сей раз вопросы последовали от Виктора.

– Ну, разумеется, есть, – отозвался служащий с некоторой долей снисходительности. – Но она так длинна, что рассказывать её я не стану.

– Жаль, – вздохнула Юна, когда Матфей ей перевел его слова, – а я бы послушала. Обожаю истории.

Мужчина не расслышал её сожаления, но догадался по выражению лица.

– Если остановитесь у нас, тогда у вас появится шанс узнать эту историю, – буркнул он и демонстративно сделал глоток из чашки. – Ну, так, как?

– Ах да, мы как раз и хотели узнать насчёт номера, – тут взял дело в свои руки Эрик.

Так они оказались в двухкомнатном со всеми удобствами номере, на втором этаже. Одну комнату делили юноши, а другая отошла Юне, и все были довольны. Прислужников пронесли

в номер тайком, под одеждой. Рарог тут же прошмыгнул в дамскую половину номера, где благополучно и спрятался под Юниной кроватью. Сеера предпочла изголовье Эриковой постели, Лиандр серым облачком умастился на выпуклом мягком сидении высокого стула с резной спинкой, а Гамаюн не нашёл ничего лучше старого, с потускневшей полиролью, высотного шкафа, верхотура которого ему вселяла покой.

В номере помимо телефонного справочника и каких-то рекламных проспектов имела маленькая, но красочно оформленная брошюрка, в которой и излагалась история пресловутых ковшей.

После суток без душа, в одной и той же одежде и при всеобщем недосыпе, решено было не терять времени даром, а именно, наскоро помыться, поужинать и улечься спать. Кто знает – какие сюрпризы подслеповатый случай выкинет поутру. Юна милостиво пропустила ребят в ванную комнату, ей хотелось как следует насладиться горячим душем, без оглядки на то, что кто-то дожидается своей очереди. Отчего-то девушкам требуется чуть больше времени, а когда смываешь с себя истекшие сутки, в подобных делах спешка излишня.

Когда она покинула порядком запотевшую ванную комнатку, и уединилась в своей спальне, из-за прикрытой двери до её слуха донеслась беседа.

– Я должен, нет, я обязан выпить за него, – угрюмо заявил Эрик. – Он самый смелый енот в мире! Не испугался этого волчьего чёрта и кинулся.... Он ведь знал, наверняка знал, что это конец, но не струсил...

Юноша только присел на кровать гостиничного номера, как бравость, питавшая его со вчерашнего утра, покинула дух. Плечи поникли. Он завел руки за голову, сцепил пальцы на затылке и, сблизив локти, наклонившись вперёд, принялся сильно покачиваться. Подкатившее отчаяние Эрик прикусил зубами, едва не прокусив губу.

– Он выполнил долг прислужника, Эр, – сдержанно отозвался Виктор Сухманов, он стоял напротив, скрестив руки на груди. – Но ты прав, это был самый отчаянный енот в мире. Чем помянешь? Водкой?

Приятель переборол себя, опустил руки и поднял лицо к собеседнику. Глаза не блестели влагой – лёд сковал взгляд Эрика.

– Нет, я не выношу эту гадость, – скривился в лице юноша. – Коньяк будет самое то. А вы, други, что примете на грудь?

– Пожалуй, я поддержу тебя, – согласно кивнул Матфей.

– Я тоже не буду выбиваться, – добавил Виктор.

– А я не откажусь от вина, коньяки эти ваши, крепкие, пейте сами, – произнесла Юна, стоя в дверях соседней комнаты. – Я бы и от вина отказалась, но ради памяти енота-смельчака, я готова выпить хоть целую бутылку.

Она наспех оделась и только влажные, топорщившиеся сильнее обычного пёрышками чёрно-белые прядки волос указывали, что она только что из душа.

– Хорошо, тогда мы с Виком прогуляемся до магазинчика за огненной водой, – заключил Эрик Горденов, – по пути сюда я заметил за углом отсюда довольно солидный винный маркет. Думаю, он вполне сможет удовлетворить наши вкусы.

– Эр на редкость внимательный, – шутливым тоном заметила Юна, как только двое друзей и серый кот скрылись за дверью. – Только он мог найти гостиницу с таким причудливым названием.

– Пожалуй, – скромно поддержал её Матфей, несколько смущённый неожиданным тет-а-тет с подругой.

– А я, пока ребята принимали душ, успела ознакомиться с историей таинственных ковшей, – мило улыбнулась Юна, удобно располагаясь на диванчике «мужской» комнаты. Матфей предпочёл край кровати, что примыкала к узкому оконцу.

Под взглядом её вишнёвых глаз он смутился ещё сильнее. Лицо грозилося выдать его с поличным, кровь всё быстрее подступала к щекам, пульсируя и закипая. И как назло Эрик с Виктором ушли, оставив его и Юну один на один. Прислужники не в счёт. Даже воздух задрожал и сделался тяжёлым и невыносимо жарким. Так странно, ведь не впервой им бывать наедине.

– А... я тоже... тоже листал эту брошюрку, – запинаясь выговорил Матфей, стараясь не смотреть подруге в глаза. – Пока ты была в душе.

– Да? И как тебе история? – Юна улынулась ещё милее. – По мне, так ей самое место в книге сказок, а не в рекламной брошюре гостиницы.

– Да, пожалуй, – рассеяно отозвался юноша, внутренне проклиная покинувших его товарищей.

Также мысленно удостоились парочки смачных словечек кошка и ворон, ни с того ни с сего вдруг уставившиеся на него.

– Ты ведь не читал, верно? – Монгольские глаза Юны сузились, но озорство и особый блеск продолжали бурлить в них. – Я же вижу, что не читал.

– Я хотел, но меня отвлекли, – сконфужено пробубнил Матфей, – наверное.

– Ладно, я тебе вкратце расскажу, если хочешь.

– Рассказывай, всё равно, пока ребята не вернутся, делать особо нечего, – с деланным безразличием согласился он. – Тут и телевизора-то нет.

– Так вот, – начала довольная Юна, – в незапамятные времена в стране вечных сумерек в дремучем лесу стоял высокий, до небес дуб. Его так и звали Дуб-Праотец. В изножье этого дуба, глубоко в норе из корней, обитала медведица с мехом цвета рубина. И сторожила она в норе своей три заветных ковша: благочестия, мудрости и любви. В том же лесу протекал смоляной ручей, начало бравший из небесного водопада. Воды его были темны и густы. Но лишь из того ручья можно было черпать воду волшебными ковшом, от простой воды толку бы не было. И кто хотел мудрости набраться, или любви познать истинной, а может, кому недоставало праведности, соответственно пили из нужных ковшей, предварительно зачерпнув воды из смоляного ручья.

– Мудрёная сказка, – ответил Матфей.

– Да это же вирийская сказка. Крух! – громко каркнул Гамаюн, решив вновь проявить себя знатоком и тем самым напрочь стереть конфуз с «провалом памяти». – Загляни в книгу «Вирийские сказки», там точно она есть. Я хорошо помню.

– Что он сказал? – любопытствовала Юна, с интересом наблюдая за внезапной реакцией всполошившейся ни с того ни с сего птицы.

– Говорит, что эта сказка из его книги.

– Ну вот! Я же не зря сказала, что этой истории самое место в книге сказок, – с ликованием обрадовалась девушка. – Кстати, это ещё не вся история. Там трое странников придут к медведице с просьбами, испить из её чудесных ковшей, дабы получить желаемое. Но у них всё пойдёт не так.

– В чём сомневаться не приходится, – на этот раз с иронией прокомментировал Матфей. – Во всех сказках одно и то же: хочешь получить то, а на деле обретаешь другое. Подпишись и получи.

– Фей, а можно мне эту книгу почитать? – спросила Юна и с опаской воззрилась на верх платяного шкафа, Гамаюн так и зыркал на неё прозрачно-синими глазами. – Мне так интересно! Ну, пожалуйста!

– Но тебе ещё вроде бы рано читать её, – неуверенно отозвался юноша и также отправил ворону пыливый взгляд.

– Дьявол Всезрящий! Да чёрт с вами, молодежь! – проворчал Гамаюн. – Всё равно не отстанете, надоедливые демоны. А что? Подумаешь, уже наломали вязанку дров. Поленом

больше, поленом меньше, уже и не заметно. Гореть, так уж шикарно. Лови, молодой человек, сказки!

Ворон развёл в стороны крылья-веера и книга, как и предыдущие её сородичи, материализовалась в воздухе, словно по мановению кудесника. Юна громко ойкнула и замерла на месте. Матфей успел вовремя подскочить к шкафу и поймать летящий вниз увесистый снаряд.

В отличие от других фолиантов, коими прислужник снабжал Матфея, «Вирийские сказки» оказались вовсе не старинной книгой, а современным изданием с твёрдой глянцевой обложкой и хрустящими при листании белыми страницами. Сборник был щедро приправлен красочными иллюстрациями и благоухал свежей типографской краской.

– Она новая? – удивился Матфей, привыкший к виду тёртых страниц иных книжных трудов ворона. – Её словно и не открывали после печати.

– Так и есть, молодой человек, – хрипло подтвердил догадку прислужник с верхушки шкафа. – Сказки стары, но демон, что сумел их собрать воедино в одну книгу, родился не так давно. Касио Го – величайший антиквар по части сказок. Когда ему наконец-то удалось по крупицам отыскать и нанизать на нить вирийского бытия забытые жемчуга памяти, стало возможным издать эту книгу. Я имел возможность насладиться этими историями в более ранний период их издания, но этот экземпляр я берёг до особого случая. Рад, что он случился.

– Сколько помпы по случаю каких-то сказок, – фыркнула Сеера, она лежала чёрным клубком на подушке, предназначавшейся Эрику Гордену и, судя по всему, не скоро собиралась уступать своё ложе. – Вороны – великие любители напускать важность на всё. Даже на то, что нельзя потрогать и понюхать.

– А кошки – самый ленивый народ из всех, – тут же желчно парировал Гамаюн. – Им бы лежать день-деньской на животе, да чтобы их не трогали лишний раз.

– Ну, что я говорила? – невозмутимо промурлыкала Сеера в ответ. – Любители поважничать.

– Что они говорят, Фэй?

Вот за что и благодарил мысленно прислужников Матфей, так это за их умение отвлекать от происходящего и вовлекать в свой маленький мирок. Вот и смущение ушло само собой, стоило лишь на секунду, другую отвести взгляд от Юны и выпасть из её близости.

Юноша вкратце пересказал подруге об авторе и передал книгу ей в руки. Юна в восторге обратила благодарный взгляд наверх и громко несколько раз объявила о своей признательности ворону, в результате чего тот потребовал, чтобы девушка замолчала, иначе он оглохнет от её восторженных речей. Это изрядно повеселило Матфея.

Но вот отсчитав с десяток страниц, миловидное личико Юны погрузнело и прежней радости как не бывало. Она захлопнула книгу и, сжав её корешок пальцами, закрыла глаза.

– Что-то не так? Тебе плохо? – встревожился Матфей.

– Нет, со мной всё хорошо, даже лучше чем должно было бы быть, – ответила не сразу девушка; голос её дрожал. Юна еле сдерживалась, чтобы не заплакать. – Я не могу не думать о Ниле. Да, мы не дома, но с нами всё хорошо, у нас крыша над головой и мы сыты. Но он... Что с ним, Фей? Каково ему? Здоров ли он? Ранен или нет? Страшно ли ему? Как подумаю, так становится так тошно. Ведь это несправедливо. Он наш друг, он где-то там, а мы здесь. Он должен быть с нами, с нами. Мы с ним с самого детства дружны. Не представляю, что он сейчас думает и чувствует. Не представляю...

– Не нужно, Ласточка, – мягко проговорил Матфей, вновь ощущая подкатывающиеся волны смущения и бессилия. – Никто не виноват в том. Мы его обязательно отыщем и вырвем из лап вурдалаков. Он ведь и мой друг.

Но «мой друг» прозвучало как-то фальшиво.

С одной стороны, Матфей мучился эпизодом, когда Нила Хотина схватил громадный волчий пёс и словно былинку уволок прочь в неизвестность. Он переживал ту сцену вновь

и вновь. Любой мог оказаться на пути Волкодлака, но нужен-то был ему Матфей и только он. Совесть вещала об этом в каждом зеркале, с любой поверхности, отражавшей виноватую физиономию всеслуха. И, по правде говоря, это Матфея должны были пленить, а не Нила.

Но с другой стороны....

Гнусное облегчение от горького принятия – от него Матфею становилось ещё гаже. Оно радостно шептало: соперника за внимание Юны теперь нет рядом. Ну, во всяком случае, на какое-то время. Матфей не кривил душой и не лгал, когда утверждал, что Нил – его друг, но уж скорее тот Юне приходился большим другом, и питал в отношении неё более чем дружеские симпатии.

От острых иголок дурных мыслей, Матфею стало не по себе. Раньше он и подумать такого не мог о друге, считая его самым весёлым и добродушным в их компании. Что же случилось с ним, с Матфеем? И когда мерзкие мыслишки заползли в его душу и успели дать ростки?

Щелкнул замок двери номера.

– А мы вернулись. Лиандр, проходи быстрее, пока тебя тот франт за стойкой не увидел, – следом за открываемой дверью раздался бодрый голос Виктора Сухманова.

Матфей тяжело вздохнул. Всё что угодно, лишь бы не допускать темноту в своих мыслях.

Помянули тихо, без длинных речей и долгих посиделок. Никто не собирался напиваться, ведь каждый новый час мог стать последним в гостинице, и не в обычаях «дружеского круга» было принимать на грудь больше нужного. Да и вечер подступил скоро, выдворив облачный день восвояси. А темень, замазавшая улицу в окне чернотой, напомнила о бесконечной дороге за невероятно долгий день и всё сильнее склоняла к желанному сну в удобных и чистых постелях.

Да, сон овладел их телами, как только погас свет в комнате. Прислужники, в отличие от хозяев, какое-то время шуршали и тревожно перешёптывались друг с дружкой. Но и их неугомонности наступил конец.

Матфей долго боролся с липкой дремой. Мысли, словно иглы, отгоняли, кололи, протыкали подступавшие к нему сны. Ему представлялось белое, вытянутое в ужасе лицо Нила, когда Волкодлак стиснув громадную пасть на руке друга, волок его, будто пушинку прочь. В темноту, в неизвестную бездну.

Тут же из мрака проступали лица отца и матери, с чёрными глазами и разверзнутыми в немом крике ртами. Тьма поглотила и их, до последней косточки.

Но вот огонёк замаячил вдалеке, такой малюсенький светлячок надежды. Он рвался к Матфею, отважно отражая натиск ночи. Нет, это не огонёк. Это Юна. Она лучилась ангельским светом. На лице её сияла привычная добрая улыбка. Ещё немного и она дотронется до него. Но вдруг в одно мгновение всё изменилось: вокруг шеи Юны обвилась чёрная удавка и потянула девушку назад, во тьму. Её глаза источали слёзы боли, её губы зывали, отчаянно шептали его имя, но всё бесполезно. И её прибрал в свою бездонную глотку мрак.

И вновь огонь рассёк ночь, но на сей раз пополам. Он сжёг её завесы, подъял её крошечные уголки, он не оставил ей шанса на спасение. Ну, конечно, огнём управляли его друзья – Виктор и Эрик. Они как всегда рядом, когда он в них отчаянно нуждается. Но и их торжество вышло кратким. Ветер, налетевший ниоткуда, сорвал лепестки огня и унёс прочь, оставив ребят без единой искорки. Темнота узнала. Она тут же заволокла его друзей грязным туманом, который скрутил их по рукам и ногам. Они не могли шелохнуться, они задохнулись в ядовитом зловонии преисподней, что вобрала их паучьими лапами. Матфей остался один на один с тьмою своих мыслей.

«Спи, хватит мучиться по пустякам, спи! Я заждался тебя».

Вкрадчивый шепоток ветерком пронёсся над его головой, спроваживая последнюю мысль, и Матфей ощутил, что засыпает.

Странное ощущение себя вне своего тела и яркий обжигающий глаза свет, который вытеснил неприятное чувство, пробудили Матфея, когда он неожиданно обнаружил, что стоит в ванной комнате напротив зеркала, а не лежит в кровати.

Руки с какой-то неимоверной силой вцепились в край раковины, будто пытались раскрошить её. Матфей чувствовал боль в пальцах, мышцы ныли, но разнять мёртвой хватки не мог, равно, как и отвести взгляд от зеркала.

Серебряная амальгама потускнела и налилась чернотой. Аспидное море клокотало и бурлило за хрупкой гранью стекла. Но не это заворачивало юношу – на него из глубин зеркала смотрело его же отражение, но суть – полная противоположность. Смуглолицый и темноволосый «Матфей» с наглой ухмылкой разглядывал своего оппонента напротив. Карие влажные глаза вспыхнули золотистыми искорками.

– Ну, здравствуй, моя копия, – довольный осмотром первым заговорил двойник Матфея. Его голос булькал и глухо шипел, как при помехах в радио. – Наконец-то ты соизволил уснуть. Еле твоих дружков отвадил.

Матфей не мог поверить, что это всё взаправду. «Это сон, ну, конечно, сон».

– Э, нет, копия, – возразил его мыслям зазеркальный «Матфей» и разразился фальшивым, злобным смехом. – Всё как раз на самом деле. Это в кроватке ты спал, такой сладенький, такой беззащитный, слюни пускал. Аж тошно. Мне и подобраться к тебе никак не давали. То одна влезет, то другие.

– Ты кто? – Матфей сам не понял, вслух он это произнёс или мысленно.

– А ты как думаешь, двойничок?

Отражение улыбнулось, но только миловидная и приятная улыбка, присущая Матфею, на его копии разошлась в плотоядный оскал.

– Эй, я рассчитывал, что ты не такой чурбан, каким я тебя в доме Счетовода нашёл, – притворился разочарованным Псевдо-Матфей. – Сколько усилий стоило тебя подманить к тому пыльному зеркалу. Ты даже представить себе не можешь, сколько защитных оберегов на его оправе. Я весь выдохся, – с долей возмущения добавил он, но тут же перешёл на доверительный тон, – но дело того стоило. Старик поздно спохватился, куда ему, не юнец давно.

– Кто ты? – вновь повторил Матфей дрогнувшим голосом.

Мысли, погребённые ночной тьмой в пустоту, вновь заворошились и подняли с глубин подсказку, от которой хотелось бежать прочь, куда глаза глядят. И не оглядываться. А лучше – разбить зеркало. Нет, все зеркала.

– Ну же, ты уже знаешь, по глазам вижу, – промурлыкало по ту сторону зеркала порождение морока.

– Демон!

– А-ха-хах! Вот рассмешил, умора! – неистово забулькал в новом приступе смеха злоеущий близнец. – Демон не я, а ты. Однако мне досталась тупоголовая копия. Что ж, придётся повозиться.

– Что тебе нужно от меня?

– Вот, вопрос сути. – Смуглое лицо вмиг стало серьёзным. – Мне нужен ты. Даже не ты, а твоё тело. Это, конечно, не скорое дельце, но оно того стоит. Я наконец-то переберусь на ту сторону, ну а ты... ты займёшь моё место.

– Отстань от меня! – заорал Матфей что есть мочи, но его крик вылетел изо рта сухим, придушенным хрипом.

– Фигушки! Я тебя уже пометил, копия. И я никогда не сдаюсь. Я – это ты, а ты – это я. Уравнение для простачков.

– Нет! Я не... я не... – воздух вышел из лёгких.

Руки Матфея освободились от зачарованной хватки, но теперь пальцы, охватив шею, сдавливали её, беспощадно, по чужой воле.

– Спорить бессмысленно, копия, – за стеклом зеркала торжествовал голос нечисти. – Это вопрос времени.

В глазах потемнело, юноша в порыве борьбы отшатнулся, но не рассчитал и, оступившись, упал на пол.

Именно в этот самый момент в ванную через неприкрытую дверь вошла Сеера.

– Кошачье племя! Дьявольская тварь! – зашипело зеркальное потусторонье, и тут же всё прекратилось.

Матфей разжал пальцы и громко, с жадностью вбирал ртом воздух. Кошка с удивлением взирала на распростертого, на полу союзника.

– Господин, что с тобой? Почему ты лежишь на полу и так странно дышишь? Тебе плохо?

Хорошо то или плохо, но прислужница не успела уловить причину, по которой союзник оказался на полу ванной комнаты.

– Всё в порядке, Сеера, всё хорошо, – соврал Матфей.

Отчего-то он не хотел посвящать кошку в ту чертовщину, что едва не отправила его на тот свет. Но своевременное появление прислужницы его невероятно обрадовало. Он коснулся мягких кончиков её ушей и пригладил шёрстку на загривке, та почему-то была взъерошена.

– Точно? – удостоверилась ещё Сеера, её взгляд сошёл с лица господина и устремился в сторону раковины. – Здесь нехорошо пахнет.

– Ну, знаешь ли, тут как-никак и туалет. Уж такой номер достался, с совмещённым санузлом, – попытался отшутиться Матфей.

– Да нет, господин, – пояснила кошка, вдруг замершая напротив зеркала, – это не тот запах. Здесь пахнет мертвечиной. Уж её я отличить всегда сумею. Но откуда ей взяться здесь?

– Не знаю я ни о какой мертвечине, – юноша тут же вскочил и в два счёта оказался за порогом ванны. – Страсти придумываешь. Выходи, я выключаю свет.

– Не закрывай дверь, я ещё немного здесь посижу, – за спиной Матфея из темноты раздался спокойный, но твёрдый голос кошки.

– Да сколько влезет. Мне-то что.

Наутро Матфея разбудили перешёптывания Виктора и Эрика, а их нескончаемая возня в тщетных попытках как можно тише передвигаться по комнате, лишь ускорила пробуждение. Как только он приоткрыл глаза, сие действие тут же было замечено Эриком, чему он обрадовался и поспешил громогласно объявить:

– А вот и Маф! Последний дрёма покинутого королевства соизволил снизойти в мир света и яви. Иными словами – вставай, давай!

– Убавь свой граммофон, Философ, – пробурчал в ответ Матфей.

Из соседней комнаты выглянула Юна, при виде её любопытствующего личика юноша смутился и натянул одеяло на лицо.

Он помнил ночной инцидент в ванной, но до сих пор не был уверен: сон то привиделся ему, либо на самом деле из зеркала с ним говорило нечто. А после как же быстро он погрузился в сон! Нет, не совсем то, провалиться в ничто без снов и проблесков, вряд ли можно назвать видением сна. Также тяжело было открывать глаза, по которым бил даже самый невинный приглушённый свет настенного бра. Но и уши с невыносимой мукой воспринимали любой звук, дробью охаживающей барабанные перепонки.

Но если всё взаправду? То выходит, старик Счетовод был прав, отныне опасно заглядывать в зеркальные поверхности. Его зыбкое спасение – кошки. Они могут отпугнуть, спровадить нечисть, как это случилось уже с ремораком. Во всяком случае, он может рассчитывать на Сееру. Но как узнать наверняка? А лучше, как избавиться от новой напасти?

– Ты там помереть собрался или так вошёл в образ Спящей Красавицы, что тебя только поцелуй вернёт к действительности? – раздался совсем близко голос Эрика. – Ну что ж, придётся проверить. Кто первый?

Эта шутка вырвала его из тягучего болота мыслей. Он стянул покров до груди и уныло улыбнулся.

– И тебе доброго утра, Эр.

– О как! Спящая Красавица сама очнулась. Прыткая она у нас. Жаль, без поцелуев. Эксперимент пропал даром.

– Шёл бы ты со своими экспериментами, – улыбнувшись, произнёс Матфей, – в ванную.

– И пойду, – одарил его кокетливой улыбочкой в ответ Эрик. – Надо же кому-то за собой следить.

– Иди-иди, франт, – в спину ему кинул Матфей, а сам лениво стащил с себя одеяло и сел на край постели.

Завтрак с ленивой неспешностью проходил в маленьком, но уютном пабе, в подвале одного старинного особняка в паре улиц от Трёх Ковшей. «Погребок Месяца» обнаружила Юна, когда ребята вышли из гостиницы с целью где-нибудь позавтракать.

– Но почему именно этот подвал? – недоумевал больше всех Эрик.

На пути им попала парочка кафе с куда более изящными названиями и помещениями, не расположенными под землёй. Эрик испытывал некоторую неприязнь ко всем подземным пространствам, в которые нужно спускаться, словно в могилу.

– Что-то мне подсказывает, что этот паб связан с одной сказкой из книги Гамаюна, – хитро заметила девушка. – В последнее время очень много всего связано с его книгами.

– Ты что, её всю ночь читала? – удивился Матфей.

– Не совсем, нужно было что-то и на сон оставить. Но чтиво – не оторваться! Я чуть больше половины проглотила, ещё несколько часиков и осилю до конца.

– А что, место неприметное, – заметил Виктор, этим утром он пребывал в задумчивом настроении больше обычного, – всё не на виду. Только что с прислужниками делать?

– Не волнуйся, господин, – мяукнул Лиандр, – мы не пропадём. К тому же, и нам нужна своя особая прогулка после длительного нахождения в помещении. И моё увечье быстрее пройдёт, если я буду чаще передвигать лапами.

– Может, всё ж стоит тебя показать врачу? – в который раз напомнил ему Виктор.

Он несколько раз предлагал коту показаться у ветеринара, но тот упрямо отказывался, опасаясь, что в любой клинике их могут поджидать люди Астрогора.

– Мой глаз не так плох, как кажется, – бравировал Лиандр. – Гной вышел, осталась припухлость. Но и она уйдёт, на всё время нужно.

– А видишь ли ты этим глазом?

– Ну... на всё время нужно, – замаявшись, ответил кот.

– Ничего, он и одной зыркалкой сможет углядеть кладку саламандр, – не удержался от язвы Рарог. – Капустные кочерыжки, бабкины маклышки.

Серый кот не удостоил ответом саламандра, лишь презрительно фыркнул и высоко задрал голову.

– Ты с ними? – поинтересовался Матфей у ящера, круглая чёрная голова которого высунулась из сильно оттопыренного кармана куртки.

– Да, – пискнул саламандр и, выбравшись из кармана, тут же юрко спустился по штанине на землю, – хоть человеческая еда и сытная, но всё ж пауков и слизней я люблю больше. А в этом городе их пруд пруди.

Виктор оказался прав: «Погребок Месяца» внутри хоть и выглядел простовато и малолюдно, зато располагал определённой долей безопасности своею неприметностью. К тому же

кухня заведения, не в пример интерьеру, приятно порадовала разнообразием и качеством еды. Даже придирчивый Эрик, и тот, не преминул отметить морского окуня под пряными сливками.

– Я смотрю, ты от Юнки решил не отставать, – усмехнулся Виктор, когда Матфей после классической яичницы с беконом положил перед собою на стол книгу Луки Заокского.

– Да я тут кое-что вспомнил, вот и решил разобраться, – уклончиво промямлил приятель. – Сам понимаешь, какая чертовщина нас окружает.

– Главное, не впустить эту нечисть в себя, – глубокомысленно изрёк Виктор.

Матфею стало не по себе. Он тут же отыскал нужный раздел в книге и укрылся за разворотом с животрепещущими иллюстрациями, надеясь, что от него отстанут на некоторое время.

Старый язык, которым писал книгу монах-отшельник – в миру Лукреций Сердолик, барон, учёный-исследователь при тартарруском дворе князя Микаэлла IV в первой половине XIX века – был, несомненно, более понятен и лёгок в чтении в сравнении со «Словом о Террии», но напичкан излишней философией и двусмысленностью, так свойственной своей эпохе. Матфей поймал себя на том, что уже третий раз перечитывает одно и то же предложение, сбиваясь на мудрёном словосочетании и отвлекаясь беседой друзей. Те всё старались оторвать его от бессмысленного на их взгляд чтения и увлечь в общий разговор. Но поглощённый новой проблемой, казавшейся теперь куда более важной остальных прочих, Матфей отвечал вяло и рассеяно, силясь вклинить в текст книги «Демоны и Людины».

Ещё с чтения в родном доме он помнил историю о людинах – враждебных духах, подсевлявшихся в тела демонов и постепенно завладевавших ими. По всем подробным описаниям и некоторым приведённым в книге примерам Матфей с горечью осознал, что попал на крючок одного из людей, когда так неразумно посмотрел в зеркало Хоруса. Лишь через подобное зеркало и могут пристать к демонам зловредные духи.

Ему срочно нужен был ответ: как избавиться от этой напасти? Происшествие в ванной ночью было только началом предстоящей вереницы испытаний, мучительных и жестоких. И, в первую очередь, в отношении друзей и близких.

Но чтоб отыскать спасительный ключик, ещё нужно одолеть тяжесть замысловатого текста. Паб совсем не подходил для изучения книги, молодой человек надеялся на ближайший вечер, а если надо, то и на всю ночь. Главное, избегать зеркал и всего того, что имеет отражающую поверхность. Пока он не видит своего отражения – находится в относительной безопасности; двойник не может навредить, не видя оригинал.

– Господин! Господин!

Матфей и не сразу ощутил карабкавшегося по штанине саламандра. Голосок того звучал до крайности тревожно. Визвавшемуся на колени, Рарог, так чтоб его не заметили, вновь зашептал:

– Господин! Беда! Нас окружают! Те и другие. Ворон и остальные ждут снаружи. Довольно набивать желудки, иначе их выпотрошат через несколько минут!

– Да что случилось, Рарог? – тихо процедил сквозь зубы Матфей, но Виктор, сидевший рядом, заметил ящера и тут же напрягся.

– Совы, волки, они повсюду рыщут, – взхлёб запричитал Рарог. – Сеера и Лиандр наткнулись на куниц у дома Счетовода и сразу рванули сюда. Я был неподалёку отсюда и встретил их. Ворон облетел верхний город – они обложили нас по всем фронтам, окружили кольцом.

– Но постой, ведь вурдалаки и праведники не сотрудничают и сами друг дружку готовы порвать, – озадаченно произнёс Матфей. Изнутри желудок обдало колючим холодком и сжало спазмом. – Как они могут так организованно идти сюда?

– Не знаю, и знать не желаю! – пискнул Рарог и тут же скатился с ноги юноши. – Они могут идти на опережение: кто быстрее достигнет цели – тот и получит трофей. А там до заварушки полпальца. Ложки-поварёшки, остались от козы рога да ножки. Скорее! Нам нужно немедленно отсюда рвать когти, как говорит Сеера.

– Что случилось? – слышался сбоку голос Виктора.

– Нам пора, – Матфей постарался не утратить контроль над голосом, произнеся слова нарочито спокойно, тут же захлопнул книгу и спрятал её в складках куртки. – Всё плохо, друзья, нас выследили. Верхний город в вурдалаках и праведниках. Поторопимся, у нас ещё есть в запасе время. Делайте вид, что всё в порядке: ни к чему привлекать чужое внимание.

На выходе их дожидались кот и кошка, Гамаюн сидел на козырьке паба и громко каркнул, когда ребята покинули «Погребок Месяца».

– Но куда же нам идти, если они повсюду? – растеряно спросила Юна. – Куда бы мы ни пошли, они нас в два счёта найдут и схватят.

– Стоять тоже нет смысла. Это на руку им, а не нам. Пока мы действуем, шанс остаётся, – привёл свой довод Виктор.

– Как обидно, номер оплачен на три дня, – с сожалением отметил Эрик.

– Да хоть на месяц, Эр, – отрезвил его жёстко Виктор, – хочешь вернуться в хоромы, где тебя тут же найдут и скрутят в лучшем случае, а в худшем – раздерут на куски? Валяй!

– Да я так, просто не люблю пустых, напрасных трат. Не пойду я туда. Дурак я что ли?

– А сомнения были.

– Ребят, всё хорошо, но идти-то куда? – вновь раздался взволнованный Юнин голос.

Пока они сделали несколько нерешительных шагов от паба, никто не знал наверняка, куда идти. Опасность могла явиться в любой момент в любом направлении.

Тут случилась неожиданность, поразившая всех в равной мере. Из-за угла особняка, того самого, подвалом коего пользовался паб, ребятам навстречу вышла Луция Бавервильд, рыжеволосая красотка. На этот раз её стройное тело облегал длинный тёмно-синий плащ. Волосы, собранные в толстую косу, огненной змеей покоились на левом плече, правое же было занято большим чёрным какаду.

– Доброе утро, – мило улыбнулась она остолбеневшим ребятам; Юна с откровенным недоверием смотрела ей прямо в лицо. – Следуйте за мной.

Она развернулась и последовала обратно, откуда пришла. Луция обернулась и, видя, что приятели как стояли на месте, так и стоят, вновь произнесла:

– Следуйте за мной, если хотите жить.

Значила ли её полуулыбка насмешку, как истолковала для себя Юна, или обещание – как надеялся Виктор, или ловушку – как опасался Матфей? Эрик же единственный, кто учуял хитрую авантюру в мелькнувшей усмешке рыжеволосой бестии, как он уже окрестил её в своих мыслях. Но угодив в омут, будешь рад любой протянутой руке помощи, даже, если она принадлежит Дьяволу, не так ли?

Сказала и скрылась за углом особняка. Первым очнулся Эрик, он дёрнул за рукав Виктора. Юна презрительно фыркнула. Матфей же удивлённо переводил взгляд с того места, откуда чудным образом материализовалась их недавняя знакомая, на лица товарищей.

– Чего стоим? Надо двигать, – решил за всех Эрик Горденов и первым направился вслед за Луцией.

– Э, ребят, – решила остудить пыл друзей Юна, – а вам не кажется подозрительным, что она появилась так своевременно?

– Да, пожалуй, это чертовски удачное совпадение, – согласился Виктор, – но, может, она на нашей стороне? Вдруг она – единственная возможность вырваться из этих клещей?

– А с другой стороны, она может привести нас прямо в руки праведников или вурдалаков, – упрямо гнула Юна. – Мы её совсем не знаем. Да и на рынке она свалилась, как кирпич на голову.

– Ласточка, у нас много вариантов? – пусть и несколько грубовато решил сломить недоверие Юны Эрик. – Сама посуди: мы в незнакомом городе, среди незнакомцев. Никому нельзя

доверять. Нас взяли в кольцо. Ну, можно допустить, что среди такой тьмы народу есть хоть один человек, которому до нас есть дело в хорошем смысле?

– Не знаю. Я ей не верю.

– Маф, а ты что думаешь?

Матфей посмотрел вверх, Гамаюн всё ещё сидел на козырьке.

– Как ты думаешь, стоит ей довериться? – спросил он у ворона.

– Доверие – слишком дорогой нынче товар. Не ровен час, можно дорого заплатить за него, – глухо прокаркал Гамаюн. – Но я лишь прислужник, моё дело пособлять тебе. Как решишь, так и будет.

– А как же твои предостережения? Советы?

– Ты уже достаточно взросл, чтобы постоянно их просить. Пора думать своей головой. Но взвешивай всё аккуратно, помни, что отныне ты в ответе за другие головы.

– Ну, спасибо тебе.

– Так что вы там? – нервно окрикнул Эрик, он уже стоял на углу и нетерпеливо смотрел на ребят, всё ещё не решавшихся идти за Луцией.

– У нас не так много вариантов, – ответил Матфей, – идём за ней. Надеюсь, это не ловушка.

За особняком тянулся небольшой тёмный, глухой переулок, стиснутый камнем дороги и стенами зданий. В конце его стояла рыжеволосая девушка и ждала. Как только приятели ступили на каменистую дорожку переулка, Луция нырнула вправо и скрылась из поля зрения.

– Постой, господин, – предостерёг саламандр Матфея, – позволь мне разведку произвести. Я не так приметен, и зрение у меня лучше, чем у кошачьего племени. А если что не так, то бегаю не хуже усаых.

– Ишь, каков. – Лиандр надменно зыркнул на Рарога, но, тем не менее, остановился.

– А, может, лучше Гамаюна отправить? У него самая выигрышная позиция, – предложил всеслух, – да и кто обратит на ворона внимание?

– Не скажи, – возразил тут же ящер, – та рыжая прекрасно ведаёт, что к чему. Если она наш враг, то ворона будут ждать. А меня она не видела. Я ваше преимущество.

– Маленькое такое преимущество, – усмехнулся Лиандр.

– Ты его ещё в деле не видел, – заступилась за приятеля Сеера.

– То-то и оно.

– Ладно, ступай, но очень прошу тебя, будь осторожен, – согласился Матфей, отпуская прислужника.

Саламандр тут же припустил по булыжной мостовой, его чёрное в жёлтых пятнах тельце смотрелось на средневековой улочке фантастическим видением из иного мира. Рарог добежал до конца переулка и вильнул в ту же сторону, что и Луция.

Минуты тянулись медленно, точно час. Но вот ящер вновь появился и вместо того, чтобы вернуться, пронзительно пропищал:

– Идите, всё чисто.

Вся честная компания тут же устремила в его сторону. Поворот, примыкавший к переулку, выводил в круглый дворик, в центре которого возвышалась седая ель. В изножье её стояла деревянная скамья с высокой спинкой, где сидела Луция. Дворик был пуст и тих, объят непривычным покоем, пронизанным запахом сладковатой хвои.

– Ну, наконец-то, – произнесла Луция, вставая со скамьи. – Я уж думала, что вы решили сдаться.

– И как же ты можешь помочь? – Юна как могла, старалась сдержать язву в своих словах, но это ей плохо далось. – Мы в ловушке здесь. Я не вижу отсюда каких-либо иных ходов, кроме того, которым мы сюда пришли.

– Плохомотришь, милочка.

Луция одарила её холодным, презрительным взглядом, но голос её звучал снисходительно, чем ещё сильнее зацепил самолюбие Юны.

– Я договорилась, – продолжила Луция, отбросив косу за спину. Чёрный попугай по-прежнему сидел на плече. – Переправщики ждут плату.

– Что? Снова?! – вскрикнул Эрик и тут же прикрыл рот. – Я ни за что не отправлюсь с этими птицами. Ни за что!

– Нет, можно, конечно, остаться, но тогда вас поймают. Это вопрос времени, кстати, очень короткий вопрос, – иронично заметила рыжеволосая. – Вас, может, и отпустят, но его, – она указала в сторону Матфея, – его они выпотрошат наизнанку, потом соберут, заштопают и заставят творить мерзости в свою пользу. Но решать вам.

Уста Луции Бавервильд продолжали хранить загадочную ухмылку, точного значения которой уловить никто так и не мог.

– Я согласен потерпеть ещё раз, – решил Виктор и взял на руки кота.

– Э, а точно нет другого, хоть какого, самого крошечного вариантика? – решил уточнить Эрик Горденев. На всякий случай.

– Это и есть самый крошечный из всех, и единственный, – не глядя в его сторону, произнесла Луция.

– Ребят, надо решаться, мне уже чудится волчий вой, – выговорил Матфей. – Да и пора из этого средневековья валить.

– Если так, если нет иного выбора, тогда вперёд, – выдавила Юна. – Где галка?

Луция хлопнула в ладоши и с еловых ветвей слетели три галки, до поры незаметные глазу.

– А ты? – Виктор смотрел на девушку смущённо, с тревогой. – Ты не с нами?

– А мне переправщик заказной не нужен. – Луция перевела на него взгляд, и юноша задержал дыхание под взором её искрившихся проказливым весельем глаз. – У меня Маргел, он отличный переправщик, как ворон вашего друга.

От её похвалы какаду раздулся едва ли не как индюк.

– Доставай нож, Вик, – уныло изрёк Эрик.

Вновь повторилась болезненная процедура, галки, ворон и попугай получили свои порции крови, на этот раз, как показалось Матфею, её было отдано больше.

– Переправщик, прими плату и доставь меня живым и невредимым туда, куда мне надо. Слова слетели с губ ребят, и водоворот захлестнул их тела, унося прочь из Кошвы.

Через пять минут в дворик вбежали волчьи псы, а за ними их хозяева. Последним последовал Револьд Астрогор. Волкодлак громадной тенью шёл подле господина.

К главарю приблизился Мэрик, один из немногих, кто смел прямо смотреть в глаза боссу и не клонил спины под недобрый взгляд того, когда план вдруг шёл не тем путём, каким его распланировали.

– Их нет. Верно, переправщиков наняли, – сообщил подчинённый. – Другого пути отсюда нет: наши за теми домами, а праведники в южной части города.

– Что ж, – задумчиво, но неожиданно довольно ответил на то Астрогор, – так даже интереснее. Погоня придаёт охоте вкус особый – тем слаще мёд испить в конце.

Паучок, паучок, куда ползёшь ты? На бочок.

Паучок, паучок, куда ползёшь ты? В кулачок.

Паучок, паучок, куда ползёшь ты? В кушачок.

Паучок, паучок, возьми с собой! Ты дурачок?

5. Земля благословенных

Вышло ещё хуже, чем в прошлый раз.

– Зачем... зачем я на это согласился? – стонал, лёжа на боку, Эрик Горденов. – Это не лучше зубов зверя. Нет, хуже.

– Прекрати, Эр, – отдышавшись, заговорил Виктор Сухманов. Он лучше ребят справился со вторым «перелётом». – Юна меньше тебя и, к тому же, девушка, а ведёт себя мужественнее.

– Рад за неё, – пробубнил Эрик, радости за подругу, однако, не испытывая. – У меня всё нутро вывернулось наизнанку. И почему все эти выкрутасы происходят после того, как я поем? Знал бы – не завтракал. Фу!

В темноте раздались булькающие звуки попеременно с прерывистым, силным дыханием юноши. Юна, горло которой горело адским пламенем, будто его царапали когтями бешеные кошки, с сочувствием всматривалась туда, где мучился Эрик. Благо, её страдания закончились.

Галки покинули их, оставив в темноте, тишине, неизвестности.

– Где мы? – обессилено, спросила она. Воздух, болезненно вдыхаемый грудью, горчил пылью и отдавал душным зноем. – Сейчас ночь или мы просто в какой-то дыре?

– Судя по запаху, мы далеко от Тартарусы, – мяукнула Сеера.

Кошка подобралась к Матфею, лежавшему ничком на земле, и внимательно обнюхивала его голову.

– И скоро рассвет, – добавила она, сладко зевнув, – я чувствую прилив сил.

Странно, если они перенеслись в пещеру или подвал с высоким сводом, то эхо не множило их голосов. Да и тепло и сухо, даже чересчур. Где же они тогда?

– Гамаюн, – позвал Матфей ворона.

– О том спроси рыжеволосую бестию, – холодно отозвался прислужник, – ведь это она нас сюда затащила. Ей-то уж лучше знать, где мы.

Точно, Луция Бавервильд. За переживанием «отходняка» переправы, Матфей на какой-то момент выбросил из головы девушку, а ведь она заказала переправщиков и дала им указание, куда нужно лететь.

– Луция, ты как?

– Порядок, мальчики, – она отозвалась по-кошачьи мягким голоском. – Не в первый раз путешествовую экспресс-доставкой.

Судя по звуку тихих с шуршанием шажков, она медленно прохаживалась совсем близко.

– Где мы, Луция? – спросил Виктор.

Лиандр, покинувший его надёжные объятия во время приземления, сидел подле, с недоверием следя за наемницей галок. Коту не нравилось что-то в её игривой манере двигаться и говорить. А что уж говорить о её прислужнике, чёрном какаду; всяк кот знает: нет веры попугаю и сороке, обе птицы крикливы, болтливы, да лживы. Но прислужник Луции пока не вымолвил ни словечка, чем обострил мнительность Лиандра к своей персоне ещё острее.

Сеера тоже держалась наготове, неизвестность не пугала её кошачью натуру, но долг в отношении господина, требовал особого внимания. По той же причине Рарог замер в ногах Матфея, заняв выжидательную позицию. Гамаюн более надеясь на слух, сидел где-то рядом и предпочитал ничего не предпринимать, пока всё более-менее не разъяснится.

– Расслабьтесь, мы в Дханпуре, – пролепетала Луция, чуток сдобрив голос насмешливой ноткой. – Не во дворце, конечно. Галки хоть и старательный народ, но точностью обделены. Скорей всего – захолустные трущобы.

– А... а где это? – поинтересовалась Юна, голос её дрожал от замешательства.

– Вот чертовка, Дьявол Всезрящий, – чертыхнулся Гамаюн, послышалось, как он встряхнул оперение. – Додумалась! Затащить нас в Агнишандир, где трудно будет слиться с толпой.

– Страна благословенных агнишаров, – пискнул Рарог и с чего-то вдруг засуетился.

– Ой, нет, – угрюмо мяукнула кошка, – теперь он не уgomонится. Здесь его родня обитает. Он же так рвался сюда с самого начала. Теперь не уgomонится, пока не увидится с огненным племенем.

– А что в том плохого? – возмущённо заверещал ящер, он уже беспокойно перебирал лапками около самого лица Матфея, отчего юноша передумал лежать и решил – пора подниматься на ноги. – Они много чего знают и смогут нам помочь. Вместе саламандры – мощь куда более ярая, чем кошки.

– Заплюют ядом, – иронично каркнул Гамаюн.

– Эр, вставай, все уже на ногах.

Виктор на ощупь подобрался к стонавшему, правда, уже тише, другу и, подхватив его под руку, помог подняться. Тот сильно шатнулся и едва не упал, но крепыш Виктор удержал его.

– Отпусти, я смогу, – потребовал Эрик, смутившись своей временной беспомощности.

– Как скажешь, но вставать будешь сам.

С тем Виктор его отпустил, и, как ожидалось, Эрик тут же рухнул, не устояв на дрожащих ногах.

– Ребят, кажется, я вижу свет, слабый такой, вон там.

Пока Эрик предпринимал вторую попытку придания телу стоячего положения, Юна рискнула в пыльной темноте продвинуться в сторону размытого крошечного проблеска света. Наткнувшись на что-то и едва не упав, она всё же добралась.

– Идите сюда! Это выход, – она что-то с силой одёрнула, раздался треск рвущейся ткани, и маленькая щёлочка света расширилась до треугольника высотой с девушку. – Мы в каком-то шатре, по-моему.

Тусклая, но достаточная дорожка света легла в пыль, обтекая какие-то ящики. На один из них и натолкнулась Юна. Ребята тут же подобрались к выходу и вслед за подругой вышли.

– Как я и думала, трущобы, – скривив губки, вымолвила Луция. – Ладно, горе – не беда, скоро базар откроется. Маргел, отыщи дорогу на базар. Мне нужно переодеться, да и остальным не помешает.

Какаду всё также безмолвно, взмахнул крыльями и покинул плечо хозяйки. Он быстро удалялся, вскоре став чёрной точкой в розовевшем небе. Рассвет уже нежно румянил восточный горизонт, предвещая нарождавшемуся дню знойность. Тёплый ветер, точно сонный пастух, лениво подгонял пышнотелые, в золотисто-ржавом канте облака, подсвеченные разбуженным солнцем.

Ночь ушла восвояси, мир преображался, множился, расцветал.

Друзья в изумлении всматривались в голубоватые домики, наклепанные друг на друга и друг к дружке, простиравшиеся всюду, куда хватало глаз. Их было так много, что соты в улье. А за спинами новоприбывших возвышался некогда яркий, цветастый, теперь блёклый от солнца и ветра громадный шатёр. Его парусиновые бока – впалые щёки – едва трепетали от легких касаний ветра.

– Понятно, это Раджастан – голубой город, – с важным видом объявил Гамаюн, когда солнце неспешно выпятилось на горизонте, и округа наполнилась истинными красками. – Интересное местечко. Кстати, самое занятное, этот город всего лишь пригород Дханпура.

– Как нижний или средний город Кошивы? – решил уточнить Матфей.

– Почти, но не совсем. В Кошиве три города строились постепенно, кольцами, со строгим разделением занятий и сословий. А в Агнишандире голубой город и Дханпур рождались одновременно, один из другого. В Раджастане поселилась каста жрецов, что носила голубые одежды, оттого и дома их переняли лазурь, а Дханпур достался князю и его войску. В том и была заложена гармония: военная мощь и благочестие духа в добром союзе соседствовали друг с другом, оберегая границы провинции и сдерживая дурные порывы.

– Но как всегда, что-то пошло не так, и всё пало прахом, – сыронизировал Матфей, скривив лицо.

– Примерно так, молодой человек, – сухо отозвался ворон.

– О чём ты так мило беседуешь с прислужником? Могу и я узнать? – Луция так внезапно возникла рядом, что Матфей вздрогнул и тут же зашёлся сильным румянцем. Гамаюн высокомерно каркнул. Возможно даже что-то неприличное, чего союзник разобрать не смог.

– Да ни о чём таком, – растерянно проговорил юноша, – немного истории.

– О, историю я люблю, – промурлыкала Луция и, подобрав косу, перекинула на плечо туго сплетённую медь волос. – Поделишься?

– Да, Фей, поделишься с нами историей? – Юна тоже оказалась рядом и одарила приятеля таким неласковым взглядом, что краска тут же сошла с его лица.

Но он и слова не успел произнести, как воздух огласил сухой трескучий крик. Попугай возвращался. Ещё чутко и он уже сидел на плече Луции, торопливо нашёптывая той результат разведки.

– У меня от чёрных птиц мурашки, – шепнул совсем близко Эрик Горденов, оказавшийся тут как тут, – не внушают они мне доверия.

Но продолжать в том же духе он не стал, поймав на себе предельно внимательный взгляд прозрачно-синих глаз ворона. И чтобы как-то исчерпать тему и отвести от себя пристальное наблюдение Гамаюна, добавил:

– Впрочем, вороны и кошки вполне ничего.

Наверное, пернатый прислужник Матфея сокрушённо вздохнул притом, но его союзник слишком занятый, пропустил слова приятеля мимо ушей. Матфей сумел расслышать самую малость; чёрный какаду как-то странно на него косился и старательно выговаривал слова так тихо, чтобы никто, кроме госпожи, их не разобрал.

– Благодарю, Маргел, ты отлично справился, друг мой.

Довольный какаду напыжился, его хохолок, большой, из узких, длинных, закрученных назад, лентовидных перьев распушился. Тёмно-коричневые глаза птицы внимательно следили за спутниками Луции. В знак дополнительного поощрения Бавервильд провела тонкими пальцами по птичьей спинке чёрно-грифельного цвета с едва заметным зелёным оттенком. Попугай от удовольствия заурчал по-кошачьи.

– Терпеть не могу, фыр, – сквозь зубы пробурчала Сеера, но так, что слышали только Матфей да Гамаюн. – Не выношу, когда копируют. Противно слышать.

– Я могу и лучше, – с ноткой хвастовства заметил ворон, но поймав откровенно злобный взгляд кошки, тут же поправился, – но зачем это мне? Я давно не юнец какой-то, чтобы кошек дразнить.

– Нам по той дороге, – Луция указала влево в сторону от шатра. – Маргел проверил, эта дорога ведёт напрямую к базару.

– Ну, так идём, – согласился Виктор, присоединившись к рыжеволосой хозяйке какаду.

Даже так рано на улице они были не одни. Очень скоро после трех – пятерых встречных горожан улица заволновалась, запестрела и расплзлась в обе стороны своего русла сотнями светлых людей.

– Такая рань, а столько народу на ногах, – поразился Эрик Горденов. – Куда это они?

Гамаюн не ошибся в своих опасениях: в муравьиной толчее смуглых, точно кофейные зёрна, агнишаров – пусть одежды их ничем и не отличались от одежд ребят – не так просто сойти за своего, когда ты чужак, светлокожий чужак, иной культуры чужак. Даже вымажись грязью, спрячь свою бледную кожу и молчи, тебя вытянет на поверхность взгляд чужака.

– На базар, в основном, – пояснила Луция Бавервильд.

Рыжеволосая красotka успела стянуть с себя плащ и, перебросив его на плечо, что не было занято попугаем, небрежно придерживала пальцами. Открывшееся всеобщему обзору светло-зелёное платье, короткое и облегавшее достаточно откровенно безупречное тело девушки, довольно сильно подействовало на юношей, старательно украдкой бросавших косые

взгляды на особо выпуклые формы Луции. Естественно, не укрылось это и от Юны, внезапно угодившей в тень рыжей бестии.

– Значит, Агнишандир, по сути Индия? – поинтересовался вслух Матфей.

– Не совсем, господин, – опередил других прислужников Рарог. – Но лишь в большинстве своём. Мы на севере, а на юго-востоке страны живут дети Дракона. Потому всё неоднозначно. Это земля благословенных.

Он наполовину высунулся из кармана куртки; Матфей предпочёл оставить верхнюю одежду, расстегнувшись, нежели тащить её в руках или на плече, как Луция. Внутренний карман с заветным конвертом теперь стал всеобщим оберегом и за ним нужен глаз да глаз.

По обеим сторонам берега уличной реки проплывали кирпичные стены домов, облицованные небесной бирюзой. В несколько этажей, обычно не более пяти, с пластинами броской рекламы на балкончиках и фасадах, здания так тесно и близко жались к улице, что её асфальтового полотнища местами едва хватало разъехаться повозкам двух рикш.

Нагнетался и сам воздух. В усилившийся зной незатейливо вплетался, как лента в косу, душный жар местных общепитов, чересчур щедро одобренный пряными специями. Ещё, пожалуй, проникновенные, чувственные шлейфы благовоний змейками выползали из-за неприкрытых манящих дверей крохотных магазинчиков, торгующих маслами. Эти незримые джины щекотали нос, маслили нёбо и ласкали кончик языка, а затем ныряли в глубины тела, соблазняя, восхищая, дурманя.

Уличный поток вскоре стал так плотен, что друзья, опасались растерять друг друга в гудящей толчее, двигались вереницей, взглядом цепляясь за макушку впереди идущего.

Луция во главе шествия остановилась и взглядом дала знать, что они пришли. Девушка стояла напротив магазинчика, чья цветастая вывеска двоилась родным, вирийским, языком и загадочными восточными символами: «Великий Монгол».

– Думаю, этот подойдёт, – кивнула она то ли своему прислужнику, то ли спутникам. – Нам повезло, ещё не час пик, и мы можем позволить себе час примерки. Но не более того.

– Хм, но мы же не дошли до базара. – Эрик вопросительно изучал даль уличного движения.

– Собственно, это и есть сам базар, – одарила его Луция снисходительной улыбкой. – Забудьте о прилавках под тентами и под деревянными навесами на окраине привычных вам городков. В этой стране базар и есть сам город. По крайней мере, эта его часть.

– Чего на свете только нет, – скорее для виду произнёс Виктор Сухманов; каре-зелёные глаза юноши всё больше наполнились раздражением: он с трудом выносил многолюдность, и открытие куда сильнее досадило, чем удивило его.

– А как насчёт цен? – заволновалась Юна, она с тревогой переводила взгляд с Матфея на Луцию, и добавила тихонько. – Нам это по карману?

– О, милочка, не волнуйся, – насмешливо глянув на неё, произнесла Луция. – Цены здесь, не в пример вирийским, до смешного малые. За один вирийский рубль дадут полторы агнишандирских рупии. Да и качество одежды вполне ничего, сносно.

Прислужники остались снаружи, благоразумно условившись обождать вынужденную заминку неподалёку, что подразумевало выбрать какой-нибудь укромный уголок, в чём Матфей сильно сомневался, учитывая плотность зданий.

Они прошли в «Великий Монгол», над дверью звякнул медный колокольчик. Благой приятностью оказался кондиционер, низвергавший почти осеннюю прохладу, одобренную нежным лотосом. Казавшийся крохотным снаружи, внутри магазинчик поражал едва ли не бездонными недрами. Рачительные хозяева хорошенько расстарались, уподобив своё детище западным аналогам. Одежда на любой вкус и размер терпеливо ожидала своего покупателя на вешалках, будучи расставлена по цветам, стилям и законам моды. Обувь от затейливых сапог до простецких сандалий изящными серпантинами красовалась на специальных островках.

Эрик тут же отправился подбирать себе более подходящую обувь. Как ни любимы были туфли, а с желанием покрасоваться временно приходилось распрощаться, если ноги дороги.

– Нам, девочкам, нужно вас оставить, мальчики, – медовым голосом проворковала Луция. – Сами понимаете, примерки и всё такое.

Юна с досадой отметила, как нехотя отпускают Луцию, а не её, Юну, парни. Кошки заскребли внутри от столь явного безразличия, болезненно цепляя коготками. Она всё ж пошла с рыжеволосой выскочкой.

– Тебе не хватает лоска, – долетело до её слуха. – Сама ты ничего такая, но шика не хватает.

– Чего? – оторопело выговорила Юна.

А Луция словно в танце начала кружить среди рядов платьев. Её тонкие, бледные с россыпью едва заметных веснушек руки едва касались сочных нарядов. Вот кончики пальцев чуть пригладили лимонно-жёлтый шёлк сарафана, но тут же заскользили по лаймо-кремовому хлопку платья с коротким рукавом.

– Тебе нужно платье, милочка, – Луция не глядя в глаза Юне, обдала ту холодной улыбкой. – Приталенное, подчёркивающее, а не скрывающее твои достоинства. Пора избавляться от балахонов.

– Подумаешь, – фыркнула в ответ Юна, – профи нашлась. И я тебе не милочка.

Снисходительная и до возмутительности покровительственная манера рыжеволосой девицы – особо сильной разницы в возрасте меж ними не замечалось (если только какие-то два или три года – что не давало оснований командовать!) – до скрежета зубов вызвала негодование той, кого величали Ласточкой. Каких усилий воли стоило ей утишить порыв и не ответить грубо!

– Извини, Юна, – проигнорировав обиженный тон спутницы, всё также свысока (во всех смыслах этого слова) продолжала Луция, – но пора взрослеть. Ты сама видела, *как* они смотрят на интересную женщину в *правильной* одежде.

На согнутой руке Луции, как на вешалке, быстро наслаивались зелёные, вишнёвые, синие наряды.

– Ничего я не видела, – упрямо гнула своё Юна, её чёрно-белое оперение волос то пропадало среди перекалдин с юбками и брюками, то вновь выплывало.

– Видела, я знаю, – усмешка расплылась на алых губах рыжей. – Почему ты так себя не любишь? Ты хороша, даже очень, но...

– Красота должна быть внутри, в первую очередь, – возразила Юна, её монгольские глаза сузились и обдали собеседницу вишнёвыми искорками.

– Много книг читаешь, – откровенно рассмеялась чертовка, глаза которой лучились тёмными гранатами. – Давно могла всех этих парней соблазнить и получить.

– Мне не нужны все, – жгучее отчаяние вырвалось из уст Ласточки, от испуга она прикрыла рот ладонью.

– Ага, тебе нужен один из них, – поймав крючком недосказанное признание, хитро прищурилась Луция. – Интересно, кто же?

Но Юна не дала ей вслух додумать, она схватила первое, что подвернулось под руку – платье цвета кофе с молоком, длинное и мешковатое – и устремилась к примерочной кабинке. За шторкой, отделившей её от прочего мира, Юна согнулась, будто в руках у неё было не невесомое хлопковое платьице, а тяжеленная, с тонну роба.

Она пристроила ненужный наряд на крючок и присела на табурет. Из зеркала на неё смотрело печальное создание, впервые осознавшее терпкую горечь своей беспомощности. Куда подевалась та бойкая, не дающая себя в обиду Юна? Прежде она бы и слова не дала вставить такой выскочке и пустышке, каковой казалась ей Луция. Хотя нет, эта рыжеволосая стерва была непроста, это Юна учуяла ещё в Кошине на рынке, едва их взгляды перекрестились. И

уж точно не пустая. Юна прямо-таки видела, как юркие змеи расплзались по внутренностям рыжей, впрыскивая той яд в кровь. Что ей нужно от ребят? А может... может, ей нужен только один из них? Тот, что и Юне.

– Лови, красotka. – Сверху на шторке образовался ворох разноцветных одежд. – Эти подойдут тебе лучше, чем тот балахон, в который ты так отчаянно вцепилась.

Первым импульсом хотелось швырнуть в лицо нахалке эти тряпки, но пойманное вновь отражение остановило её. Руки сами по себе потянулись к свешивавшимся платьям. В конце концов, она ничего, кроме времени, не потеряет от примерки.

Платья садились на неё, как влитые, точно сшитые для неё. Юна поймала себя на том, что любит себя в персиковом платье из шёлка с длинным расклешённым рукавом. В нём она так нежна, так чарующе притягательна.

– Ну вот, другое дело, – раздался довольный голосок Луции, она украдкой подглядывала за Юной в щель занавеси. – А у меня глаз-алмаз. Угадала с размером. Ещё губы оживить помадой и можно в бой.

– Я не крашусь, – строго заметила Юна.

– А я научу.

Выбрав из всех нарядов персиковое платье, Юна решила в нём же и покинуть магазин. По совету Луции подобрались удобные сандалии и тонкая ажурная накидка-болеро в тон платью. У кассы девушки встретились с ребятами, те тоже легко приоделись, сложив прежнюю одежду в пакеты.

Луция снова приковала взгляды парней. Платье сменили серебристые хлопчатобумажные юбка-брюки, нежно-зелёная шёлковая блуза, на ногах красовались белоснежные теннисные туфли. Медно-вишнёвые волосы обрели свободу от сплетения косы и, аккуратно схваченные на голове золотистым бархатом повязки, мелкими волнами спускались по плечам и спине девушки.

– Юна, какая ты! – Матфей слов не мог подобрать, а вот щёки многое сказали за него, побелев и тут же зардевшись.

Ребята особых стараний в выборе одежды не проявили, за исключением Эрика. Джинсы, рубашки, кроссовки.

– И это тоже. – Луция добавила к общей массе покупок флакончик с бледно-розовой помадой. – Для вашей ласточки.

– Не нужно, – тут же воспротивилась, правда, слабо Юна.

– Не слушай её. Нужно, – назидательно добавила рыжеволосая «наставница», легонько дотронувшись до руки Матфея, всего лишь на долю секунды, и тут же отстранившись.

По совету же Луции в прикупленные рюкзаки распихали ненужную в здешнем крае тёплую одежду. Никогда не знаешь, где ты окажешься в следующий момент, а одежда может пригодиться.

С тем и покинули «Великого Монгола».

Сошлись на том, что неплохо бы позавтракать. Ощущение пустоты вернулось в желудки, подавая красноречивые сигналы.

– Я хочу есть, но теперь боюсь, что как только наемся от пуза, нас вновь окружают и иного выхода, как нестись сквозь пространства, не будет, – высказал опасение Эрик. – Я в том пыльном шатре едва весь желудок из себя не исторг. Жуть.

– А мне всё равно, – беззаботно сказал ему на то Виктор Сухманов, рядом со статной Луцией его взгляд захмелел и искрился бесшабашностью. – К тому же рано или поздно, организм привыкнет. Вон, Луция освоилась же.

– Можно просто – Луя, – мягко отметила девушка. – У каждого свои особенности организма. Я слышала, что были и такие, кто не смог привыкнуть, но были и такие редкие везунчики, что свой первый полёт перенесли на ура.

Нырнув в сторону от проспекта базарной улицы, ведомые рыжеволосой проводницей, ребята вышли к другой улице, где уже движение и жизнь бурлили тише. И людей здесь наблюдалось намного меньше. Совпадение или нет, но все прислужники обнаружили именно здесь. Юна недвусмысленно намекнула на этот факт, устремив красноречивый взгляд на возмутительно спокойную спутницу, но та лишь недоумённо пожала плечами, а парни предпочли согласиться с Виктором, который беспрекословно и твёрдо утвердил, что всё удачное совпадение – и точка. Что ж, рыжая, как минимум обзавелась одним защитником, со смесью горечи и досады подумала Юна, нельзя допустить, чтобы штат разросся и вобрал в себя *её*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.